

Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова

Гуманитарно-педагогические исследования

---

*Научный журнал
(издается с 2017 г. четыре раза в год)*

2018 Т. 2 № 3

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», 2018

Учредитель - Магнитогорский государственный технический университет
им. Г.И. Носова (пр. Ленина, д. 38, г. Магнитогорск Челябинской обл., Россия, 455000)

16+ в соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ от 29.12.2010

Адрес редакции: пр. Ленина д. 26, г. Магнитогорск Челябинской области, 455000.
Тел. 8(3519) 229961, E-mail: igo@magtu.ru

Научная подготовка выпусков журнала осуществляется преподавателями Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»

В оформлении обложки использована фотография студентов ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова» на экскурсии в Государственном архиве Челябинской области, июнь 2018.

Адрес издателя:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 45/2,
ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», издательский центр

Адрес типографии:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38,
ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», участок оперативной полиграфии
Выход в свет 28.09.2018. Заказ 402. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Humanitarian and pedagogical Research

Scientific Journal
(published since 2017 four times a year)

2018 VOL. 2 No. 3

© Federal State Budgetary Institution of Higher Professional Education
Nosov Magnitogorsk State Technical University, 2018

Founder - Nosov Magnitogorsk State Technical University, 2018 (38, Lenin St., Magnitogorsk 455000, Chelyabinsk Region).

16+ in accordance with Federal Law #436-FZ dated 29.12.2010

Editorial office: 26, Lenin St., Magnitogorsk 455000, Chelyabinsk Region, Phone: +7(3519) 229961, E-mail: igo@magtu.ru

The scientific preparation of the journal is carried out by the lecturers of the Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University

The cover design - a photograph of NMSTU students at the excursion to State Archive of the Chelyabinsk region, June 2018.

Editorial office:

45/2 Karla Marksa prospekt, Magnitogorsk, Chelyabinsk region, 455000, Russia
Nosov Magnitogorsk State Technical University

Printing office:

38 Lenin prospekt, Magnitogorsk, Chelyabinsk region, 455000, Russia
Nosov Magnitogorsk State Technical University
Publication date: 28.09.2018. Order 402. Circulation: 500. Open price.

Редакционная коллегия

Главный редактор – д-р пед. наук *Ольга Владимировна Гневэк* (Магнитогорск)

Зам. главного редактора – д-р пед. наук *Елена Николаевна Раицикулина* (Магнитогорск)

Ответственный редактор – канд. филол. наук *Светлана Леонидовна Андреева* (Магнитогорск)

Технический редактор - *Чурилов Владимир Васильевич* (Магнитогорск)

Редакционный совет

Раздел I. Образование и педагогические науки

Кружилина Тамара Васильевна - д-р пед. наук (Магнитогорск)

Лешер Ольга Вениаминовна - д-р пед. наук (Магнитогорск)

Маралов Владимир Георгиевич - д-р психол. наук (Череповец)

Орехова Татьяна Федоровна - д-р пед. наук (Магнитогорск)

Пономарева Любовь Дмитриевна - д-р пед. наук (Магнитогорск)

Савва Любовь Ивановна - д-р пед. наук (Магнитогорск)

Сайгушев Николай Яковлевич - д-р пед. наук (Магнитогорск)

Кувшинова Ирина Александровна - канд. пед. наук (Магнитогорск)

Лукина Оксана Анатольевна - канд. пед. наук (Магнитогорск)

Раздел II. Общественные науки

Джусти Мария Тереза - проф. (Кьети, Италия)

Дубинин Сергей Николаевич - д-р психол. наук (Костанай, Казахстан)

Желеску Петр Степанович - проф., доктор психол. наук (Кишинев, Молдова)

Потемкина Марина Николаевна - д-р ист. наук (Магнитогорск)

Мусийчук Мария Владимировна - д-р. филос. наук (Магнитогорск)

Испулова Светлана Николаевна - канд. пед. наук (Магнитогорск)

Макарова Надежда Николаевна - канд. ист. наук (Магнитогорск)

Чернобровкин Владимир Александрович - канд. филос. наук (Магнитогорск)

Раздел III. Филологические науки

Исакова Сабара Сагынбековна - д-р филол. наук (Актобе, Казахстан)

Савельев Константин Николаевич - д-р филол. наук (Магнитогорск)

Чурилина Любовь Николаевна - д-р филол. наук (Магнитогорск)

Шулежкова Светлана Григорьевна - д-р филол. наук (Магнитогорск)

Емец Татьяна Владимировна - канд. филол. наук (Магнитогорск)

Пустовойтова Ольга Васильевна - канд. филол. наук (Магнитогорск)

Ломакина Екатерина Александровна - канд. филол. наук (Магнитогорск)

Редакторы части журнала на английском языке

Ломакина Екатерина Александровна - канд. филол. наук (Магнитогорск)

Editorial team

Editor-in-Chief - *Ol'ga V. Gnevek*, Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)

Deputy editor-in-chief - *Elena N. Rashchikulina*, Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)

Managing editor - *Svetlana L. Andreeva*, Ph.D. in Philology (Magnitogorsk, Russia)

Technical Editor - *Vladimir V. Churilov* (Magnitogorsk, Russia)

Editorial Council

Section I. Education and Pedagogical Sciences

Tamara V. Krujilina - Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)

Olga V. Leshner - Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)

Vladimir G. Maralov - Doctor of Science in Psychology (Cherepovets, Russia)

Tatiana F. Orehova - Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)

Ljubov' D. Ponomareva - Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)

Liubov' I. Savva - Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)

Nikolai N. Saigushev - Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)

Irina A. Kuvshinova - PhD in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)

Oxsana A. Lukina - PhD in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)

Section II. Social Sciences

Maria Teresa Giusti - Adjunct Professor of Contemporary History and Social History, PhD Dpt. of Literature, Arts and Social Sciences (Chieti, Italy)

Sergey N. Dubinin - Doctor of Science in Psychology (Kostanay, Kazakhstan)

Petru Jelescu - Doctor of Science in Psychology (Kishinev, Republica Moldova)

Marina N. Potemkina - Doctor of Science in History (Magnitogorsk, Russia)

Maria V. Musiychuk - Doctor of Science in Philosophy (Magnitogorsk, Russia)

Svetlana N. Ispulova - PhD in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)

Nadezhda N. Makarova - Ph.D. in History (Magnitogorsk, Russia)

Vladimir A. Chernobrovkin - Ph.D. in Philosophy (Magnitogorsk, Russia)

Section III. Philology

Sabira S. Issakova - Doctor of Science in Philology (Aktobe, Kazakhstan)

Konstantin N. Savelyev - Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)

Lyubov N. Churilina - Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)

Svetlana G. Shulezhkova - Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)

Tatiana V. Emets - Ph.D. in Philology (Magnitogorsk, Russia)

Olga V. Pustovoi'tova - Ph.D. in Philology (Magnitogorsk, Russia)

Yekaterina A. Lomakina - Ph.D. in Philology (Magnitogorsk, Russia)

Editors of the issue of the journal in English -

Yekaterina A. Lomakina - Ph.D. in Philology (Magnitogorsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

І. ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	6
<i>А. С. Андрюнина</i> ОБРАЗ МАЛОЙ РОДИНЫ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТА ПЕДВУЗА.....	6
<i>Л. В. Оринина, И. В. Кашиба</i> МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА	11
<i>А. В. Подгорская</i> ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ОРИЕНТИРОВ ШКОЛЬНИКОВ (ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОД)	16
ІІ. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ	21
<i>А. В. Безруков</i> ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ВОЛГО-КАМЬЯ В ПОСЛЕДНИЕ ВЕКА ДО Н.Э. - ПЕРВЫЕ ВЕКА Н.Э. (ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И НУМИЗМАТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ)	27
<i>В. В. Филатов</i> УЧАСТИЕ МЕСТНЫХ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В РЕПРЕССИЯХ ПРОТИВ КРЕСТЬЯН НАКАНУНЕ И В ГОДЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ	29
<i>Т. Г. Паиковская</i> ИСТОРИЯ МИГРАЦИЙ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В МЕТОДОЛОГИИ	37
<i>Ю. Д. Коробков, Н. С. Королев</i> МЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	43
ІІІ. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	53
<i>С. В. Рудакова, В. В. Цуркан</i> КОНЦЕПТ «ВОЙНА» В ПРОЗЕ А. БИТОВА.....	53
<i>Э. Карими Риаби</i> ОБРАЗ ПРОРОКА МУХАММАДА В ПОЭЗИИ И. А. БУНИНА	59
<i>О. В. Петешова</i> АЛЛЮЗИЯ КАК СПОСОБ СОГЛАСОВАНИЯ ТОПОНИМОВ ПРИ ПЕРЕИМЕНОВАНИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ	67
<i>Н. Р. Уразаева</i> ЦЕННОСТНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «WEG» В НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	71
ІV. К О Б С У Ж Д Е Н И Ю	80
<i>Д. С. Бужинская</i> РОЛЬ МЕДИЙНО-РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	80
V. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	86
<i>М. Н. Потемкина</i> РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРОЕКТА «ПАМЯТЬ О ХОЛОКОСТЕ – ПУТЬ К ТОЛЕРАНТНОСТИ» В МГТУ ИМ. Г.И. НОСОВА	86
ПАМЯТКА АВТОРАМ	91

CONTENTS

SECTION I. EDUCATION AND PEDAGOGICAL SCIENCES	6
<i>Andryunina A. S.</i>	
The Image of Small Motherland in Perception of Pedagogic University Student: Method of Semantic Differential.....	6
<i>Orinina L., Kashuba I.</i>	
Formation of Social-Communicative Competence of Higher Education Students	11
<i>Podgorskaya A. V.</i>	
Modern Literature Lesson and Problem of Moral and Spiritual Education at School.....	16
SECTION II. SOCIAL SCIENCES.....	21
<i>Bezrukov A. V.</i>	
Trade Contacts the Volga and the Kama Region in the Late BC – Early AD Centuries (Written Records, Archaeological and Numismatic Sources).....	21
<i>Filatov V. V.</i>	
Participation of Local Soviet Administrations of the Ural Region in Repressions Against Peasants on the Eve and in the Years of Collectivization.....	29
<i>Pashkovskaia T. G.</i>	
Migration History: Current Trends in Research Methodology.....	37
<i>Korobkov Yu. D., Korolev N. S.</i>	
Mental Bases of Social and Political Development of the Modern Russian Society.....	43
SECTION III. PHILOLOGY	53
<i>Rudakova S. V.</i>	
Tsurkan V. V. Concept of "War" in A.Bitov Prose.....	53
<i>Karimi R. E.</i>	
The Image of Prophet Muhammad in Ivan Bunin Poems.....	59
<i>Peteshova O.V.</i>	
Allusion as Adjustment Method of Toponyms in Renaming Regional Geographic Areas.....	67
<i>Urazayeva N. R.</i>	
Value as Element of Linguocultural Concept “Weg” in German View of the World.....	71
SECTION IV. FOR DISCUSSION.....	80
<i>Buzhinskaya D. S.</i>	
The Role of Media and Religious Discourse in Spiritual Life of Modern Russian Society.....	80
SECTION IV. SCIENTIFIC LIFE	86
<i>Potemkina M. N.</i>	
Implementation of International Project «Memory of the Holocaust – the Way to Tolerance» in NMSTU86	
Information for the author.....	91

I. ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК: 378.017.4:303.433.2

А. С. Андрюнина (Екатеринбург, Россия)

ОБРАЗ МАЛОЙ РОДИНЫ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТА ПЕДВУЗА

Аннотация. Современная система образования обращает особое внимание на патриотическое воспитание подрастающего поколения. В связи с этим особую важность приобретает готовность педагогических работников к осуществлению патриотического воспитания. Нужно не только знать символы государства, его известные персоны, но и воспринимать свою малую родину как ценность. При этом необходимо, чтобы это могли делать не только практикующие педагоги, но и будущие воспитатели и учителя – студенты педагогических вузов. В данной статье проведено исследование образа малой родины, который сложился в глазах студентов педагогических вузов. В качестве метода исследования использовался метод семантического дифференциала, который представляет собой модифицированную процедуру субъективного шкалирования. Для изучения образа малой родины респондентам предлагалось выбрать одно из прилагательных – антонимов. В ходе исследования было опрошено 52 студента Уральского государственного педагогического университета. Согласно результатам исследования, у студентов педвуза сформирован достаточно позитивный образ: 94 % опрошенных определяют свою малую родину посредством прилагательных *хороший* и *приятный*, около 90 % связывают свое восприятие со словами *светлый*, *красивый*, *естественный*, *полезный*, *открытый*, *упорядоченный*. Вместе с тем были получены и противоречивые оценки, проявившиеся при выборе студентами ответов среди таких пар, как *развитая* – *отсталая*, *самостоятельная* – *зависимая*, *сильная* – *слабая*, *возвышенная* – *низменная*. Каждая из позиций была отмечена примерно половиной респондентов. Около 60 % опрошенных передали восприятие малой родины посредством слов *бедная*, *обычная* и *ограниченная*. Таким образом, проведенное исследование показывает необходимость дальнейшей разработки данной темы, а также проведения специальной работы со студентами педагогического вуза, направленной на формирование положительного образа малой родины и ценностного отношения к ней.

Ключевые слова: студенты педагогического вуза, малая родина, семантический дифференциал, патриотизм, патриотическое воспитание.

Современная система образования обращает особое внимание на патриотическое воспитание подрастающего поколения. К данной теме в исследованиях обращались такие ученые, как С. В. Барышникова [2], И. Ф. Исаев, В. А. Слостенин, Е. Н. Шиянов [10], Е. В. Коротаева [5], Д. С. Лихачев [8] и др.

Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2010–2020 годы» определяет патриотическое воспитание, как «систематическую и целенаправленную деятельность органов государственной власти, институтов гражданского общества и семьи по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины»¹. Одним из основных институтов гражданского общества, занимающихся вопросами патриотического воспитания, является институт образования. Ведущую роль в этом процессе играют педагогические работники, которым, как отмечает ряд исследователей (И. В. Албутова [1], М. Г. Домбровская, А. М. Кузьмин, Е. А. Сироткин [6] и др.), необходимо иметь «готовность к патриотическому воспитанию». Не менее важно, чтобы сами педагоги воспринимали патриотизм, как одну из основных цен-

¹ Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы». [Электронный ресурс] // Правительство России [Сайт] URL:<http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAЕггx2dE4q0ws.pdf> (дата обращения 19.05.2018).

ностей своей жизни. Однако если педагоги «советской закалки» чаще всего действительно придерживаются идеалов патриотизма, то ситуация с молодыми педагогами не столь однозначна. Это подтверждается большим количеством исследований изучения патриотизма у студентов и выпускников педагогических вузов (работы Е. В. Григорьевой, Н. Р. Хакимовой, А. П. Левченко [3], С. Е. Кулигиной, А. С. Кушнаревой [7] и др.). Так, С. Е. Кулигина и А. С. Кушнарева исследовали уровень патриотизма студентов Благовещенского государственного педагогического вуза. В результате опроса были получены достаточно спорные результаты. С одной стороны, около 90 % опрошенных считают себя патриотами, готовы защищать свою страну, гордятся Родиной. С другой стороны, только 53 % респондентов готовы «что-то делать для своей страны». В действительности же процент тех, кто готов действовать, может оказаться еще ниже. Кроме того, студенты не знают современных Героев России (57 %), хотя и знакомы с героями Российской империи и СССР [7]. Еще меньше студенты педвуза знакомы с символами, героями, известными личностями, имеющими отношение к их малой родине.

Вместе с тем, Е. В. Коротаева и С. С. Белоусова, опираясь на исследования известных педагогов и психологов, наглядно показывают, что для детей в период детства (дошкольный и младший школьный возраст) патриотическое воспитание начинается именно с осознания ценностного отношения к малой родине: «ребенок осваивает окружающее пространство в траектории от микромира (своего ближайшего окружения) к макромиру. Следовательно, необходимо научить его понимать, любить, принимать ближайший социум – семью, малую родину – с тем, чтобы потом перенести эти установки на отношение к социуму в целом: региону, стране, Родине» [5, с. 144]. Следовательно, у самих педагогов, работающих с дошкольниками и младшими школьниками, в первую очередь должно быть сформировано ценностное отношение к своей малой родине, а также зафиксирован ее положительный образ, который может стать основой патриотического воспитания.

Стоит отметить, что в последнее время вопросам воспитания любви к малой родине и формирования ценностного отношения к ней уделяется особое внимание. О значимости малой родины для формирования правильной гражданской позиции заявлено, в том числе, в постановлении Правительства РФ от 15.04.2014 № 317 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013 – 2020 годы», а также в федеральных государственных образовательных стандартах различных уровней. Вместе с тем, исследований, посвященных образу малой родины в глазах студентов педагогических вузов – будущих педагогов, на данный момент не обнаружено. Именно потому и было решено провести подобное исследование со студентами Уральского государственного педагогического университета (УрГПУ).

Для того чтобы получить представление об образе малой родины, имеющемся в сознании студентов педагогического вуза, нами использовался метод семантического дифференциала, который представляет собой модифицированную процедуру субъективного шкалирования. В рамках данного метода респонденту предлагается оценить какой-либо объект по предложенной шкале. Чаще всего в качестве шкалы предлагается два биполярных прилагательных, являющихся антонимами (*яркий – тусклый, большой – маленький* и т.д.). В зависимости от задач исследования можно предлагать дихотомические шкалы (выбор одного из антонимов), шкалы с несколькими градациями оценки (к примеру, от -3 до $+3$) или ставить отметку на предложенном отрезке [4, с. 32]. Наиболее часто используется дихотомическая шкала, так как при наличии средних значений чаще всего респонденты выбирают их. Метод семантического дифференциала эффективен для решения таких типовых задач исследования, как различие в оценке одного и того же понятия различными испытуемыми или группами испытуемых; различие в оценке двух или более понятий одним и тем же испытуемым или группой испытуемых; различие в оценке одного и того же понятия испытуемым или группой испытуемых в лонгитюдном анализе [9].

В рамках данного исследования студентам педагогического вуза было предложено

30 биполярных шкал, при помощи которых они должны были бы описать свое представление о малой родине. В опросе приняли участие 52 студента факультетов начального и дошкольного образования УрГПУ. В каждой шкале можно было выбрать только 1 вариант (к примеру, или *бедная*, или *богатая*). Перед проведением исследования студентам предлагалось ответить на вопрос, что, по их мнению, представляет собой малая родина. Большинство опрошенных отвечали, что малая родина – это «родной город», «любимые места», «место, где ты родился», «место, где ты живешь». Соответственно, для студентов УрГПУ малой родиной являются города и поселки Свердловской области.

В целом, полученные результаты говорят о достаточно позитивном образе малой родины в сознании студентов педагогического вуза. Так, 94 % опрошенных определили свою малую родину с помощью прилагательных *хорошая* и *приятная*, около 90 % выбрали для характеристики такие слова, как *светлая*, *красивая*, *естественная*, *полезная*, *открытая*, *упорядоченная*. Около 80 % также оценили малую родину так: *безопасная*, *тихая*, *нежная*, *устойчивая*, *упорядоченная*. Примерно такое же число (83 %) передают свое восприятие малой родины с помощью прилагательных *маленькая*, а не *большая*, но в данном случае полученные результаты могли быть обусловлены самим названием оцениваемого объекта шкалирования.

Остальные характеристики, которые были представлены для создания образа малой родины, не нашли такого единодушия в глазах студентов педагогического вуза. Наиболее противоречивые оценки студентов отмечались при выборе в таких антонимических парах, как *развитая – отсталая*, *самостоятельная – зависимая*, *сильная – слабая*, *возвышенная – низменная*. Каждая из позиций была отмечена примерно половиной респондентов. Около 60 % опрошенных воспринимают также малую родину как «бедную», «обычную» и «ограниченную». Соответственно, студенты педагогического вуза не уверены в том, что их малая родина способна влиять на процессы, происходящие вокруг и внутри нее. Кроме того, около 30 % опрошенных оценили свою малую родину с помощью прилагательных *грязная*, *тусклая*, *тревожащая*, *пессимистичная*, *вялая*.

Таким образом, характеристики, связанные у студентов с общим восприятием малой родины, можно считать положительными (*хорошая*, *красивая*, *полезная* и т.д.). Однако в отношении вопросов, связанных с силой страны, ее влиянием, экономическим благосостоянием, образ малой родины не является столь четким. Последний факт представляется нам достаточно тревожным симптомом, он может свидетельствовать о рассматриваемой студентами возможности сменить в дальнейшем место жительства. Очевидно, что необходима целенаправленная работа со стороны преподавателей, направленная на осознание студентами ценности места проживания и обучения. Она предполагает включение будущих педагогов в социально значимую для региона деятельность, а также использование методов трансляции ценностного отношения к родине в образовательной среде и т.д.

Данное исследование можно назвать пилотажным, требующим серьезного осмысления, а также обсуждения того, какая именно триангуляция методов исследования требуется для получения объективных данных для создания образа малой родины в глазах студентов педагогического вуза. В качестве вывода можно отметить важность данного исследования для выбора приемов формирования у студентов педагогического вуза готовности к патриотическому воспитанию детей, а также определения способов воспитания собственного ценностного отношения к малой родине у всех субъектов образовательного процесса как в педагогическом вузе, так и в будущей практической работе с детьми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Албутова И. В. Модель системы подготовки будущих учителей к патриотическому воспитанию учащихся на основе педагогической практики // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 98. С. 68-70.
2. Барышникова С. В. «Сопереживание судьбе Родины» как стратегия патриотического воспи-

тания // Воспитание школьников. 2010. № 6. С. 70-73.

3. Григорьева Е. В., Хакимова Н. Р., Левченко А. П. Патриотизм и тип ценностных ориентаций личности студентов вуза // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2017. № 4. С. 201-207.

4. Кожевникова О. В., Вьюжанина С. А. Психосемантика. Метод семантического дифференциала : учебно-методическое пособие для студентов высших учеб. заведений. Ижевск : Удмуртский университет, 2016. 120 с.

5. Коротаева Е. В., Белоусова С. С. Патриотическое воспитание дошкольников: к вопросу программного обеспечения // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2017. № 2. С. 142-149.

6. Кузьмин А. М., Домбровская М. Г., Сироткин Е. А. Готовность учителя к воспитанию патриотизма подростков как педагогическая проблема // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2016. Т. 8. № 2. С. 56-61.

7. Кулигина С. Е., Кушнарева А. С. Уровень патриотизма студентов Благовещенского государственного педагогического университета (г. Благовещенск) // Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского. 2016. №. 16. С. 109-117.

8. Лихачев Д. С. Раздумья о России. 3-е изд. СПб. : Логос, 2006. 656 с.

9. Сикевич З. В. Метод семантического дифференциала в социологическом исследовании (опыт применения) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология. 2016. № 3. С. 118-128.

10. Слостенин В. А., Исаев И. Ф., Шиянов Е. Н.; Педагогика : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / под ред. В. А. Слостенина М. : Академия, 2010. 567 с.

A. S. Andryunina (Ekaterinburg, Russia)

THE IMAGE OF SMALL MOTHERLAND IN PERCEPTION OF PEDAGOGIC UNIVERSITY STUDENT: METHOD OF SEMANTIC DIFFERENTIAL

Abstract. The contemporary education system pays special attention to patriotic upbringing of younger generation; hence teachers' readiness to implement patriotic upbringing is of a primary concern. It is sufficient to know state symbols, state famous personalities and what is more – to perceive a homeland as value. It is necessary not only for the practicing teachers, but also for students of pedagogical universities. In this article an image of a homeland which students of pedagogical universities have in mind has been researched. As a method of the research we use the method of semantic differential which represents itself as a modified procedure of subjective scaling. In order to receive an image of a homeland respondents were offered to choose one only adjective out of two antonyms. During the research 52 students of the Ural State Pedagogical University have been interviewed. According to results of the research students of pedagogical University have a rather positive image of a homeland. 94% of respondents consider their homelands as «good» and «pleasant», about 90% see it as «light», «beautiful», «natural», «useful», «open», «well-ordered». But at the same time some mixed data has been received where the students had to choose between such pairs of antonyms as «developed – backward», «independent – dependent», «mighty – weak», «high-minded – low-minded». Each of pairs has been chosen by about a half of respondents. Also about 60% of respondents perceive their homeland as «poor», «common» and «narrow-minded». Consequently, the conducted research shows the need of a further research upon this subject and also the need of carrying out some special work with students at pedagogical universities which is directed at forming a positive image of a small native land and valuable attitude towards it.

Keywords: students of a pedagogical university, a small homeland, a semantic differential, patriotism, patriotic education.

REFERENCES

1. Albutova I. V. Model' sistemy podgotovki budushchikh uchitelei k patrioticheskomu vospitaniyu uchashchikhsya na osnove pedagogicheskoi praktiki, *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science], 2009, no 98, pp. 68-70.

2. Baryshnikova S. V. «Soperezhivanie sud'be Rodiny» kak strategiya patrioticheskogo vospitaniya, *Vospitanie shkol'nikov* [Education of schoolchildren], 2010, no 6, pp. 70-73.

3. Grigor'eva E. V., Khakimova N. R., Levchenko A. P. Patriotizm i tip tsennostnykh orientatsii lichnosti studentov vuza, *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom* [Professional Education in Russia and abroad], 2017, no 4, pp. 201-207.
4. Kozhevnikova O. V., V'yuzhanina S. A. Psikhosemantika. Metod semanticheskogo differentsiala : uchebno-metodicheskoe posobie dlya studentov vysshikh ucheb. zavedenii, Izhevsk, Udmurtskii universitet, 2016, 120 p.
5. Korotaeva E. V., Belousova S. S. Patrioticheskoe vospitanie doshkol'nikov: k voprosu programmogo obespecheniya, *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya* [Vestnik of Tver State University], 2017, no. 2, pp. 142-149.
6. Kuz'min A. M., Dombrovskaya M. G., Sirotkin E. A. Gotovnost' uchitelya k vospitaniyu patriotizma podrostkov kak pedagogicheskaya problema, *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki* [Bulletin of the South Ural State University are published currently], 2016, vol. 8, no 2, pp. 56-61.
7. Kuligina S. E., Kushnareva A. S. Uroven' patriotizma studentov Blagoveshchenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (g. Blagoveshchensk), *Chteniya pamyati Evgeniya Petrovicha Sychevskogo*, 2016, no 16, pp. 109-117.
8. Likhachev D. S. *Razdum'ya o Rossii*, 3-e izd., Saint-Petersburg, Logos, 2006, 656 p.
9. Sikevich Z. V. Metod semanticheskogo differentsiala v sotsiologicheskom issledovanii (opyt primeneniya), *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Vestnik of Saint Petersburg University]. Seriya 12. Sotsiologiya. 2016, no 3, pp. 118-128.
10. Slastenin V. A., Isaev I. F., Shiyanov E. N. *Pedagogika : ucheb. posobie dlya studentov vyssh. ucheb. zavedenii / pod red. V. A. Slastenina*, Moscow, Akademiya, 2010, 567 p.

Андрюнина А. С. Образ малой родины глазами студента педвуза // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2. № 3. С. 6-10.

Andryunina A. S. The Image of Small Motherland in Perception of Pedagogic University Student: Method of Semantic Differential, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2018, vol. 2, no 3, pp. 6-10.

Сведения об авторе

Андрюнина Анна Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии детства Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия; ahahhac@yandex.ru

Author:

Anna S. Andryunina, Ph.D. in Pedagogy, Associate Professor of the Department Pedagogy and Psychology of Childhood, The Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia; ahahhac@yandex.ru

Л. В. Орнина (Магнитогорск, Россия)
И. В. Кашуба (Магнитогорск, Россия)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена социально-коммуникативной компетентности в структуре образовательного пространства вуза и применительно к социально-политическим изменениям, происходящим в обществе. Вопросы изучения социально-коммуникативной компетентности поднимаются авторами в аспекте компетентностного подхода: подробно рассмотрены ключевые компетенции, формируемые у студентов вуза в социокультурном пространстве университета наряду с социально-коммуникативной компетенцией. В статье подробно рассмотрены основные функции формирования социально-коммуникативной компетентности – рефлексивно-оценочная, адаптационная, развивающая; а также принципы научности, интеграции, индивидуализации, системности, принцип личностно-ориентированного подхода, преемственности; описан компонентный состав анализируемой компетентности, включающий в себя когнитивный, рефлексивный, мотивационный и деятельностный компоненты. Авторы дают толкования ключевых понятий исследования: «социально-коммуникативная компетентность» и «формирование социально-коммуникативной компетентности студентов вуза». Социально-коммуникативная компетентность понимается как интегративное качество студентов, включающее в себя когнитивный (получение информации), рефлексивно-оценочный (осмысление полученной информации), мотивационный (изменение самосознания и формирование мотивов к ведущей деятельности) и деятельностный (набор определенных паттернов поведения) компоненты, а также опирающееся на способность студентов к эффективному овладению социально и коммуникативно значимыми навыками, необходимыми для успешной адаптации в межличностном пространстве вуза, повышения уровня коммуникативной культуры обучающихся и формирования их будущей профессиональной и социальной траектории. Процесс формирования социально-коммуникативной компетентности представлен как целенаправленная, интегративная и специально-организационная деятельность студентов вуза по овладению ими навыками эффективной коммуникации в условиях социального взаимодействия.

Ключевые слова: социально-коммуникативная компетентность, студенты вуза, социокультурное пространство вуза, формирование социально-коммуникативная, компетентности, ключевые компетенции, образовательный стандарт.

Современное общество диктует свои требования к выпускникам российских вузов, что определяется некоторыми тенденциями времени. Во-первых, студент вуза должен проявлять социальную активность, помогающую ему адекватно выбирать свою образовательную и профессиональную траекторию. Во-вторых, студент должен уметь грамотно коммуницировать в межличностном и профессиональном контекстах, что позволяет ему более целостно и осознанно подходить к выбору своего жизненного сценария. В-третьих, студент должен быть социально гибким, адаптивно и быстро реагируя на все изменения, происходящие в социальной сфере [1, с. 2249].

Все это свидетельствует о том, что проблема формирования у студентов социально-коммуникативной компетентности как соединения вышеописанных структурных элементов является актуальной. Само понятие социально-коммуникативной компетентности является интегративным и носит междисциплинарный характер, что делает его предметом изучения таких отраслей научного знания, как психология, педагогика, социология, коммуникативистика, бизнес-проектирование и многих других.

В самом общем варианте под социально-коммуникативной компетентностью мы будем понимать интегративное качество личности, включающее в себе когнитивный (получение информации), рефлексивно-оценочный (осмысление полученной информации), мотивационный (изменение самосознания и формирование мотивов к ведущей деятельности) и деятельностный (набор определенных паттернов поведения) компоненты; предполагающее способность этой личности к эффективному овладению социально и коммуникативно значимыми навыками, необходимыми

для ее успешной адаптации в межличностном пространстве вуза, повышения уровня коммуникативной культуры и формирования будущей профессиональной и социальной траектории данной личности [5, с. 125].

Прежде чем говорить о функциях и принципах формирования социально-коммуникативной компетентности, остановимся на определении понятия «компетентность», а также на классификации основных видов компетенций.

По мнению А. В. Хуторского, компетентность - это владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности [7, с. 22].

А. В. Хуторской выделил несколько видов компетенций, реализуемых в структуре образовательных учреждений. К ним относится *ценностно-смысловая компетенция* - компетенция, связанная с ценностными представлениями и установками студента и влияющая как на индивидуальную образовательную траекторию ученика, так и на программу его жизнедеятельности в целом. Далее называется *общекультурная компетенция*, способствующая выявлению круга вопросов, в которых студент должен быть хорошо осведомлен, и определяющая его кругозор, эрудицию и общий культурный уровень. Компетенция, связанная со способностью студента к овладению учебным материалом в рамках образовательного пространства университета, получила название *учебно-познавательной*. И наконец, *информационная компетенция*, которая предполагает формирование умения студентов самостоятельно с помощью реальных объектов (телевизор, магнитофон, телефон, факс, компьютер, принтер, модем, копир) и информационных технологий (аудио- и видеозапись, электронная почта, СМИ, Интернет) искать, анализировать и отбирать необходимую информацию, продумывать и задавать вопросы [7, с. 25].

Необходимо раскрыть ключевое для данной статьи понятие *коммуникативной компетенции*, которое включает знание необходимых языков, умение оперировать этими знаниями, механизмы овладения ими в процессе коммуникативной деятельности, а также способы определения того, насколько рискованными являются планируемые взаимодействия субъектов данной деятельности с окружающими или удаленными людьми и событиями [2, с. 113].

Понятие «коммуникативная компетенция» сопряжено с не менее значимым для настоящего исследования понятием *социальной компетенции*, т. е. способности студентов к овладению социально-значимыми навыками, проявляющимися в процессе межличностной и профессиональной коммуникации, как то: социальная гибкость, адаптивность, социальная мобильность и ответственность [7, с. 35]. Частным случаем социальной компетенции является *социально-трудовая компетенция*, предполагающая владение знанием и опытом в гражданско-общественной деятельности.

Компетенция личностного самосовершенствования связана с поиском собственной личностной и профессиональной траектории студента вуза, со его стремлением к овладению новыми знаниями в структуре образовательной и личностной парадигмы [8, с. 140].

Перед преподавателем стоит задача – посредством изучения каждого учебного предмета формировать не отвлеченные «ЗУНы», а ключевые и предметные компетенции, характеризующие готовность студентов к их дальнейшему развитию.

Рассмотрев классификацию компетенций, обратимся непосредственно к характеристике социально-коммуникативной компетентности. С этой целью подробно раскроем функции данного феномена, подходы к его изучению и принципы формирования.

Ведущим в процессе формирования социально-коммуникативной компетентности студентов следует признать компетентностный подход, главными характеристиками которого являются:

- способность к овладению ключевыми универсальными, общепрофессиональными, общекультурными компетенциями;
- способность ориентироваться в образовательных и профессиональных траекториях;
- социальная и профессиональная мобильность студента;
- развитие у студентов вуза профессиональных квалификаций, способных обеспечить

фундамент для развития дальнейшей профессиональной и социальной траектории личности;
 – совершенствование коммуникативных навыков студентов в условиях социокультурного образовательного пространства вуза;
 – развитие социальной и коммуникативной культуры личности студента, его способности к эффективному социальному взаимодействию [3, с. 38].

Обратимся к рассмотрению ключевых функций социально-коммуникативной компетентности студентов вуза (см. таблицу).

Таблица

Характеристика функций социально-культурной компетентности

Название функции	Содержание
Познавательная	Направлена на накопление студентами знаний социального и коммуникативного характера путем изучения литературы, обмена опытом, освоения информации с применением различных средств обучения.
Информационно-коммуникативная	Расширяет границы компетенций студентов, связанных со способностью учащихся пользоваться языком социально-коммуникативного общения, точно, кратко, логично излагать материал и добиваться понимания при изложении материала, пользоваться различными методами изложения.
Адаптационная	Способствует снижению у студентов стрессовых состояний, реализации процесса гибкой адаптации на основе использования новых элементов в своей социально-коммуникативной деятельности.
Социально-культурная	Формирует личность студентов, закладывая базовые культурные ценности, которые способствуют регулированию поведения их личности.
Развивающая	Направлена на становление процесса развития студентов, восприятия «другого», на способность эффективно вступать в межличностные отношения и общаться в целях эффективного взаимопонимания.
Ценностно-ориентированная	Направлена на формирование у студентов ценностных ориентаций, реализуемых в рамках их социально-коммуникативной деятельности.

Функции социально-коммуникативной компетентности студентов закладывают принципы ее формирования. И. Ф. Харламов под принципом понимает «общую совокупность методического инструментария», способствующую отработке какого-либо качества на технологическом уровне [6, с. 25]. Можно назвать несколько принципов, помогающих выстраивать процесс формирования анализируемой компетентности.

Принцип преемственности основан на том, что формирование социально-коммуникативной компетентности основывается на перенимании и осмыслении социально-культурного, коммуникативного и профессионального опыта студента.

Принцип индивидуализации позволяет глубже изучить творческие и познавательные особенности каждого студента.

Принцип научности предполагает, что процесс формирования социально-коммуникативной компетентности происходит на научных основаниях и применительно к образовательному пространству университета.

Принцип лично-ориентированного подхода предполагает, что обучение должно быть доступным и осуществляться на достаточном уровне с учетом индивидуальных образовательных потребностей каждого студента.

Принцип интеграции указывает на системный характер социально-коммуникативной компетентности студентов вуза и его междисциплинарную направленность применительно к образовательному пространству университета [4, с. 75].

Мы рассмотрели феноменологическую составляющую понятия «социально-коммуникативная компетентность студентов вуза», его сущность, структуру, функции и особенности применительно к образовательному пространству вуза, и пришли к выводу, что процесс формирования социально-коммуникативной компетентности – это процесс целенаправленной, интегративной и специально-организованной деятельности студентов вуза по овладению навыками эффективной коммуникации в условиях социального взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вербицкая Н. О., Оринина Л. В. Анализ понятия «экономический патриотизм» в современной России: системно-феноменологический подход // *Фундаментальные исследования*. № 11 (Ч.10). 2014. С. 2248–2252.
2. Кашуба И. В. К вопросу изучения коммуникативная компетентности студентов вуза // *Современные концепции развития науки* : сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. 20 августа 2016 года. Ч. 2. Уфа : Аэтерна, 2016. С. 112–114.
3. Клинова М. В. Новый «экономический патриотизм» в Европе: хорошо забытое старое? // *Мировая экономика и международные отношения*, 2008, № 4, С. 32–41.
4. Оринина Л. В., Световец М. С. Экономическая активность учащейся молодежи как фактор повышения её адаптивности к меняющимся социально-экономическим условиям // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2016. № 3. С. 73–78.
5. Оринина Л. В. Перспективы формирования экономического патриотизма у студентов технического университета в условиях новых профессиональных стандартов // *Современные концепции развития науки*: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. 20 августа 2016 года. Ч. 2. Уфа: Аэтерна, 2016. С. 124–125.
6. Харламов И. Ф. Педагогика. М.: Гардарики. 2003. С. 21-27.
7. Хуторской А. В. Методологические подходы к проектированию 12-летней школы // *На пути к 12-летней школе*: сб. науч. трудов; под ред. Ю. И. Дика, А. В. Хуторского. М. : ИОСО РАО, 2000. С. 22-37.
8. Хуторской А. В., Киселев А. Ф. Образовательные технологии в 12-летней школе // *На пути к 12-летней школе* : сб. науч. трудов; под ред. Ю. И. Дика, А. В. Хуторского. М. : ИОСО РАО, 2000. С. 139–142.

*L. V. Orinina (Magnitogorsk, Russia),
I. V. Kashuba (Magnitogorsk, Russia)*

FORMATION OF SOCIAL-COMMUNICATIVE COMPETENCE OF HIGHER EDUCATION STUDENTS

Abstract. The article is devoted to the analysis of the phenomenon of social and communicative competence within the structure of university educational space and in relation to the socio-political changes taking place in the society. The article focuses on the issues of studying social-communicative competence in relation to the competence approach, the key competences formed alongside with the social-communicative one among university students in relation to the social and cultural space of the university are also under analysis. Also, the article describes in detail the main functions of social-communicative competence and its formation, such as reflexive and evaluative, adaptive, developing, and basic principles such as the principle of scientific and systematic character, integration, individualization, the principle of individually oriented approach and continuity. In addition, the article examines the component composition of social-communicative competence, which includes cognitive, reflective, motivational and activity components. The authors also give definitions to the key concepts of the research - "social-communicative competence" and "formation of social-communicative competence of university students". The social-communicative competence is understood as an integrative quality within a personality, which includes cognitive (receiving the information), reflexive-evaluative (comprehension of the information), motivational (change of self-consciousness and formation of motives leading to activity) and activity (set of certain behaviour patterns) components and assumes the students' ability to master effectively socially and communicatively meaningful skills necessary for their successful adaptation in the interpersonal space within university and raising their communicative culture and the formation of future professional and social trajectory. The process of social-communicative competence formation is the process of purposeful, integrative and specially-organizational

activity of the university students in mastering the skills of effective communication in conditions of social interaction.

Keywords: social and communicative competence, university students, the socio-cultural space of the university, the formation of social and communicative competence.

REFERENCES

1. Verbitskaya N. O., Orinina L. V. Analiz ponyatiya «ekonomicheskii patriotizm» v sovremennoi Rossii: sistemno-fenomenologicheskii podkhod, *Fundamental'nye issledovaniya* [Basic research], no 11 (Ch.10), 2014, pp. 2248–2252.
2. Kashuba I. V. K voprosu izucheniya kommunikativnaya kompetentnosti studentov vuza, *Sovremennye kontseptsii razvitiya nauki* : sb. statei Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 20 avgusta 2016 goda. Ch. 2, Ufa, Aeterna, 2016, pp. 112–114.
3. Klinova M. V. Novyi «ekonomicheskii patriotizm» v Evrope: khorosho zabytoe staroe?, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2008, no 4, pp. 32–41.
4. Orinina L. V., Svetovets M. S. Ekonomicheskaya aktivnost' uchashcheysya molodezhi kak faktor povysheniya ee adaptivnosti k menyayushchimsya sotsial'no-ekonomicheskim usloviyam, *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University], 2016, no 3, pp. 73–78.
5. Orinina L. V. Perspektivy formirovaniya ekonomicheskogo patriotizma u studentov tekhnicheskogo universiteta v usloviyakh novykh professional'nykh standartov, *Sovremennye kontseptsii razvitiya nauki*: sb. statei Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 20 avgusta 2016 goda. Ch. 2, Ufa, Aeterna, 2016, pp. 124–125.
6. Kharlamov I. F. *Pedagogika*, M.: Gardariki. 2003. S. 21-27.
7. Khutorskoi A. V. Metodologicheskie podkhody k proektirovaniyu 12-letnei shkoly, Na puti k 12-letnei shkole: sb. nauch. trudov; pod red. Yu. I. Dika, A. V. Khutorskogo. Moscow, IOSO RAO, 2000, pp. 22-37.
8. Khutorskoi A. V., Kiselev A. F. Obrazovatel'nye tekhnologii v 12-letnei shkole, Na puti k 12-letnei shkole : sb. nauch. trudov; pod red. Yu. I. Dika, A. V. Khutorskogo, Moscow, IOSO RAO, 2000, pp. 139–142.

Оринина Л. В., Кашуба И. В. Методологический аспект изучения феномена социально-коммуникативной компетентности студентов вуза // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2. № 3. С. 11-15.

Orinina L., Kashuba I. Formation of Social-Communicative Competence of Higher Education Students, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2018, vol. 2, no 3, pp. 11-15.

Сведения об авторах

Оринина Лариса Владимировна – доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова», г. Магнитогорск, Россия; orinina_larisa@mail.ru

Кашуба Инесса Валерьевна – доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск, Россия; ikashuba@mail.ru

Authors:

Larisa V. Orinina, PhD in Pedagogy, associate professor at the Department of Pedagogy, Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University, orinina_larisa@mail.ru

Inessa V. Kashuba, PhD in Pedagogy, associate professor at the Department of Pedagogy, Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University, orinina_larisa@mail.ru

**ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ОРИЕНТИРОВ ШКОЛЬНИКОВ
(ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОД)**

Аннотация. Статья посвящена проблеме духовно-нравственного воспитания в школьниках, которая возникла в связи с утратой российским обществом «литературоцентризма», введением новых образовательных стандартов и обсуждением в педагогической среде современных концепций преподавания русского языка и литературы. Предпринята попытка сравнения литературоведческого и религиоведческого подходов к процессу формирования системы духовно-нравственных ориентиров, приобщения к общечеловеческим ценностям бытия и духовному опыту народа. Сформулированы базовые принципы школьного курса литературы, актуальные для любого государственного светского учебного заведения: объективность, мировоззренческий и конфессиональный нейтралитет. Оптимальным вариантом духовно-нравственного развития и воспитания учащихся в системе государственного светского образования признан школьный урок литературы, исключающий мировоззренческую ангажированность и религиозное миссионерство. Изучение, например, Библии как литературного памятника, выявление христианских мотивов в творчестве Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. Блока, Б. Л. Пастернака и многих других замечательных русских писателей углубляет осмысление анализируемых на уроке художественных произведений и делает их не предметом изучения, а способом познания себя и мира, его норм и ценностей. Обозначено, что литература, как художественная модель мира, в отличие от навязываемого религиозного догматизма, дает человеку возможность активного сотворчества, особого способа познания жизни и приобщения к духовному опыту народа, что в свою очередь позволяет через сопереживание постичь смысл духовных (например, христианских) ценностей и наполнить сердца светом любви и добра. Ценность современной литературы не в стремлении переделать мир в соответствии со средневековыми представлениями, а в поиске адекватного языка постижения хаотичной действительности, объяснения противоречивого человеческого бытия и самоидентификации личности.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, литература в школе, светское образование, основы религиозных культур и светской этики.

На сегодняшний день вопрос о содержании школьного учебного предмета «Литература» в связи с модернизацией образовательных программ на всех уровнях общего образования является насколько актуальным, настолько и дискуссионным. Это вполне объяснимо. В русском обществе словесность всегда занимала особое место, поэтому и утрата «литературоцентризма» многими воспринимается как угроза потери идентичности [4, с. 138].

Действительно, положение современной российской словесности в сравнении с русской литературой XVIII – середины XX вв. изменилось принципиально: от веры в могущество Слова до подрыва статуса Автора, от предельной социализации в СССР до полной де-социализации в современном обществе. Постперестроечная коммерциализация всех сфер жизни лишила литературу статуса «главного из искусств», подчинив ее требованиям массовой культуры. Произошла смена парадигмы. Закономерным следствием этих процессов явился целый спектр проблем в школьной практике преподавания литературы мотивационного, методического и содержательного характера [5, с. 83].

Отрадно то, что современное российское общество пришло к пониманию невозможности сохранения страны без скрепляющих ее языка и литературы [3, с. 113]. Сегодня можно констатировать осознание властью и обществом недопустимости девальвации отечественной языковой культуры. В частности, предпринят целый ряд шагов для изменения положения дел

в этой области:

- разработана и одобрена «Концепция преподавания русского языка и литературы в общеобразовательных учреждениях РФ»²;
- разработана «Концепция школьного филологического образования»³.

Значительным событием в этом ряду следует назвать создание Общества русской словесности под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Цель создания общества - выступить объединяющим началом, консолидировать деятельность организаций, занимающихся вопросами развития, сохранения, продвижения русского языка и русской культуры - достойна всяческих похвал. Хотя думающему человеку нельзя не задаться вопросом: «Почему решением проблем современной гуманитаристики занимается глава русской православной церкви?» Напомним, что с 1811 г. (года основания) Общество любителей Российской словесности возглавляли М. Н. Загоскин, А. С. Хомяков, И. С. Аксаков, Ф. И. Буслаев, И. А. Бунин. Активное участие в его работе принимали И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, А. К. Толстой и многие другие выдающиеся русские писатели и поэты. Неужели в русской филологии, являющейся самодостаточной и структурообразующей областью знаний, совсем не осталось авторитетов?

Сегодня же мы должны с горечью констатировать, что современная филология превратилась в сферу обслуживания самых разных интересов: церкви, политики, государства, а не человека, как это должно быть. Бесспорно, что религия – это неотъемлемая часть культуры. Именно она во многих случаях определяет доминанты исторической эпохи, формирует нормы и жизненные ценности, проявляется во всех видах искусства, задавая темы, сюжеты, настроения. Поэтому знания о религии, безусловно, нужны, но только как прикладные, способствующие пониманию причин и следствий событий, не более. Активная же, наступательная политика официального православия в различных областях социокультурной действительности, особенно в области современного школьного образования (априори светского) вызывает только воинственное неприятие навязываемых штампов. Опыт строительства атеистической страны убедительно показал непродуктивность всякого насилия, как физического, так и духовного. Об этом нужно помнить тем, кто так активно ратует за стремительное превращение России в «общество всеобщего православия».

Так, введение с 1 сентября 2012 года в российских школах в качестве обязательного федерального компонента нового предмета «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ) является, с нашей точки зрения, попыткой насильственного внедрения религиозного образования в систему светской школы, когда под видом изучения религии проводится обучение религии. Методологическая ошибка, заложенная в системе курса (разделение предмета на отдельные модули: православной культуры, буддийской, иудейской, основ светской этики и изучение лишь одного модуля по выбору) формирует у школьников представление о несовместимости религиозных культур между собой. Эти взгляды окончательно закрепляются в процессе последующего деления класса по конфессиональному признаку. Заметим, что в соответствии с разъяснительными документами школы лишены права преподавать предмет ОРКСЭ цельным, единым курсом, не разделяя религиозные культуры и светскую этику (например, «О реализации курса ОРКСЭ»⁴, «О направлении Регламента по выбо-

² Концепция преподавания русского языка и литературы в общеобразовательных учреждениях Российской Федерации, утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 апреля 2016 г. № 637-р [Электронный ресурс] // Правительства России [сайта]. URL: <http://uchitel-slovesnik.ru/activities/obczuzhdenie-koncepcii-prepodavaniya-russkogo-yazyka-i-literatury-v-obshheobrazovatelnyh-organizacijah-rossijsk> (дата обращения: 21.05.2018).

³ Концепция школьного филологического образования [Электронный ресурс] // Общероссийская общественная организация «Ассоциация учителей литературы и русского языка» URL: <http://uchitel-slovesnik.ru/previews/post/koncepciya-shkolnogo-filologicheskogo-obrazovaniya-russkij-yazyk-i-literatura-1> (дата обращения: 21.05.2018).

⁴ Письмо Минобрнауки РФ от 21 апреля 2014 года № 08-516 «О реализации курса ОРКСЭ» // Портал ГАРАНТ.РУ (Garant.ru). URL: <http://base.garant.ru/71367216/#friends> (дата обращения: 10.06.2018).

ру модуля курса ОРКСЭ»⁵ и другие аналогичные инструкции). В результате предмет, призванный сформировать мотивацию к уважению различных религиозных традиций и готовность к диалогу, на практике ведет к разделению класса на обособленные группы, тем самым провоцируя, а не сглаживая конфликтные ситуации. Поэтому введение подобного предмета в систему школьного образования представляется ошибочным и вредным, тем более, когда это внедряется за счет сокращения часов дисциплин «литературное чтение» и «русский язык».

Актуальные задачи нравственного воспитания сполна могут быть реализованы в рамках школьного курса литературы [1, с. 325], в частности изучения, например, Библии как литературного памятника. Если спросить современных школьников о том, что такое Библия и что вы знаете об этой книге, то в ответ, скорее всего, можно услышать традиционное: «Библия – это религиозная книга», «свод религиозных законов», «книга для церковников, для верующих». В таких ответах есть известная доля истины, и учитель должен сказать об этом. Да, тексты, вошедшие в состав или канон Библии, освящены авторитетом религии и являются обязательным чтением для верующих. До сегодняшнего дня ее тексты воспринимаются верующими как действующая норма вероучения и культа, права и морали. Однако все сказанное не объясняет того, например, почему Библия входила в число четырех книг, постоянно находящихся на столе А. С. Пушкина, или почему И. В. Гёте, считавший, что «очень уж много глупостей в установлениях церкви», перечитывал библейские тексты всю жизнь. Внимание к Библии гениальных художников, писателей, поэтов объясняется прежде всего тем, что в составе библейского канона объединены памятники древнееврейской литературы XII–II вв. до н. э. и раннехристианской литературы I–II вв. н. э. Именно как литературное произведение привлекала Библия А. С. Пушкина, в стихах которого нередки библейские мотивы и реминисценции; именно как литературное произведение читал и перечитывал Библию И. В. Гёте. Незадолго до смерти Гёте скажет: *«Я все четыре Евангелия считаю подлинными, ибо в них нас поражает отблеск той высокой духовности, которая исходила от личности Христа. <...> Если меня спросят, способен ли я по своей природе, благоговейно перед ним преклониться, я отвечу: несомненно. <...> Но если меня спросят, готов ли я преклонить колена перед костью апостола Петра или Павла, я отвечу: пощадите меня, весь этот абсурд для меня нестерпим!»* [Цит. по: 7, с. 639-640]. Вряд ли стоит и нам заставлять современных школьников «преклонять колена» перед средневековыми догматическими представлениями о жизни (курс ОРКСЭ именно это и предлагает), а вот «отблеска высокой духовности» христианских ценностей сегодня очень не хватает.

Идеями христианства пронизано творчество многих выдающихся русских писателей, библейскими мотивами и образами наполнены их произведения, но не секрет, что для многих сегодняшних школьников (и не только для них) библейская сюжетика, столь богато представленная в мировом искусстве, остаётся тайной за семью печатями. Изучение религиозных обрядов и церковной иерархии не сделает человека нравственным и духовным, а вот высветление христианских мотивов в творчестве Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. Блока, Б. Л. Пастернака и многих других замечательных русских писателей углубит осмысление изучаемых на уроках литературы художественных произведений и сделает книгу не предметом изучения, а способом познания себя и мира.

Таким образом, оптимальным вариантом духовно-нравственного воспитания учащихся в системе государственного светского образования, с нашей точки зрения, представляется школьный урок литературы, методологическими основаниями которого служат принципы объективности, мировоззренческого и конфессионального нейтралитета, системности и репрезентативности.

Урок литературы, исключая и мировоззренческую ангажированность, и религиозное миссионерство, не допускающий нагромождения фактологического материала, может

---

⁵ Письмо Минобрнауки РФ от 31 марта 2015 № 08-461 «О направлении Регламента по выбору модуля курса ОРКСЭ» // Отдел образования и просвещения Новосибирской Митрополии Русской Православной Церкви [сайт]. URL: http://okkse.apkpro.ru/doc/psm_M0_08-461.pdf (дата обращения: 10.06.2018).

стать для школьников способом освоения мира и себя через познание других. В этом плане воспитательное значение уроков литературы трудно переоценить, поскольку они способствуют организации и развитию духовного опыта школьника [6, с. 221]. Литература, как художественная модель мира, в отличие от навязываемого религиозного догматизма, дает человеку возможность активного сотворчества, особого способа познания жизни и приобщения к духовному опыту народа. Величие литературы в том и состоит, что она позволяет человеку через сопереживание постичь смысл христианских ценностей и способна вложить в сердца читающих свет истины, любви и добра. Ценность современной литературы не в стремлении переделать мир в соответствии со средневековыми представлениями, а в поиске адекватного языка постижения хаотичной действительности: «мы живём только посредством истолкования, привнесения смысла в действительность» [2, с. 38]. В современной жизни литература – это возможный уникальный инструмент для объяснения противоречивого человеческого бытия и самоидентификации личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобкова Л. Е. Концепции филологического образования и нравственный потенциал русской литературы // Православие и русская литература : сборник научных статей [ред.: Б. С. Кондратьев (отв. ред.) и др.]. Арзамас : АФ ННГУ, 2016. С. 324-329.
2. Изер В. Изменение функций литературы // Современная литературная теория: антология. М. : Флинта: Наука, 2004. 369 с.
3. Ковтун Н. В. Общество русской словесности: история и современность // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. № 6. С. 112-119.
4. Литовская М. Школьное преподавание литературы и его роль в судьбе российского литературоцентризма // Кризис литературоцентризма: утрата идентичности vs. новые возможности. Монография [отв. ред. Н. В. Ковтун]. М. : Флинта: Наука, 2014. С. 138-157.
5. Мишенина Л. С. Каким должен быть современный урок литературы // Новый взгляд на систему образования: сборник трудов I Международной научно-практической конференции. Прокопьевск, 2017. С. 82-84.
6. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб. : Питер, 2003. 508 с.
7. Эккерман И. П. Разговоры с Гёте. М. : Худож. лит., 1981. 688 с.

A. V. Podgorskaya (Magnitogorsk, Russia)

MODERN LITERATURE LESSON AND PROBLEM OF MORAL AND SPIRITUAL EDUCATION AT SCHOOL

Abstract. This article focuses on the problem of spiritual and moral education in school in relation to Russian society losing its status as «literature-centered», implementation of new educational standards and discussions about modern teaching concept of Russian language and literature among teachers. An attempt has been made to compare literary and *theological* approach to the process of development of moral and spiritual frame of references, inclusion of the universal human values and spiritual experience of the nation. Basic principles of school literature course which are valid for all secular public educational institution where formulated: attitudinal and denominational neutrality, consistency, representativeness and objectivity. Literature school lesson excluding attitudinal bias and religious missiology is considered to be an optimal way of moral and spiritual development and education in a secular public educational institution. Study of the Bible as a literary monument, uncovering Christian motifs in works of famous writers such as L. Tolstoy, F. Dostoyevsky, A. Blok, B. Pasternak etc. deepens the conceptualization of artworks on which literature lessons are focused and makes a book not only a subject of study but also a road of self-discovery as well as a way to experience the world and its norms and values. It is stated that literature, unlike religious dogmatism, as an art model of the world allows active co-creation, a specific way of knowing life and inclusion of spiritual experience of the nation, which makes it possible to compre-

hend Christianity values through compassion and fill hearts with the lite of love and kindness. Value of the modern literature lies not in its desire to rebuild the world in according with medieval ideas, but in a search of an adequate language to comprehend the chaotic reality.

Keywords: moral and spiritual education, literature in school, secular education, basics of religious culture and secular ethics.

REFERENCES

1. Bobkova L. E. Kontseptsii filologicheskogo obrazovaniya i npravstvennyi potentsial russkoi literatury, Pravoslavie i russkaya literatura : sbornik nauchnykh statei [red.: B. S. Kondrat'ev (otv. red.) i dr.]. Arzamas, AF NNGU, 2016, pp. 324-329.
2. Izer V. Izmenenie funktsii literatury, Sovremennaya literaturnaya teoriya: antologiya, Moscow, Flinta, Nauka, 2004, 369 p.
3. Kovtun N. V. Obschestvo russkoi slovesnosti: istoriya i sovremennost', *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], 2016, no 6, pp. 112-119.
4. Litovskaya M. Shkol'noe prepodavanie literatury i ego rol' v sud'be rossiiskogo literaturotsentrizma, Krizis literaturotsentrizma: utrata identichnosti vs. novye vozmozhnosti. Monografiya [otv. red. N. V. Kovtun], Moscow, Flinta, Nauka, 2014, pp. 138-157.
5. Mishenina L. S. Kakim dolzhen byt' sovremennyi urok literatury, Novyi vzglyad na sistemu obrazovaniya: sbornik trudov I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Prokop'evsk, 2017, pp. 82-84.
6. Rubinshtein S. L. Bytie i soznanie. Chelovek i mir, Saint Petersburg, Piter, 2003, 508 p.
7. Ekkerman I. P. Razgovory s Gete, Moscow, Khudozh. lit., 1981, 688 p.

Подгорская А. В. Проблема формирования системы духовно-нравственных ориентиров школьников (литературоведческий и религиоведческий подход) // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2. № 3. С. 16-20.

Podgorskaya A. V. Modern Literature Lesson and Problem of Moral and Spiritual Education at School, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2018, vol. 2, no 3, pp. 16-20.

Сведения об авторах

Подгорская Анна Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия; podgorsky_a@mail.ru

Author:

Anna V. Podgorskaya, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Institute of Humanitarian Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU); podgorsky_a@mail.ru.

TRADE CONTACTS THE VOLGA AND THE KAMA REGION IN THE LATE BC – EARLY AD CENTURIES (WRITTEN RECORDS, ARCHAEOLOGICAL AND NUMISMATIC SOURCES)

Abstract. The article is devoted to the analysis and reconstruction of the nature and forms of relations between the peripheral regions of Eastern Europe and ancient centers in the II century B.C. – the first centuries A.D. Within the framework of the stated problem, the issues related to the relationship of the Roman Empire with the nomadic tribes of the steppe belt of Eurasia remain the least studied. One of the most important issues is the understanding of how and how imported Roman and Byzantine goods produced in Italy came outside, into areas that were not directly linked to ancient centres, such as the Don's and Kuban areas. The set of import items presented in the article is very diverse and includes both imported mass-produced products and luxury goods. The study confirms the hypothesis that the peak of the inflow of imported goods and coins of Roman production falls on the I-II cc. A.D., the period of the most active contacts between the barbarians and the Roman Empire, largely due to the stabilization of the political situation in the steppe zone. Thus, it can be stated that in the development of Roman-barbaric relations up to the middle of the III c. A.D. contacts show a tendency of slow but continuous growth.

Key words: international trade, Volga-Kamye, nomads, luxury goods, imported items, coins, ancient centers, Byzantium, Rome.

It is an important and challenging issue to perform an analysis of trade and economic relationships of the Volga and Kama Rivers Region, the peripheral areas of the Eastern Europe, with the Roman Empire and Byzantine Empire, relying mainly on the study of objects of Roman and Byzantine origin found on the territory covered by our article.

The essence and trends of the early trade relations are evidently among the most sophisticated and topical aspects in the ancient history of the peripheral area of the Eastern Europe, on the whole, and the Volga and Kama Rivers Region, in particular, considering scanty written testimonies. The trade relations could be determined by various aspects of the society life, such as trade exchange of raw materials, livestock and goods; cultural interchange and so on.

The history of the population in the steppe and forest-steppe zones of the Eastern Europe in the late BC – early AD centuries comprises a number of important and sophisticated issues which have been poorly analyzed so far and undeservedly neglected.

The issues that are least examined by the researchers relate to the study of mutual relations between nomads and the Roman Empire. One of these specific aspects is the way the products manufactured in Greece, western Rome and the Byzantine Empire as well as Italic goods were spread beyond Italy, in the areas that were not linked with the ancient central regions, with the exception of the Dnieper, the Don and the Kuban regions which have now been studied over one hundred years.

The geographical and chronological frames of the study cover a certain cultural and historical region and period and have been determined by the location of the foreign items. The geographical names 'the Ural Region', 'the Volga Region' and 'the Kama Region' are mostly used for convenience of the reader. These names define, respectively, the territories of the Cisurals, the Middle and Southern Ural river region, Trans-Urals, the Kama river region, the Lower and Middle Volga river region.

According to the traditional ancient writings, the eastern neighbors of the Scythians were nomadic tribes with the way of living similar to that of the Scythians. These tribes were known to the Greeks as "Sauromatians" and later "Sarmatians" which were already mentioned in Herodotus'

History. The reference to Herodotus is not occasional, since all the ancient successor historiographers, Greek and Roman authors in certain ways refer to Herodotus' information about the tribes and peoples populating the steppes and forests of Eastern Europe from the Dnieper to the Urals.

The political history of the Sarmatian tribes and the nature of their relationships with Rome are generally presented in the writings by Roman authors. As the Sarmatian tribes were approaching the Greek cities of the Northern Black Sea region and the borders of the Roman Empire, the Greek authors became much more informed about them. However, these data remain quite controversial and less informative when covering the areas further east of Rome.

It was a special epoch for the Iranian-speaking nomads of the Eurasian steppes, but it left virtually no traces in written records where it is incredibly difficult to find either an overview of the nations inhabiting the steppes or a clear story about commercial or cultural contacts. F.Bozi explains this incompleteness by "loss of the major part of the historical and geographical literature" and also by the idea that "the new intellectual environment of the Hellenistic period had to give less attention to the nations known since the ancient times, such as the Scythians and the Sarmatians" [20, p. 34].

Important information about the commercial ties of the Eastern European nomads in the Hellenistic period is contained in Polybius' *The Histories* [Polyb., IV, 38]. Not going into details, it is difficult to speak with certainty about some specific areas of the Pontus, but most probably, this indication by Polybius can be related to the entire Bosphorus which is famous, in particular, for the significant scope of the fishing industry and for the large slave market in Tanais.

Later in his description of the trade between Tanais and the neighboring Meoto-Sarmatian tribes Strabo gives interesting information about the nature of these relations [Strabo, XI, II, 3].

Special attention should be paid to Strabo's indication about the trade of the "upper Aorsi" which were mentioned only in Strabo's writings and, probably, occupied the areas of the western Caspian Sea region [Strabo, XI, V, 8]. The researchers were not able to find a common understanding with regard to this episode. Traditionally, it is assumed that the Aorsi carried out an independent intermediary trade [13, p. 164]. It sounds more convincing that the Aorsi did not practice intermediary trade because such interpretation contradicts to Strabo who wrote about the nomads' primitive natural barter [5, p. 129].

Ptolemy's "Geographia" for the first time ever shows the Volga, Ural and Kama rivers on the geographic maps although earlier the Volga (then unnamed) was included into the Greeks' geographical horizon [18, c. 80]. This part of Ptolemy's map is especially interesting in relation to the trade route because the map gives a detailed and, most important, accurate description of the Northern Caspian Sea region, Trans-Caspian countries, the flow of the Volga and the Ural.

Thus, the presented data from the ancient writings evidence that there existed steady river ways and land trade roads which tied the regions of the Ural, the Volga and the Kama with the ancient cities and states during various chronological periods starting from the 6th c. BC till the Early Middle Ages.

The earliest known finds in this category of imported objects were discovered in Astrakhan region (Krivaya Luka, Chernoyarskiy district) in a rich woman's burial of the 3rd c. BC, where there were found a black varnish vessel and an amphora of Greek origin with a Heraclea hallmark, both vessels dated to the 1st half of the above century [8, p. 5].

In 1999, an Early Hellenistic Herakleian amphora was discovered in the burial No. 1 of the barrow 3 in the Novomusinokurgan necropolis (Meleuzovsky District of Bashkiria, the Southern Urals), being today the easternmost find of Greek amphorae on the territory of Eurasia, in the opinion of Monakhov, it analogizes with the first two issues (II-A-1 and II-A-2), which allows us to strongly date it within the last years of the 4th century BC to the first two decades of the 3rd century BC," and the burial is dated to the first decades of the 3rd century BC [14, p. 92].

No ceramic utensils of proper Italic production were unearthed. Quite possibly, this can be explained by the fact that in Bosphorus itself the Italic ceramics were found in much smaller quantities than, for instance, in Olbia or Chersonesos, although most of the imported ceramics reached the

Sarmatians of the Volga region and Cisurals via Bosphorus and Tanais.

The products from Bosporan, Don, Kuban and various Middle Asian centers prevail among the imported ceramics found in the region under review. Such products seem to have been brought there (along with ancient imported ceramics) in the Prokhorovka period (4th c. BC) until the middle of the 3rd c. AD (the conventional upper border of this chronological period is obviously the defeat of Tanais by the Goths in the middle of the third century), thereafter the inflow of imported pottery basically ceases.

Probably, this category of imported articles represents products, which arrived occasionally together with the ceramic ware that was supposed to be bartered, or those could be objects of the merchants' personal use, which were found in the Volga and the Kama Rivers region due to various reasons, not necessarily linked with commercial interests of their owners (left items, gifts etc.).

The peak inflow of imported ceramic ware was seen in the 1st-2nd c. AD – the period of the most active barter trade between the ancient cities and states, on the one hand, and the nations inhabiting the Ural, the Volga and the Kama regions, on the other hand, when the Roman empire and, therefore, the international trade were flourishing, and relative stability was observed in the steppes.

Bronze vessels of diverse shapes, types and functional applications represent a significant share among various categories of imported products found in rich burials. These items were produced in the artisan workshops of Italy and also in other regions of the empire – in Gaul, the Rhine region, Frakia and Pannonia [3, p. 57-58].

The earliest finds of imported bronze vessels occurred in the rich burials of the Lower and Middle Volga region and the Kama region. During the excavations led by V.P. Shilov in 1954 in the famous burial 55/8 of Kalinovskiy burial site a bronze vessel was found which turned out to be a product of Italic, namely, Campanian craftsmen and has numerous analogies among vessels which originate from South Italy [17, p. 45].

Among the recent finds we believe it is worth mentioning the bronze ladles from the burial dated to the late 2nd c. – the first third of the 3rd c. AD discovered in the summer of 2010 in Agapovka district, Chelyabinsk region, in kurgan 21 of Magnitnyy burial site where “the largest part of the grave goods consisted of metallic items which could be considered as the Roman “wine set”: jug, ladle, strainer, scoop, cup [7, p. 269].

Presence of imported glass, silver and bronze articles of Italic or Northern Black Sea region production is typical for rich burials of Sarmatian nobles in the 1st c. BC – 1st c. AD. To a certain extent, probably, it can be associated with the overall process of movement of the Sarmatian tribes to the west and intensification of their activities in the Northern Black Sea region and at the Danubian borders of the Roman Empire.

The insufficient quantity of archeological materials does not allow us to give a clear answer to this question. It may be also that some imported items, in particular, the inexpensive bronze utensils arrived to the Sarmatians of Cisurals and the Volga region by the Northern Branch of the Great Silk Road which stretched through the South Cisurals and Lower Volga region. On the return route in the Roman Syria it was possible to purchase glassware, silver articles and Italic bronze ware. In this case the Sarmatians received a major part of imported bronze articles as payment for caravan crossing their territory and for escorting along the route.

Silver ware is represented by a significant quantity of imported objects found during archeological research work or by occasion.

The proper Roman products are represented by individual finds in rich Sarmatian burials in the Volga region and the Ural region. In 1953 during the dig led by V.P. Shilov at Verkhnee Pogromnoe village (Bykovskiy district, Volgograd region) in a Sarmatian burial (kurgan 1) there were found two silver semi-spherical bowls of Syrian production dated to the 1st c. BC and a silver jug discovered in grave 8 of kurgan 55 [11, p. 89].

Thus, silver articles of Roman production penetrated in Trans-Volga and in the Ural region as a result of normal barter trade contacts via an intermediation of the Bosporan cities and through an intertribal exchange with the related Sarmatian tribes of the Don region and the Kuban region.

A large group of Byzantine silver vessels found in the Kama region and in Cisurals contains a great number of items of various types, shapes and themes of images. We mentioned a few times that imported objects of Byzantine origin were present in these regions, but we do not have concrete data about direct ties of the Kama region and Cisurals with Byzantium or about direct exports from Constantinople workshops or other Byzantine crafts centers to those regions, nor about manufacturing of such goods for the purpose of exports to Cisurals and the Kama region.

Thus, the majority of Byzantine silver vessels penetrated to the territory of the Kama region and Cisurals from the Middle Asia together with other Middle Asian coins and artistic goods from various centers. The route from the Middle Asia obviously ran via the Ustyurt plateau to the Caspian Lowland and the Lower Volga region and then downstream the Volga, the Kama and the Chusovaya rivers to the north of the Kama region or to the south – to the Sylva river basin [6, p. 262].

The statement that the most probable communication routes ran on the Volga and the Kama rivers is supported by the places where the majority of the Byzantine vessels were found: in the basins of the Kama, Vyatka, Cheptsa, Belaya and Ural rivers, i.e. in the Middle, Upper and Lower Kama region and in South Cisurals. Only a small part, for example, two Byzantine vessels of the Bartym complex, could arrive via the Volga route from Transcaucasia or from the Northern Black Sea region, from the Byzantine Chersonesos.

The coins from Olbia and other cities of the Black Sea region were the earliest finds of ancient coins in the territory of the Ural, the Volga and the Kama rivers region.

In South Cisurals ancient coins were discovered during archeological studies. In the excavations of a kurgan cemetery near Ishtuganovo (Meleuzovsky district, Bashkortostan) coins were found in a nomad's grave [1, p. 46–54].

Thus, the composition of the coin finds, on the whole, shows the occasional and irregular nature of their bringing to the Volga region and to Cisurals.

The earliest finds of Roman copper, bronze and silver coins are dated to the second half – late 2nd c. BC – 1st c. AD when the Roman republican denarius was in active circulation and widely used in the international trade. Such a long-time functioning is explained by the fact that silver denarii were used not only as a payment means, but symbolized a definite social status of the owner of such coins.

Only single Roman golden coins were found in the Volga region and in Cisurals. In Astrakhan region on the right bank of the Volga river at Zamyany village (Enotaevsky district) there was found a golden coin of Eudocia (408-414), wife of Theodosius II (408-450), and a well-preserved golden coin of Theodosius I (379-395) provenes from a burial discovered in Ufa [9, p. 48].

These coins do not represent a valuable historical evidence of the economic relations between the ancient cities and the barbarians because golden coins could not play a serious role in the international commerce and money circulation in the adjacent territories, and certainly, not in the peripheral lands. A major part of such coins usually has lugs for appending or holes, i.e., they were basically used as decorations. Moreover, the mass inflow of Roman silver coins during a relatively long chronological period did not result in creation of a local monetary-weighting system.

Finds of Byzantine copper, silver and golden coins with prevalence of silver hexagrams of Heraclius of the 7th c. discovered on the outskirts of the barbarian world evidence the ambiguity of socioeconomic and political processes which took place on the outskirts of the ancient world in the late ancient period and in the early medieval years.

Byzantine golden solidi of the 7th c. were present in the finds from the territory of the Lower Volga region and the South Cisurals [10, p. 26]. As for the ways of penetration of golden coins to the Volga region and South Cisurals, we cannot give preference to any single route. It is quite possible that the coin found near Orsk was brought by the steppe road from the Middle Asia which was used to transport almost all artistic imported goods from Khorezm and basically the entire Orient, including Byzantium. This hypothesis is backed by the fact that in the Middle Asia there are known finds of mainly golden solidi, but no Byzantine silver coins [19, p. 32–34].

In the Kama region we know about three hoards of Byzantine silver coins.

In Perm region at Bartym village (Berezovsky district) in 1950 a Sassanidian silver vessel with two hundred sixty Byzantine silver coins was found; in an exploratory shaft nearby there were found twelve more Heraclius' hexagrams of the same type which were minted in Constantinople in 615–629 [2, p. 19].

Thus, penetration of Byzantine coins on the territory of the regions under review, as we can see, was generally insignificant and irregular, did not lead to creation of a local monetary-weight system or establishment of money circulation among the nations of Cisurals, the Kama and the Volga regions.

Therefore, the majority of Byzantine golden and silver coins reached the Volga region, the Kama region and Cisurals via the trade route from Transcaucasia along the Volga and the Kama rivers during a relatively short time span (second half of the 5th – middle of the 7th c.).

For the conclusion we would like to highlight a few fundamental factors relating to the routes and ways of the ancient imports distribution in the peripheral lands, barter trade formats and main trends in the quantitative and qualitative composition of the imported products.

The nomadic people were in constant contact with the settled tribes (in the south – nomadic tribes and settled agricultural nations of the Middle Asia, in the north – Ananino tribes, in the west – settlements of the Scythians, the Meotes, the Greek cities of the Northern Black Sea region), and the particularities of their economy provide for continuous barter trade between them and for search of the most optimum and convenient format of barter.

The peak inflow of imported goods of Roman origin was seen in the 1st-2nd c. AD – the period of the most active barter trade between the ancient cities and states, on the one hand, and the nations inhabiting the Ural, the Volga and the Kama regions, on the other hand, when the Roman empire and, therefore, the international trade were flourishing, and relative stability was observed in the steppes.

We can confidently state that the main trend in development of the Greek-Roman-Barbarian ties until the middle of the 3rd c. AD had a slow, but continuous growth. Possibly, direct relations were interrupted from time to time due to military conflicts, migrations of tribes and the general unstable political situation in the steppes, but as soon as the situation got stable, the trade routes resumed their functioning immediately, because, first of all, it was in the interests of the tribal elite.

The overall reduction of the imported goods inflow from the West is clearly registered immediately after the Gothic invasion in the 30-40-s of the 3rd c. AD and the destruction of Tanais when the city lost its dominant position in the trade with the barbarians, and since then other routes for purchasing of imported goods were in use, bypassing the Northern Black Sea region. The destruction of the ancient centers of the Northern Black Sea region and consequent pirate raids on the entire Black Sea coast led to a significant reduction of the international trade volume, although it did not cease completely, but switched to exchange in kind in a greater extent than in the 1st-2nd c. AD. Once of secondary importance, the trade roads from Gaul, Dacia and Pannonia started to play a more important role.

Thus, the overall unstable situation in the steppes could not further contribute to development of the trade contacts. In a large extent, it can be explained by the fact that the Sarmatians as the stabilizing military and political power in the steppes of the Northern Black Sea region have lost their dominating position, except the strong Alanian tribal union, and the epoch of dominance of the Iranian-speaking nomads came to an end. That period saw the rise of the numerous Turkic peoples and tribes on the historical scene.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акбулатов И. М., Обыденнов М. Ф. Погребения кочевников начала нашей эры из зоны Иштугановского водохранилищ // Памятники кочевников Южного Урала: сб. статей /отв. ред. В. А. Иванов. Уфа: БФ АН СССР, 1984. С. 46-54.

2. Бадер О. Н., Смирнов А. П. «Серебро Закамское» первых веков нашей эры // Труды Государственного исторического музея. Памятники культуры; Вып. 13. М.: Госкультпросветиздат, 1954.

26 с.

3. Безруков А. В. Римская бронзовая посуда на территории Урала, Поволжья и Прикамья (по материалам археологических комплексов I в. до н.э. – IV в. н.э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 1999. № 8. С. 54–60.
4. Безруков А. В. Сарматы Южного Приуралья и Нижнего Поволжья на Великом шелковом пути // Проблемы истории, филологии, культуры. 2000. № 9. С. 149–155.
5. Безруков А. В. Торгово-экономические связи Волго-Камья по данным письменных и археологических источников (VI в. до н.э. – VII в. н.э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 22. С. 128–136.
6. Безруков А. В. Импортные римские и византийские серебряные изделия на территории Волго-Камья (по материалам археологических комплексов I в. до н.э. – V-VII вв. н.э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск. 2015. № 3. С. 253-263.
7. Боталов С. Г., Иванов А. А. Новый комплекс кочевой аристократии гунно-сарматского времени в Южном Зауралье // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 2. С. 268-278.
8. Булатова Н. М., Дворниченко В. В., Зиливинская И. Д., Федоров-Давыдов Г. А. Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.: Наука, 1989. 280 с.: ил.
9. Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР // Археология СССР. Свод археологических источников. Г4-4, М.: Изд-во АН СССР, 1961. 276 с.
10. Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР // Археология СССР. Свод археологических источников. Д1–27. М.: Изд-во АН СССР. 1962. 284 с.
11. Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.). // Археология СССР. Свод археологических источников. Д1–27. М.: Изд-во АН СССР. 1970. 291 с.
12. Кропоткин В. В., Обыденнов М. Ф. Находка античных монет в погребении кочевника на Южном Урале // Советская археология. 1985. № 2. С. 228–223.
13. Лукьяшко С. И. О караванной торговле аорсов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. С. 61–65.
14. Монахов С. Ю. О хронологии сарматского погребения с гераклейской амфорой из Башкирии // *Liber archaeologicae*: сборник статей, посвященный 60-летию Бориса Ароновича Раева / Российская акад. наук, Южный науч. центр; [отв. ред. А. В. Симоненко]; Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, С. 89–93.
15. Полибий. Всеобщая история / Пер. с греч. Ф.Г. Мищенко. СПб.: Наука: Ювента, 1994-1995. 495 с.
16. Страбон География / Пер., ст. и ком. Г.А. Стратановского [под общ. ред. С.Л. Утченко]. М.: Ладомир, 1994. 940 с.
17. Шилов В. П. Погребения сарматской знати I в. до н.э. – I в. н.э. // Сообщения государственного Эрмитажа. 1956. № IX. С. 42-45.
18. Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья (историко-филологическое исследование их названий в ранних веках). Взгляд издалика. Немецкие историки о прошлом Восточной Европы. М.: Изд-во Eastern Communications, 1997, 155 с.
19. Штатман И. Л. Волжский путь поступления византийских ми-лиарисиев в Восточную Европу и Прибалтику в X веке // История и культура славянских стран / Под ред. В. В. Мавродина. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. С. 32-36.
20. Bozi F. The Nomads of Eurasia in Strabo // The archaeology of the steppes methods and strategies. Papers from the International Symposium held in Naples, 9–12 November 1992. Napoli. 1994. P. 24–46.

REFERENCES

1. Akbulatov I. M., Obydenov M. F. Pogrebeniya kochevnikov nachala nashei ery iz zony Ish-tuganovskogo vodokhranilishch // Pamyatniki kochevnikov Yuzhnogo Urala : sb. statei /otv. red. V. A. Ivanov. Ufa , BF AN SSSR, 1984, pp. 46–54.
2. Bader O. N., Smirnov A. P. «Srebro Zakamskoe» pervykh vekov nashei ery, Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Pamyatniki kul'tury; Vol. 13, M.: Goskul'tprosvetizdat, 1954. 26 p.
3. Bezrukov A. V. Rimskaya bronzovaya posuda na territorii Urala, Povolzh'ya i Prikam'ya (po materialam arkheologicheskikh kompleksov I v. do n. e. – IV v. n. e.), *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 1999, no 8, pp. 54–60.

4. Bezrukov A. V. Sarmaty Yuzhnogo Priural'ya i Nizhnego Povolzh'ya na Velikom shelkovom puti, *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2000, no 9, pp. 149–155.
5. Bezrukov A. V. Torgovo-ekonomicheskie svyazi Volgo-Kam'ya po dannym pis'mennykh i arkhelogicheskikh istochnikov (VI v. do n. e. – VII v. n. e.), *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2008, no 22, pp. 128–136.
6. Bezrukov A. V. Importnye rimskie i vizantiiskie serebryanye izdeliya na territorii Volgo-Kam'ya (po materialam arkhelogicheskikh kompleksov I v. do n.e. – V-VII vv. n. e.), *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], Magnitogorsk, 2015, no 3, pp. 253-263.
7. Botalov S. G., Ivanov A. A. Novyi kompleks kochevoi aristokratii gunno-sarmatskogo vremeni v Yuzhnom Zaural'e, *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2012, no 2, pp. 268-278.
8. Bulatova N. M., Dvornichenko V. V., Zilivinskaya I. D., Fedorov-Davydov G. A. Sokrovishcha sarmatskikh vozhd'ei i drevnie goroda Povolzh'ya. Moscow, Nauka, 1989, 280 p.
9. Kropotkin V. V. Klady rimskikh monet na territorii SSSR, *Arkheologiya SSSR. Svod arkhelogicheskikh istochnikov*, G4-4, Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1961, 276 p.
10. Kropotkin V. V. Klady vizantiiskikh monet na territorii SSSR, *Arkheologiya SSSR. Svod arkhelogicheskikh istochnikov*. D1–27, Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1962, 284 p.
11. Kropotkin V. V. Rimskie importnye izdeliya v Vostochnoi Evrope (II v. do n. e. – V v. n. e.), *Arkheologiya SSSR. Svod arkhelogicheskikh istochnikov*. D1–27, Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1970, 291 p.
12. Kropotkin V. V., Obydenov M. F. Nakhodka antichnykh monet v pogrebenii kochevnika na Yuzhnom Urале, *Sovetskaya arkhelogiya*, 1985, no 2, pp. 228–223.
13. Luk'yashko S. I. O karavannoi torgovle aorsov, *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya*. Moscow, Nauka, 1984, pp. 61–65.
14. Monakhov S. Yu. O khronologii sarmatskogo pogrebeniya s gerakleiskoi amforoi iz Bashkirii, *Liber archaeologicae: sbornik statei, posvyashchennyi 60-letiyu Borisa Aronovicha Raeva / Rossiiskaya akad. nauk, Yuzhnyi nauch. tsentr ; [otv. red. A. V. Simonenko]; Rostov-na-Donu: YuNTs RAN*, pp. 89–93.
15. Polibii. Vseobshchaya istoriya / Per. s grech. F.G. Mishchenko. Saint Petersburg, Nauka, Yuventa, 1994-1995. 495 p.
16. Strabon Geografiya / Per., st. i kom. G.A. Stratanovskogo [pod obshch. red. S.L. Utchenko]. Moscow, Lodomir, 1994, 940p.
17. Shilov V. P. Pogrebeniya sarmatskoi znati I v. do n. e. – I v. n. e., *Soobshcheniya gosudarstvennogo Ermitazha*, 1956, no IX, pp. 42–45.
18. Shramm G. Reki Severnogo Prichernomor'ya (istoriko-filologicheskoe issledovanie ikh nazvanii v rannikh vekakh). *Vzglyad izdaleka. Nemetskie istoriki o proshlom Vostochnoi Evropy*, Moscow, Izd-vo Eastern Communications, 1997, 155 p.
19. Shtatman I. L. Volzhskii put' postupleniya vizantiiskikh mi-liarisiev v Vostochnuyu Evropu i Pribaltiku v X veke, *Istoriya i kul'tura slavyanskikh stran / Pod red. V. V. Mavrodina*, Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta, 1972, pp. 32–36.
20. Bozi F. The Nomads of Eurasia in Strabo // *The archaeology of the steppes methods and strategies. Papers from the International Symposium held in Naples, 9–12 November 1992. Napoli. 1994. P. 24–46.*

А. В. Безруков (Магнитогорск, Россия)

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ВОЛГО-КАМЬЯ В ПОСЛЕДНИЕ ВЕКА ДО Н.Э. - ПЕРВЫЕ ВЕКА Н.Э. (ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И НУМИЗМАТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ)

Аннотация Статья посвящена анализу и реконструкции характера и форм взаимоотношений периферийных районов Восточной Европы с античными центрами во II в. до н. э. – первые века н. э. на примере районов Урало-Поволжья и Прикамья. В рамках заявленной темы наименее изученными остаются вопросы, связанные с взаимоотношениями Римской империи с кочевыми племенами степного пояса Евразии. Одной из самых важных проблем является понимание того, каким образом и каким путями импортные предметы римского и византийского производств попадали за пределы Италии, в районы, которые не были связаны непосредственно с античными центрами, как например, районы Подонья и Прикубанья.

Состав импортных товаров, о которых идет речь в статье, весьма разнообразен и включает в себя как изделия массового производства, так и предметы роскоши. В ходе исследования подтверждается гипотеза, согласно которой пик притока импортных товаров и монет римского производства приходится на I-II вв. н. э., период наиболее активных контактов между варварами и Римской империей, во многом обусловленный стабилизацией политической ситуации в степной зоне. Автор уверен, что в развитии римско-варварских связей вплоть до середины III в. н. э. контакты демонстрируют тенденцию медленного, но непрерывного возрастания.

Ключевые слова: международная торговля, Волго-Камье, кочевники, предметы роскоши, импортные предметы, монеты, античные центры, Византия, Рим.

Безруков А. В. Торговые связи Волго-Камья в последние века до н.э. - первые века н.э. (по данным письменных, археологических и нумизматических источников) // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2. № 3. С. 21-28.

Bezrukov A. V. Trade Contacts the Volga and the Kama Region in the Late bc – early ad Centuries (Written Records, archaeological and numismatic Sources), *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2018, vol. 2, no 3, pp. 21-28

Сведения об авторах

Безруков Андрей Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Всеобщей истории Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия; buonogiorno@mail.ru

Author:

Andrey V. Bezrukov, Ph.D. in History, Associate Professor of the Department Ancient history, Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia; buonogiorno@mail.ru

УЧАСТИЕ МЕСТНЫХ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В РЕПРЕССИЯХ ПРОТИВ КРЕСТЬЯН НАКАНУНЕ И В ГОДЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Аннотация. В исторической науке недостаточно полно исследована деятельность местных советов в управлении селом в конце 1920-х–1930-х гг. Поэтому весьма актуально провести региональное измерение процессов, происходивших в уральской деревне в переломный момент перехода от новой экономической политики к реализации идей социалистического переустройства сельского хозяйства. Чрезвычайная ситуация в период хлебозаготовок в 1927-1928 гг., начало массовой коллективизации индивидуальных крестьянских хозяйств, раскулачивание сопровождалось репрессиями не только правоохранительных органов, но и районных исполнительных комитетов советов, сельских советов. Как и сама коллективизация села, так и методы воздействия на крестьянское население по выполнению государственных обязанностей проводились на незаконной основе. Не только в начальный период, но и в последующие годы коллективизации методы устрашения и преследования стали определяющими в деятельности советских органов. Привлечение в качестве контролирующих структур уполномоченных вышестоящих партийно-государственных инстанций еще более усугубило положение в сельской местности. Совместными усилиями местных советских органов и разного рода уполномоченных крестьян принуждали беспрекословно следовать указаниям, исходящим из центра. Планы по заготовкам сельскохозяйственной продукции, налогам подлежали обязательному выполнению вне зависимости от урожая и реальной возможности крестьян. Некоторые платежи из добровольного дела превращались в обязательные. Ради выполнения поставленных задач, советские работники Уральского региона нередко нарушали закон, применяли недозволенные методы воздействия к сельским жителям. Так называемые перегибы, хотя и осуждались на словах, но являлись действенным средством воздействия на несогласных крестьян.

Ключевые слова: советские органы, село, репрессии, Уральский регион, коллективизация, заготовки сельскохозяйственной продукции.

Актуальность темы, избранной для исследования, вызвана тем, что в настоящее время отсутствуют научные публикации об участии властных региональных структур в репрессиях по отношению к крестьянству в конце 1920-х–1930-е гг. В данном исследовании ставится задача восполнить этот пробел на материалах Уральского региона. Современные историки пытаются всесторонне раскрыть особенности рассматриваемого периода. Наиболее значимыми являются научные труды В. П. Данилова, И. Е. Зеленина, Н. А. Ивницкого, Г. Е. Корнилова, Ш. Фицпатрик и других отечественных и зарубежных ученых [1; 3; 4; 6; 13]. На наш взгляд, им в полной мере удалось показать репрессивный характер политического режима и установить спектр насильственных действий в отношении сельских жителей. Прав Г. Е. Корнилов, когда утверждает, что коллективизация сопровождалась произвольным государственным террором против селян [6, с. 127]. Важно, что эти и другие ученые провели колоссальную работу по публикации новых, ранее секретных документов по репрессивной политике в отношении крестьянства [2; 5; 9; 11].

Все дальше уходит время, когда насилие, чрезвычайщина являлись обыденным делом. Молодое нынешнее поколение порой ориентируется на фальсифицированное, упрощенное изложение советской истории из недостоверных источников. Поэтому при изучении истории России ставится цель извлечь уроки из трагических событий прошлого, объективно оценить процессы, проходившие в уральской деревне в сложное для страны время.

Данная публикация на основе, как правило, новых источников дает региональное измерение событий накануне и во время насильственной коллективизации. Репрезентативность исследования обеспечивается территориальными рамками так называемого Большого Урала. В настоящее время на этой территории расположены такие территориальные единицы, как Башкирия и Удмуртия, Пермский край, Свердловская, Челябинская, Курганская, Оренбург-

ская области, а также частично Тюменская и Омская.

Как показали события в уральском селе конца 1920-х гг., во время хлебозаготовительного кризиса 1927-1928 гг. завершилась относительно либеральная новая экономическая политика. Непослушание крестьянства в выполнении указаний властей во время заготовок, вызванное попытками государства за бесценок получить сельскохозяйственную продукцию, привело к применению чрезвычайных мер и усилению репрессий. В этот период началась подготовка широкомасштабной акции по проведению массовой коллективизации и раскулачиванию. Главную роль в процессе играли местные советские органы - районные исполкомы советов, сельские советы. Указанные структуры фиксировали нарушения, применяли административные наказания, готовили материалы для привлечения нарушителей к суду. Они действовали совместно с уполномоченными, присылаемыми из области и района, и добровольными активами.

Когда складывалась напряженная обстановка с заготовкой сельскохозяйственной продукции или выполнением сельскохозяйственных работ, местные органы власти вместе с уполномоченными часто шли на неправовые, внеэкономические методы воздействия на крестьян ради достижения целей, постановленных партией и правительством. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, зафиксированные в Уральском регионе.

В феврале 1928 г. был отмечен 61 случай принудительного взыскания сельсоветами с крестьян платежей по самообложению¹. По сути, добровольные взносы, направляемые на социально-культурные мероприятия и благоустройство, стали обязательными. В некоторых селах крестьян, не желавших приобретать заем, работники сельских советов арестовывали на некоторое время, с тем чтобы заставить поменять решение².

Нередко руководство сельсоветов применяло насильственные действия и к крестьянам, не нарушавшим установленные порядки. Так, в д. Дружине Шатровского района Тюменского округа председатель сельсовета арестовал как кулака середняка Л. Полетаева, хотя тот своевременно осуществлял государственные платежи, не лишился права голоса и не был обложен индивидуальным налогом. Посев у этого крестьянина составлял до 8 десятин, имелись только две лошади, одна корова, но этого, по мнению председателя, было слишком много³.

Работники сельсоветов активно практиковали штрафные санкции и изъятие имущества. В Бугурусланском районе Средне-Волжского края райисполком передал свое право наложения штрафов сельсоветам. Массовые обыски и конфискация имущества проводились при масло- и мясозаготовках в Уральской области [5, с. 199].

Иногда районные органы советской власти вмешивались в незаконную деятельность сельсоветов. Президиум Курьинского райисполкома Уральской области в ноябре 1930 г. удовлетворил протест районного прокурора о неправильном применении штрафа в пятикратном размере за невыполнение твердого задания по хлебозаготовкам к крестьянину С. Берсеневу. Взыскание должно было исходить из фактически не сданного хлеба, оцениваемого в 485 руб., однако сельсовет изъясил все имущество семьи на 1043 руб., в том числе лошадь и корову, выгнал из описанного дома семью из восьми человек⁴. Отметим, что такие случаи признания незаконности действий сельсоветов были редки. Чаще беззаконие творилось при участии представителей местных органов власти, причем преобладало желание унижить человека, нарушить его права. В Соколовском и Запольском сельсоветах Верещагинского района Уральской области в 1931 г. при взыскании штрафов с лиц, получивших твердые задания, отбирались белье, домашняя утварь, половики. Все это свозили в сельсовет и продавали⁵.

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 6. Д. 353. Л. 36.

² Государственный архив Свердловской области (далее ГАСО). Ф. 88. Оп. 1. Д. 1442. Л. 44.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 674. Л. 12-13.

⁴ ГАСО. Ф. 2128. Оп. 1. Д. 8. Л. 23.

⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 221. Л. 67.

По мнению секретаря Средне-Волжского крайкома ВКП(б) М. М. Хатаевича, статья 61 Уголовного кодекса РСФСР применялась как орудие механического раскулачивания, а не для заготовок. В с. Токмакне Бугурусланского округа у середняка В. Уланова по ст. 61 сельсоветом были отобраны и проданы в числе другого имущества пара лаптей, пара опорок, кнут, пара шерстяных портянок и другое личное имущество [14, с. 15].

Применение статьи 61 УК РСФСР означало отказ от выполнения повинностей, общегосударственных заданий или производства работ, имевших общегосударственное значение. За нарушение предусматривался штраф, налагаемый соответствующим органом власти, в пределах до пятикратного размера стоимости наложенного задания, повинности или работы; повторное нарушение грозило лишением свободы или исправительно-трудовыми работами на срок до одного года; за те же действия, совершенные кулацкими элементами даже в первый раз, или другими лицами приотягчающих обстоятельствах (сговор группы лиц или оказание активного сопротивления органам власти в проведении повинностей, заданий или работ), назначалось лишение свободы на срок до двух лет с конфискацией всего или части имущества, со ссылкой или без таковой. Не везде следовали духу и букве закона: у некоторых крестьян отбирали последнее личное имущество.

В подобной ситуации правоохранительные органы стремились указать властным структурам на правильность применения норм права. В 1932 г. Башкирский наркомат юстиции в своем постановлении подвел итог месячника революционной законности. В нем отмечалось негативное увлечение на местах штрафами как средством мобилизации средств населения. Так, наркомат финансов республики регулярно отправлял в районы контрольные цифры по штрафам, постоянно их увеличивая. Если в первом квартале предусматривалось собрать 125 тыс. руб., во втором – 144 тыс., то в третьем квартале – 251 тыс. руб. Райисполкомы в свою очередь направляли в сельсоветы контрольные цифры по штрафам со значительным увеличением. В Зириклинском сельсовете Бикбулатовского района подвергли штрафу 56 % хозяйств. В Туймазинском районе штрафовали за выход из колхоза и отказ от вступления в него, в Дуванском районе – за нежелание приобрести заем, в Белорецком районе – за отходничество и т. д.⁶

В то же время так называемые перегибы могли стать тяжким уголовным преступлением. В Ленинском сельсовете Туринского района в сентябре 1932 г. председателем сельсовета, секретарем партячейки, уполномоченным райкома партии во время облавы был убит крестьянин-бедняк Шишкин по подозрению в воровстве мяса. Было заведено уголовное дело, которое под нажимом райкома партии пытались прекратить, но затем вновь возбудили и привлекли виновных к судебной ответственности. По делу перегибов в 1932 г. в Туринском районе проходило свыше 40 обвиняемых [11, с. 470]. В Сухомлинском сельсовете Челябинского района под руководством председателя сельсовета Шеина обвиняемых в воровстве избивали, проводили незаконные аресты, практиковали издевательства над колхозниками и единоличниками [9, с. 574].

Поощрение беззакония не проходило бесследно. Некоторые руководители теряли чувство меры и сами оказывались осужденными. И такие случаи не были единичными. Перепоручив карательные функции местным работникам, вышестоящие управленческие структуры добивались выполнения директив далеко не правовыми способами. Как писал Ю. С. Кукушкин, военно-коммунистические методы ряда сельсоветов позволяли кулакам привлечь на свою сторону середняков [7, с. 177]. Советского историка больше всего волновало, что репрессии властей могли вызвать негативную реакцию середняцкой части крестьянства. Вполне естественно, что люди пострадавшие ни за что, не могли лояльно оценивать советскую власть.

Когда повсеместно низовая сельская власть стала нарушать права крестьян, то ЦИК СССР в 1933 г. запретил участие сельских советов в конфискации имущества. Как и по всей стране, сельсоветы на Урале применяли наиболее легкий метод выполнения указаний выше-

⁶ Центральный исторический архив Республики Башкортостан (далее ЦИА РБ). Ф. 1419. Оп. 2. Д. 57. Л. 36, 36 об.

стоящих органов - с помощью насилия поддерживали страх среди крестьян [11, с. 740–742]. Могло показаться, что законность восторжествовала: злоупотребления властью стали осуждаться. Однако правовые нормы вновь и вновь нарушались, потому что негласно властные вышестоящие структуры поддерживали так называемые перегибы, издевательства над крестьянами. Методами устрашения было легче выполнять любые задания партии.

Особый размах репрессии со стороны руководителей разного ранга приобрели в начальный период коллективизации, когда власть любой ценой стремилась выполнить установленные показатели по созданию колхозов. В с. Илошамское Лебяжьевского района Курганского округа Уральской области организатор колхоза собрал группу крестьян и заявил: «Идите в коммуну, иначе я вас подавлю, как клопов на стене». В этом районе другой представитель власти запись в коммуну проводил ночью, сидя за столом, на котором лежал наган. В с. Кошкино Белозерского района уполномоченный Шорин заявлял: «Кто не идет в колхоз, мы будем высылать на Север, не будем считаться, бедняк это или середняк». ЦК ВКП(б) порой приходилось принимать решения о запрете принуждения при коллективизации [2, с. 388, 391]. Но показатели по ускоренной коллективизации, устанавливаемые той же высшей властью, вновь приводили администрацию районов к практике нажима на крестьян, не желавших вступать в колхоз.

Подобные негативные явления в деревне были характерны не только для начала 1930-х гг., когда властные структуры стремились приучить крестьян к новому порядку. Председатель Меселинского сельсовета Аургазинского района Башкирии Николаев в декабре 1934 г. создал две бригады для взыскания с единоличников недоимок налоговых платежей. Он посадил в подпол семь единоличников и держал сутки, пока те не согласились расплатиться. За это нарушение председателя сельсовета отдали под суд. В Белебеевском районе заведующий райфинотделом установил дополнительные налоги для единоличников до 2 тыс. руб. на отдельное хозяйство. Его осудили по ст. 109 УК РСФСР (злоупотребление властью или служебным положением) на два года лишения свободы.

Местные чиновники, создавая обстановку нетерпимости к крестьянам, не выполнявшим приказы, совершая насильственные действия, сами попадали на скамью подсудимых. В Чишминском районе председатель Сайранского сельсовета, председатели колхозов и уполномоченный заставляли единоличников вступать в колхоз, под страхом высылки за пределы Башкирии. Все 49 единоличных хозяйств, в том числе два кулацких хозяйства, вступили в колхоз. Председатель сельсовета был предан суду за перегибы⁷.

Председатель Прошинского сельсовета Юкаменского района Удмуртии Чирков в связи с плохой сыпкой семенного материала за каждым из 50 колхозников закрепил два-три единоличных двора и назвал их буксирной бригадой. Колхозников послали проводить обыски у единоличников. Если не находили семена, то забирали муку и печеный хлеб. В другом колхозе этот председатель сельсовета послал колхозников на обыски под страхом исключения из колхоза. Здесь также все забрали у единоличников⁸.

Бытовало мнение, что работникам сельсоветов трудно и почти невозможно знать действующие законы. В одной из статей журнала «Социалистическая законность» подчеркивалось, что «такие настроения на руку только лицам, желающим действовать так, как им кажется «удобней» и «целесообразней» [8, с. 83]. Бесспорно, чиновники должны были знать законы, но могли ли они в суровой реальности тех лет соблюдать законность. Руководители сельсоветов обязаны были выполнять любые указания вышестоящих органов. Даже предложения о повышении юридической грамотности вряд ли могли изменить ситуацию. Работников органов советской власти вынуждали меньше объяснять причины усиления давления на крестьян, а больше действовать репрессивными методами. Они становились винтиками в механизме карательной системы.

Не отставали от руководителей сельских советов, а часто толкали на произвол в отно-

⁷ ЦИА РБ. Ф. 1419. Оп. 2. Д. 62. Л. 116-116 об.

⁸ Центральны государственный архив Удмуртской Республики (далее ЦГА УР). Ф. 635. Оп. 2. Д. 7. Л. 134.

шении крестьянства уполномоченные партийно-советских органов. Партийные функционеры вместе представителями советов принимали активное участие в репрессиях. Феномен уполномоченного до конца не исследован. Однако этот институт стал связующим звеном в цепи район – сельсовет – колхоз. Имея широкие права, уполномоченный должен был проявлять недюжинную хватку, особые организаторские способности, лавируя между законом и беззаконием. Ударные сельскохозяйственные и другие кампании, которых было не перечислить, не обходились без этой знаковой фигуры командно-мобилизационной системы. Уполномоченный становился в ряд внесудебных институтов, вершивших суд в деревне.

При заготовках хлеба зимой-весной 1928 г., в пик активизации так называемых перегибов, беззаконие уполномоченных не преследовалось. Они действовали по призыву газеты «Правда» – не ставить формальную законность выше политической линии [10, с. 80]. Об организации таких «мероприятий» уполномоченными в 1928 г. сообщал один из членов партии, живший в Краснокаменском сельсовете Уйского района Уральского области. Уполномоченный Шеметов решил поугубить кулаков, которые составляли четверть всех хозяйств сельсовета. Была создана группа из 58 бедняков, к которой он обратился со словами: «Будем бить, ломать, покажется мало, будем головы сшибать. Кто останется, тот не нашей партии». Кто по доброй воле, а кто под угрозой пошел вершить беззаконие. Время выбрали удачное – 11 часов ночи. Развернули красные флаги и отправились по дворам: впереди шли уполномоченные окружка, уполномоченный ГПУ района и представитель райкома партии, сзади два милиционера. Подходя к дому зажиточных крестьян, ломали ворота и кричали, чтобы хозяева выходили и отдавали хлеб. Выходивших с поднятыми руками избивали, толкали в амбар, где избиения снова продолжались. Женщины плакали, убегали из домов в поле⁹.

Уполномоченный Тюменского райисполкома Сатюков в д. Ожигино собрал крестьян на общее собрание, закрыл двери, поставил в дверях налоговых исполнителей и приказал под угрозой ареста и конфискации имущества приобрести заем. При этом деньги требовалось уплатить в течение суток. За такое самоуправство уполномоченного предали суду по 109 ст. УК. Такие же случаи отмечены в Шадринском, Троицком округах Уральской области¹⁰.

В определенной степени, уполномоченные так же, как и работники сельсоветов становились заложниками существовавшей системы взаимоотношений между властью и сельскими жителями. Являясь функционером одной из вышестоящих организаций, уполномоченный должен был беспрекословно выполнять порученное задание, не считаясь ни с чем: ни с правовыми, ни моральными нормами. Отказ от применения насилия к селянам мог привести к снятию с должности, изгнанию из партии, привлечению к судебной ответственности.

Только за май-июнь 1928 г. 14 окружкомов партии Уральской области на бюро и секретариатах обсуждали ход хлебозаготовок 152 раза. В село было послано 60 уполномоченных. Излюбленными методами их работы стали запугивание, административный нажим, описи, обыски, аресты. В Яланском районе Челябинского округа обыски охватили от 30 % до 100 % домохозяев, при этом арестовывали от 10 до 60 человек. В Каракульском районе Троицкого округа уполномоченный из округа устанавливал сельсоветам контрольные цифры по количеству арестованных. Так, Белоозерскому сельсовету было запланировано посадить под арест 20–25 человек. Только за июнь в Степном районе Троицкого округа произвели до 200 обысков.

В Челябинском округе были случаи арестов за не сдачу 3–5 пудов хлеба. При обысках разворачивали полы, ломали стены, разбрасывали вещи, в том числе в домах семей красноармейцев. У одного середняка из Каменского района Шадринского округа из имевшихся в наличии 24 пудов забрали половину, после чего крестьянин с горя повесился. Хлеб отбирали не только у состоятельных мужиков, но и у бедняков. После таких обысков запасы на едока оставляли по 20 фунтов до нового урожая. Бывали и такие случаи, как в Кунгурском районе: когда крестьянин-бедняк купил хлеб, а его отобрали. В Талицком районе в д. Горбуновка

⁹ ГАСО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 369. Л. 180.

¹⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 353. Л. 38-39.

уполномоченный при отказе середняков сдавать хлеб сажал их в холодную кладовую. Такой участи не избежали и женщины с грудными детьми¹¹. В Ирбитском округе Уральской области весной 1928 г. работники правоохранительных органов были мобилизованы в качестве уполномоченных по сельсоветам и районам, что незамедлительно привело к перегибам в их карательной деятельности [12, с. 186].

Крестьянина д. Шабурово Багарякского района П. Шабурова уполномоченные обязали сдать дополнительно 200 пудов хлеба сверх того, что им уже было сдано. Для этого крестьянин вынужден был продать корову и купить хлеб на рынке, чтобы сдать заготовителям. И все это произошло, несмотря на то, что он был отцом красноармейца, имел многодетную семью и по положению к кулакам не относился.

Крестьянин-середняк В. Загайлов написал в окружную прокуратуру, что он «со своей семьей заперт в собственном доме. Заколочены все окна и ворота, и не разрешается мне выходить даже по воду, не выпускают скот. Кроме того, взыскивают с меня 15 рублей в каждые сутки за усадьбу. Такие репрессии на меня положены за то, что я отказался платить хлеба столько, сколько они предлагали»¹².

В д. Огневой уполномоченным райисполкома и председателем сельсовета был объявлен бойкот нескольким крестьянам. У них изъяли спички и керосин, а горящие дрова в печке залили водой. Ночью тайком вывезли все дрова из дворов и огородов. Вызывали крестьян в сельсовет ежедневно и держали там сутки. Из-за этого в д. Солодиловой Камышовского района покончил самоубийством крестьянин Д. Ручьев. В предсмертной записке написал: «Трупа моего не бойтесь. Жизнь заставила совершить преступление»¹³.

В качестве уполномоченного Уральского обкома партии в с. Александро-Невское был направлен студент коммунистического вуза Исаков. С него требовали выполнения плана по сбору хлеба и рекомендовали: «Вы приехали заготовить хлеб, а не плакать вместе с зажиточной частью деревни, а поэтому нужно больше энергичной работы, меньше слез». На что Исаков отвечал: «Я большевик с февраля 1917 г., три года командовал бронепоездом в гражданскую войну. Ныне в запасе. Никогда не плакал и теперь не плачу, а пишу, что есть. Мне все время приходится сидеть в накуренном и смрадном помещении сельсовета и доводить хлебодатчиков до слез и истерической ругани. Некоторые режут белугами. Уж больно «веселая» работенка. Жду выезда своего из этого «рая» с нетерпением»¹⁴. Но таких уполномоченных, недовольных порученным делом, было немного. В с. Сумки одноногого крестьянина, инвалида гражданской войны, не сдавшего положенного объема хлеба, по рекомендации уполномоченного собрание заставило стоять 10 часов. Ему повесили доску с надписью: «Я враг Советской власти. Есть хлеб, а не сдаю»¹⁵. И при этом популярным средством наказания продолжали оставаться штрафы. Примеры из Глазовского района Удмуртии свидетельствуют, что они налагались за мелкие проступки и их назначали все кому не лень: общественные суды, председатели и члены правления колхозов, уполномоченные¹⁶.

Итак, применение силы или угрозы силы стали обычным явлением в жизни уральского села. Местные руководители различного уровня, работники подчиненных им учреждений стали частью карательной системы. Произвол, царивший в деревне, особенно в период всевозможных чрезвычайных хозяйственно-политических кампаний, позволял успешно выполнять намеченные планы. Так называемые перегибы шли не в счет. За них могли наказывать, вплоть до лишения свободы, но важнее было четко и оперативно исполнить директиву вышестоящего начальства. Кого-то из должностных лиц показательно наказывали, но остается неизвестным, сколько руководителей не ответило за беззаконие. В недрах управленческих структур вырабатывалось мнение, что с помощью силы можно решить любой вопрос. В

¹¹ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 352. 43, 51–53.

¹² На смену. 1991. 6 января.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ЦГА УР. Ф. 357. Оп. 1. Д. 379. Л. 9, 40.

большинстве случаев должностные лица никакой ответственности не несли.

Можно по-разному относиться к событиям в селе в то время, но не следует забывать, что унижение человека, нарушение его минимальных прав и свобод не может быть оправданным средством достижения никакой великой цели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 1. М. : РОССПЭН, 2011. 863 с.
2. Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг.: [Сборник / Сост. В. П. Данилов и др.]; Под ред. В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого. М.: Политиздат, 1989. 525 с.
3. Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006. 315 с.
4. Ивницкий Н. А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М. : Институт российской истории РАН, Университет г. Торонто (Канада), 2000. 172 с.
5. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 томах. Том 1. Массовые репрессии в СССР. М. : РОССПЭН, 2004. 728 с.
6. Корнилов Г. Е. Сталинская модернизация деревни: несостоявшийся агропереход (1935–1953 гг.) // Историко-педагогические чтения. 2006. № 10. С. 125–144.
7. Кукушкин Ю. С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.). М. : Издательство Московского университета, 1968. 294 с.
8. Лебединский В. Об укреплении социалистической законности на селе // Социалистическая законность. 1938. № 3. С. 83–87.
9. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1995. Документы и материалы. Свердловская область. 1917–1941. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. 792 с.
10. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М. : РОССПЭН, 1998. 456 с.
11. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы в 5-ти тт. Т. 3. (конец 1930–1933 г.). М. : РОССПЭН, 2001. 1008 с.
12. Филатов В. В. Уральское село, 1927–1941 гг.: функционирование карательной системы: монография. Магнитогорск : ГОУ ВПО «МГТУ», 2009. 245 с.
13. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история России в 30-е годы: деревня. М. : РОССПЭН, 2001. 422 с.
14. Хатаевич М. М. Итоги хлебозаготовок и политическое положение в деревне. Самара: Государственное издательство Средне-Волжское краевое отделение, 1930. 36 с.

V. V. Filatov (Magnitogorsk, Russia)

PARTICIPATION OF LOCAL SOVIET ADMINISTRATIONS OF THE URAL REGION IN REPRESSIONS AGAINST PEASANTS ON THE EVE AND IN THE YEARS OF COLLECTIVIZATION

Abstract. Activity of local councils in village management in the late 1920s and 1930s was not fully studied in the historical studies. Therefore, it is quite important to conduct a regional measurement of the processes that took place in the Ural village at a turning point at the transition from the new economic policy to the implementation of the socialist reorganization in agriculture. The emergency situation during the grain procurement in 1927–28, the beginning of mass collectivization of individual peasant farms, dekulakization were accompanied by repression not only of law enforcement bodies, but also of district executive committees of councils, village councils. The collectivization of the village itself, as well as the methods of influencing the peasant population to fulfill state duties, both were conducted on an illegal basis. Not only at the beginning, but also in the following years of collectivization, methods of intimidation and persecution became decisive in the activities of Soviet bodies. Involvement of authorized higher-level party and government institutions as controlling structures further exacerbated the situation in rural areas. The joint efforts of local Soviet bodies and various authorized staff peasants were compelled to follow instructions from the center unquestioningly. Plans for harvesting agricultural products, taxes were the subject to mandatory im-

plementation, regardless of the crop and the real possibilities of the peasants. Some payments from voluntary business turned mandatory. In order to fulfill the tasks set, Soviet workers in the Urals region often violated the law, applied unlawful methods of influence to the villagers. The so-called excesses or extra measures, although condemned in words, were an effective means of influencing dissenters.

Keywords: Soviet authorities, village, repression, the Ural region, collectivization, harvesting of agricultural products.

REFERENCES

1. Danilov V. P. *Istoriya krest'yanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy: v 2-kh ch. Ch. 1.* Moscow, ROSSPEN, 2011, 863 p.
2. *Dokumenty svidetel'stvuyut: Iz istorii derevni nakanune i v khode kollektivizatsii 1927–1932 gg.: [Sbornik / Sost. V. P. Danilov i dr.]; Pod red. V. P. Danilova, N. A. Ivnit'skogo,* Moscow, Politizdat, 1989, 525 p.
3. Zelenin I. E. *Stalinskaya «revolyutsiya sverkhu» posle «velikogo pereloma». 1930–1939: politika, osushchestvlenie, rezul'taty,* Moscow, Nauka, 2006, 315 p.
4. Ivnit'skii N. A. *Repressivnaya politika sovet'skoi vlasti v derevne (1928–1933 gg.),* Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN, Universitet g. Toronto (Kanada), 2000, 172 p.
5. *Istoriya stalinskogo Gulaga. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov. Sbranie dokumentov v 7 tomakh, vol. 1. Massovye repressii v SSSR,* Moscow, ROSSPEN, 2004, 728 p.
6. Kornilov G. E. *Stalinskaya modernizatsiya derevni: nesostoyavshiisya agroperekhod (1935–1953 gg.),* *Istoriko-pedagogicheskie chteniya,* 2006, no. 10, pp. 125–144.
7. Kukushkin Yu. S. *Sel'skie Sovety i klassovaya bor'ba v derevne (1921–1932 gg.),* Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1968, 294 p.
8. Lebedinskii V. *Ob ukreplenii sotsialisticheskoi zakonnosti na sele, Sotsialisticheskaya zakonnost',* 1938. no. 3, pp. 83–87.
9. *Obshchestvo i vlast'. Rossiiskaya provintsiya. 1917–1995. Dokumenty i materialy. Sverdlovskaya oblast'. 1917–1941,* Ekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, 2005, 792 p.
10. Solomon P. *Sovetskaya yustitsiya pri Staline. M. : ROSSPEN, 1998. 456 s.*
11. *Tragediya sovetskoi derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927-1939. Dokumenty i materialy v 5-ti tt., vol. 3. (konets 1930–1933 g.),* Moscow, ROSSPEN, 2001, 1008 p.
12. Filatov V. V. *Ural'skoe selo, 1927–1941 gg.: funktsionirovanie karatel'noi sistemy: monografiya.* Magnitogorsk, NMSTU, 2009, 245 p.
13. Fitspatrik Sh. *Stalinskie krest'yane. Sotsial'naya istoriya Rossii v 30-e gody: de-revnya,* Moscow, ROSSPEN, 2001, 422 p.
14. Khataevich M. M. *Itogi khlebozagotovok i politicheskoe polozhenie v derevne,* Samara, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Sredne-Volzhskoe kraevoe otdelenie, 1930, 36 p.

Филатов В. В. Участие местных советских органов Уральского региона в репрессиях против крестьян накануне и в годы коллективизации // *Гуманитарно-педагогические исследования.* 2018. Т. 2. № 3. С. 29-36.

Filatov V. V. Participation of Local Soviet Administrations of the Ural Region in Repressions Against Peasants on the Eve and in the Years of Collectivization, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2018, vol. 2, no 2, pp. 29-36

Сведения об авторе

Филатов Владимир Викторович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия; v.philatov@mail.ru

Author:

Vladimir V. Filatov, Doctor of Historical Sciences, associate professor Department of World History Institute of Humanitarian Education Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU); v.philatov@mail.ru

ИСТОРИЯ МИГРАЦИЙ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В МЕТОДОЛОГИИ

Аннотация. Миграционные волны являются повторяющимся явлением в мировой истории. Причины переселения больших групп людей на значительные расстояния со временем эволюционировали. Современный миграционный кризис в Европе актуализировал изучение феномена миграций в контексте мировой истории. В настоящее время данной теме посвящено множество зарубежных и отечественных публикаций. Мировые миграции XX в. исследуются автором статьи в контексте урбанизации, индустриализации и деколонизации; выявляется связь моделей миграции с конкретным социально-экономическим, демографическим и политическим положением. В современном научном дискурсе приоритетными темами являются: опыт приема беженцев; правовое регулирование положения чужестранцев в разных странах; факторы, вызывающие массовые миграционные потоки; культурные коллизии и последствия контактов с мигрантами. Целью статьи является анализ современных трендов в методологии исследования истории миграций. Рассмотрение методологической эволюции работ, освящающих историю миграций, позволило сделать ряд выводов. Современный кризис превратил миграции в одну из наиболее дискуссионных тем в научном дискурсе, положил начало глобальному изучению миграционных процессов. Наблюдается трансформация понятий «миграция» и «пересекаемые границы», что заставляет проводить деконструкцию миграционного процесса и рассматривать его на уровне религиозной, лингвистической, политической адаптации по отдельности. Отмечается тенденция к преодолению методологического национализма, проявлявшегося в анализе миграции как процесса въезда и выезда из одного национального государства в другое с последующей ассимиляцией, предполагающей утрату собственной идентичности. Поставлен вопрос о евро- и «атлантицентризме, характерном для западного научного дискурса. Постепенно утверждается равноценность и типичность массовых миграций в разных частях света. Произошло признание нового явления глобального характера – транснационализма.

Ключевые слова: массовые миграции, история миграций, мигранты, методология, транснационализм, границы.

В мировой истории периодически наблюдались повторяющиеся миграционные волны, причины которых со временем эволюционировали: приход древнего человека в Европу, вторжения варваров, работорговля и др. В результате крупномасштабных перемещений населения возникали контакты между мигрантами и местным населением. Добровольные или принудительные перемещения людей приводили к образованию колоний и диаспор, интеграции или сегрегации общества, культурному обмену и смешению населения, что в любом случае ставило под вопрос сохранение культуры принимающих стран.

Современный миграционный кризис в Европе актуализировал изучение феномена миграций в контексте мировой истории. Сегодня к этой проблеме приковано внимание историков, археологов, социологов, географов, экономистов и культурных антропологов всего мира. В частности, в 12–13 ноября 2015 г. в Париже состоялся крупный международный симпозиум «Археология миграций», на котором обсуждалась история миграций, включая появление *Homo Sapiens* в северном полушарии, неолитическую колонизацию умеренных климатических зон, перемещения населения в античных империях, средневековые вторжения варваров, скандинавов, арабов, повсеместное появление еврейских диаспор, работорговлю и колониальные контакты населения [4]. По сути, было положено начало написанию глобальной истории миграций.

Мировые миграции XX в. исследуются в контексте урбанизации, индустриализации и деколонизации, выявляется связь моделей миграции с конкретным социально-экономическим, демографическим и политическим положением. В современном научном дискурсе приоритетными являются следующие темы: опыт приема беженцев и правовое регулирование положения чужестранцев в разных странах; факторы, вызывавшие массовые

миграционные потоки; культурные коллизии и последствия контактов с мигрантами (Г. Муан и А. Лебон [20], К. Моатти [19], Д. Хердер [8]).

Проблема миграций и мигрантов давно стала предметом критического осмысления, она затрагивалась в историко-философских работах Платона, Ш. Монтескье, Т. Гоббса, однако научное изучение миграций началось только в XX веке. В настоящее время этой теме посвящено множество зарубежных и отечественных публикаций, обзор которых представлен в работе М. Б. Денисенко, В. А. Ионцев, Б. С. Хорева [1]. Рассматривая теоретические вопросы массовых переселений народов, большинство ученых утверждает, что их основным признаком является перемещение людей на новое место для постоянного или длительного проживания. Отдельные ученые считают, что за рамками современных миграционных исследований должны остаться передвижения, связанные с кочевым образом жизни, туризмом и краткосрочными деловыми поездками [12, с. 53]. В качестве основных критериев миграций Л. Л. Рыбаковским предлагается рассматривать перемещение жителей из одного населенного пункта в другой и наличие фиксации этого события [3, с. 83]. Однако новейшие исследования выходят за рамки традиционной национальной дихотомии «эмиграции – иммиграции». Так, Б. Люти применяет термин «миграция» к любому процессу пересечения границ, уточняя, что этот процесс может быть как линейным, так и циклическим, происходить поэтапно в течение продолжительного периода [15]. С. Кастлс, Х. Косер, Д. Хердер полагают, что другие виды мобильности (туризм, деловые поездки, передвижение вооруженных сил) также должны быть рассмотрены в контексте миграционных исследований [15; 6; 11; 9].

Трансформации ключевого понятия способствовали также значительные изменения в понимании границ. К традиционной политической трактовке добавилось культурное измерение, что отчасти обусловлено стиранием межгосударственных границ на европейском пространстве, отчасти – антропологическим поворотом, произошедшим в науке XX столетия.

Культурные границы отличаются размытостью, они скорее напоминают переходные зоны: на географической карте это не линии, а целые области. Однако культурные границы (*frontiers*) несложно преодолеть и в результате стать «культурным мигрантом», даже не пересекая межгосударственных границ (*borders*), и, напротив, можно пересечь государственные границы, но остаться в той же самой или смежной, не требующей особой адаптации культуре. Дж. Леерсен подчеркивает несоответствие и несоразмерность политических и культурных границ [13, с. 10]. Среди наиболее существенных «фронтьеров», которые преодолевают мигранты, можно выделить лингвистические, религиозные, политико-идеологические границы, а также социальный уклад и образ жизни в целом [2, с. 246]. Но именно миграции, ведущие к мультикультурным контактам, способствуют сглаживанию барьеров. Таким образом, миграционные процессы могут и должны изучаться на разных уровнях, как в политическом, так и культурном измерениях.

Историки ведут исследования массовых переселений на макро- и микроуровнях, чаще других рассматривая следующие аспекты: причины и условия, из-за которых люди решили покинуть экономические, правовые и политические реалии места своего постоянного проживания; влияние миграций на семьи и общество; масштабы и модели движения людей (циклические, сезонные, однонаправленные); принятие или отторжение мигрантов в регионе въезда, а также воздействие переселенцев на принимающие социум; взаимосвязь между местом отправления и прибытия, а также государственную политику и методы управления в отношении мигрантов.

Одной из самых распространенных методологий в XX в. стала концепция «притяжения – выталкивания» (*push – pull*), разработанная Г. Джерома [10] и И. С. Ли [12]. Согласно данной концепции, в странах «выезда» доминируют «выталкивающие» факторы, а в странах «въезда» решающими являются «притягивающие» факторы. Учеными отмечено, что решение о переезде может приниматься не столько реальным существованием этих факторов, сколько тем, как их воспринимают потенциальные мигранты. Более того, если страна «выезда» с ее «выталкивающими» факторами хорошо знакома собирающимся уезжать, то о стране

«въезда» у отъезжающих информации объективно меньше, к тому же «притягивающие» факторы чаще оказываются простой иллюзией. И. С. Ли отмечает обязательное наличие «препятствий» (*intervening obstacles*), которые детерминируют интенсивность миграционных потоков [12, с. 50].

К концу XX в. традиционный подход, ориентированный на государство, уступил место антропоцентризму, проявляющемуся, например, в анализе различий миграций по признаку пола, расы, класса, возраста. Ученые стали выходить за рамки нормативной модели «притяжения – выталкивания» (*push – pull*), рассматривая ее как редукционистскую, применимую исключительно к миграционным потокам в развитые страны Запада. Кроме того, миграция перестала рассматриваться как линейный однонаправленный процесс, переезд из одного национального государства в другое, что позволило перейти к всеобъемлющему системному подходу и начать изучение транснациональных сообществ. Согласно теории миграционных систем Д. С. Мэсси, при наличии устойчивых миграционных потоков между странами «въезда» и «выезда» формируется некое единое пространство, которое необходимо рассматривать как систему для того, чтобы понять динамику процесса [17].

Системный подход дает возможность провести всесторонний анализ структуры, институтов и дискурсивных рамок социумов «въезда» и «выезда», а также выявить региональную специфику в распределении гендерных ролей, сравнить демографические характеристики и выявить достигнутый уровень модернизации в обеих странах [7, с. 87]. В рамках данного подхода исследуются функциональные связи между агентами миграционных процессов, рассматривается механизм влияния культурных практик, семьи и общества на принятие решений о переселении; а также изучаются варианты миграций и способы передвижения, доступные переселенцам в конкретный исторический момент; на основе этого делаются попытки построения «ментально-географических карт» мигрантов [7, с. 87].

Самостоятельному анализу подвергаются принимающие сообщества. Наиболее актуальными в этой области исследований оказываются следующие вопросы: какие представления об ассимиляции, аккультурации, интеграции существуют в странах «въезда», какие возможности в этих сообществах открываются перед новичками, как мигранты реагируют на экономическую или социальную дискриминацию, какова самоидентификация диаспор и каковы формы поддержания культурной самобытности внутри несмежных культурных групп. Объединение стран «въезда» и «выезда» в единое исследовательское пространство позволяет сконцентрироваться на транскультурных связях, а также взаимосвязи отдельных государств посредством трансграничной миграции, на потоках капитала и идей [7, с. 110].

Значительным методологическим сдвигом конца XX в стал отказ от парадигмы евро- и атлантицентризма, когда перемещения населения в мире рассматривались как аспекты западной экспансии. П. Мэннинг [16] и А. Мак'Коэн [18] критикуют подход к массовым атлантическим миграциям XIX в. как к уникальному по своим масштабам и характеру явлению. Они утверждают, что азиатские мигранты двигались по тем же причинам (перенаселение, природные катаклизмы, политический протест) и при аналогичных обстоятельствах, реагируя на экономические стимулы, переезжая в регионы с высоким спросом на рабочую силу. Кроме того, А. Мак'Коэн выделяет три крупных миграционных района в мире - Дальний Восток, Юго-Восточная Азия, Атлантика - и доказывает сходство ритмов миграций, их подъемов и спадов. Ученый предлагает не привязывать всю историю миграций к истории Америки, которая начала политику ограничения въезда после Первой мировой войны, в то время как другие участники мирового сообщества не вводили ограничительных мер [14, с. 92]. Происходящая методологическая «провинциализация» Европы и Атлантики не только позволяет расширить географию регионов, но и помогает преодолеть стереотипы, разделяющие Запад и все остальные страны.

Можно констатировать, что в XX веке изучение миграции приняло широкий междисциплинарный характер. Значительный вклад внесли антропологи и социологи Л. Баш и Н. Шиллер [5]. Ученые поставили на повестку вопрос о невозможности поддержания одно-

родности национального государства в условиях транснационального сообщества. Они пришли к новому пониманию процесса адаптации мигрантов, отказавшись от ассимиляции в пользу интеграции. В результате Л. Баш и Н. Шиллер, преодолев бинарную модель эмиграции и иммиграции, обратились к новой тематике - к исследованиям транснациональных мигрантов, приобретающих со временем транскультурализм, т. е. способность жить в разных культурах и создавать межкультурное пространство. Эта категория переселенцев говорит на нескольких языках, перемещается между разными государствами, испытывает эмоциональную привязанность к двум или более культурным пространствам и, несмотря на возможные противоречия, разделяет политические и экономические интересы сразу нескольких государств.

Итак, рассмотрение методологической эволюции работ, освящающих историю миграций, позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, современный кризис превратил миграции в одну из наиболее дискуссионных тем в научном дискурсе, что, в свою очередь, определило основные подходы к глобальному и фундаментальному изучению миграционных процессов.

Во-вторых, научные дискуссии обозначили изменения в трактовке миграций и пересекаемых границ, что позволило провести деконструкцию миграционного процесса и рассмотреть его отдельно на уровнях религиозной, лингвистической, политической адаптации.

В-третьих, сообщество ученых постепенно начинает преодолевать методологический национализм, проявлявшийся в анализе миграции только как процесса въезда и выезда из одного национального государства в другое с последующей ассимиляцией переселенцев, постепенной утратой ими собственной идентичности.

В-четвертых, поставлен под сомнение приоритет евро- и атлантицентризма, характерный для западного научного дискурса: постепенно утверждается типичность и равноценность массовых миграций в разных частях света.

В-пятых, произошло признание и нового явления – транснационализма, возникающего из-за регулярности и привычности пересечения различных границ и, как следствие, формирующего специфический образ жизни на «пограничье». Однако ученым еще только предстоит доказать возникновение в глобальную эпоху нового типа «кочевого субъекта» [15], понять суть и социальную роль это явления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Денисенко М. Б., Ионцев В. А., Хорева Б. С. Миграциология. М. : Изд-во МГУ, 1990. 90 с.
2. Пашковская Т. Г. Современные тенденции развития исторической имагологии за рубежом // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: материалы 74-й международной научно-технической конференции / под ред. В. М. Колокольцева. Магнитогорск. 2016. Т 2. С. 243–246.
3. Рыбаковский Л. Л. К уточнению понятия «миграция населения» // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 78–83.
4. *Archéologie des Migrations* / Sous la direction de D. Garcia et H. Bras. Paris. 2017. 390 p.
5. Basch L., Schiller N. From Immigrant to Transmigrant. Theorizing Transnational Migration // *Anthropological Quarterly*. 1995. Vol. 68. Issue 1. P. 48–63.
6. Castles S. Migration. Sociological Aspects / Ed.-in-chief Neil Smelser, P. B. Baltes. *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Vol. 14, Amsterdam: Elsevier, 2001, P. 9824–9828.
7. Harzig C., Hoerder D., Gabaccia D. What is Migration History? Cambridge, UK : Polity Press. 2009. 181 p.
8. Hoerder D. *Cultures in Contact: World Migrations in the Second Millennium*. London: Duke University Press. 2002. 779 p.
9. Hoerder D. From Immigration to Migration System. *New Concepts in Migration History* // *Magazine of History*. 1999. Vol. 14. No 1. P. 5–11.
10. Jerome H. *Migration and Business Cycles*. New York: National Bureau of Economic Research, 1926, 256 p.

11. Koser K. *International Migration. A Very Short Introduction*. Oxford; New York : Oxford University Press, 2007. 138 p.
12. Lee E. S. *A Theory of Migration* // *Demography*, 1996, Vol. 3, No. 1, P. 47–57.
13. Leerssen J. Th. *Europe as a Set of Borders* // Leerssen J. Th., Montfrans M. van (eds.): *Borders and Territories. European Studies*, 1993, Vol. 6, P. 1–14.
14. Lucassen L. *Migration and World History: Reaching a New Frontier* // *International Review of Social History*, 2007, Vol. 52, P. 89–96.
15. Lüthi B. *Migrations and Migrant History* // *Docupedia-Zeitgeschichte*. URL: http://docupedia.de/zg/Migration_and_Migration_History#Beyond_Europe (дата обращения 27.03.2018).
16. Manning P. *Migration in the World History*. New York and London: Routledge, 2005. 193 p.
17. Massey D. S. *Building a Comprehensive Model of International Migration* // *Eastern Journal of European Studies*, 2013, Vol. 3. No 2, P. 9–35.
18. McKeown A. *Global Migration, 1846 – 1940* // *Journal of World History*. 2004. Vol. 15. P. 155–189.
19. Moatti C. *Translation, Migration, and Communication in the Roman Empire: Three Aspects of Movement in History* // *Classical Antiquity*. 2006. Vol. 25. No 1. P. 109–140.
20. Moigne G., Lebon A. *L'immigration en France*. 5e ed. Paris, Presses Univ. de France, 2002, 127 p.

T. G. Pashkovskaia (Magnitogorsk, Russia)

MIGRATION HISTORY: CURRENT TRENDS IN RESEARCH METHODOLOGY

Abstract. Migration flows are recurring phenomena in the world history, but their reasons changed with time. Due to the current migration crisis in Europe the study of migrations in the world context, have become popular. Today, it is covered by a vast range of foreign and Russian publications. World migration of the 20th century is analyzed in the context of urbanization, industrialization and decolonization, scholars determine interlinks between migration models and different socio-economical, demographical and political situation. In the contemporary scientific discourse, there are some prioritized aspects such as experience in accepting refugees, laws and regulations on migrant's status, factors of mass migration flows, culture clashes and aftermaths of contacting migrants. The article analyses the latest trends in the research methodology of migration history. The author draws following conclusions. The current crisis turned the migration into one of the most disputable topics, so a global study of world migration history began. The understanding of migrations and crossed borders is changing, which makes it possible to deconstruct the migration process and consider it at the level of religious, linguistic and political adaptation separately. Coping with methodological nationalism, manifested in the analysis of migration as a process of entry and exit from one national state to another with subsequent assimilation, which implies the loss of one's own identity can be observed. 'Euro'- and 'Atlantocentrism', characteristic of Western scientific discourse, are questioned, which gradually contributes to the assertion of the equivalence and typicality of mass migrations in different parts of the world. There has been recognition of a global phenomenon of transnationalism.

Keywords: mass migrations, migration history, migrants, methodology, transnationalism, borders, frontiers.

REFERENCES

1. Denisenko M. B., Iontsev V. A., Khoreva B. S. *Migratsiologiya*. Moscow, Izd-vo MGU, 1990, 90 p.
2. Pashkovskaya T. G. *Sovremennye tendentsii razvitiya istoricheskoi imagologii za ru-bezhom, Aktual'nye problemy sovremennoi nauki, tekhniki i obrazovaniya: materialy 74-i mezhdunarodnoi nauchno-tekhnicheskoi konferentsii / pod red. V. M. Kolokol'tseva*, Magnitogorsk, 2016, vol. 2, pp. 243–246.
3. Rybakovskii L. L. *K utochneniyu ponyatiya «migratsiya naseleniya»*, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2016, no 12, pp. 78–83.
4. *Archéologie des Migrations* / Sous la direction de D. Garcia et H. Bras, Paris, 2017, 390 p.
5. Basch L., Schiller N. *From Immigrant to Transmigrant. Theorizing Transnational Migration*, *Anthropological Quarterly*, 1995, vol. 68, Issue 1, pp. 48–63.
6. Castles S. *Migration. Sociological Aspects* / Ed.-in-chief Neil Smelser, P. B. Baltes. *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*, vol. 14, Amsterdam, Elsevier, 2001, pp. 9824–9828.

7. Harzig C., Hoerder D., Gabaccia D. What is Migration History? Cambridge, UK, Polity Press, 2009, 181 p.
8. Hoerder D. Cultures in Contact: World Migrations in the Second Millennium, London, Duke University Press, 2002, 779 p.
9. Hoerder D. From Immigration to Migration System. New Concepts in Migration History, Magazine of History, 1999, vol. 14, no 1. pp. 5–11.
10. Jerome H. Migration and Business Cycles. New York, National Bureau of Economic Research, 1926, 256 p.
11. Koser K. International Migration. A Very Short Introduction, Oxford, New York, Oxford University Press, 2007, 138 p.
12. Lee E. S. A Theory of Migration, Demography, 1996, vol. 3, no 1, pp. 47–57.
13. Leerssen J. Th. Europe as a Set of Borders // Leerssen J. Th., Montfrans M. van (eds.): Borders and Territories. European Studies, 1993, vol. 6, pp. 1–14.
14. Lucassen L. Migration and World History: Reaching a New Frontier, International Review of Social History, 2007, vol. 52, pp. 89–96.
15. Lüthi B. Migrations and Migrant History // Docupedia-Zeitgeschichte. URL: http://docupedia.de/zg/Migration_and_Migration_History#Beyond_Europe.
16. Manning P. Migration in the World History. New York and London, Routledge, 2005, 193 p.
17. Massey D. S. Building a Comprehensive Model of International Migration, Eastern Journal of European Studies, 2013, vol. 3, no 2, pp. 9–35.
18. McKeown A. Global Migration, 1846–1940, Journal of World History, 2004, vol. 15, pp. 155–189.
19. Moatti C. Translation, Migration, and Communication in the Roman Empire: Three Aspects of Movement in History, Classical Antiquity, 2006, vol. 25, no 1, pp. 109–140.
20. Moigne G., Lebon A. L'immigration en France. 5e ed. Paris, Presses Univ. de France, 2002, 127 p.

Пашковская Т. Г. История миграций: современные тенденции в методологии // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2. № 3. С. 37-42.

Pashkovskaia T. G. Migration History: Current Trends in Research Methodology, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2018, vol. 2, no 3, pp. 37-42.

Сведения об авторе

Пашковская Татьяна Григорьевна - канд. философских наук, доцент кафедры всеобщей истории института гуманитарного образования, Магнитогорского государственного технического университет им. Г.И. Носова; Магнитогорск, Россия; czaczulia@inbox.ru

Author:

Pashkovskaia Tatiana - Ph.D. in Philosophy, associate professor at the Department of World History, Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia; czaczulia@inbox.ru

*Ю. Д. Коробков (Магнитогорск, Россия)
Н. С. Королев (Челябинск, Россия)*

МЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. На политическое развитие общества всегда влияет комплекс различных факторов. Особое значение среди них имеет ментальная составляющая, которая во многом корректирует направление и содержание политического процесса, политические курсы современных партий и риторику их лидеров, заставляет не только считаться с особенностями национальной психологии, но и корректировать в соответствии с ними свои стратегические задачи и тактические установки. Это делает актуальной проблему выявления тех черт национального менталитета, которые становятся его «несущей конструкцией», оказывают реальное, а не мнимое конъюнктурно-ситуативное влияние на характер и векторы развития политической системы. В статье проводится сравнительный анализ исторического материала и данных современных социологических опросов, позволяющий установить вневременное устойчивое ядро политической психологии масс. Делается вывод о том, что социально-психологической основой современного российского политического процесса можно считать ряд черт: терпение, как качество с потенциальной способностью выливаться в различные по форме и мощности социальные конфликты; переплетение в сознании российского человека государственного и анархического начал; сочетание потребности народа в сильном государстве с общим равнодушием к власти; восприятие существования государственной власти и общества в параллельных измерениях; исключительно потребительское отношение к государству; культ лидера как элемент национальной психологии и способ психологической защиты масс в неравном диалоге с властью; «судейский комплекс», затрудняющий достижение общенационального согласия; и, наконец, особенности трудовой морали, с которыми еще в середине XIX в. эксперты связывали неудачи российских реформ. Широкий спектр особенностей ставит перед российским руководством, с одной стороны, задачу постоянной коррекции политического курса с учетом указанных черт национального менталитета, с другой – требует целенаправленной работы по его точечному реформативному изменению в соответствии с тенденциями современного развития.

Ключевые слова: политический процесс, менталитет, государство, общество, политический лидер, судейский комплекс.

Содержание, направленность, характер любых общественных преобразований зависят от особенностей национального характера, устойчивых поведенческих стереотипов, сформированных в веках социально-психологических кодов восприятия и освоения человеком действительности и своего места в ней. В полной мере это относится к развитию политического процесса в современной России, чей вектор напрямую связан со спецификой национального менталитета, поддерживавшего многовековые монархические, а также и советские политические традиции.

При этом длительность и устойчивость основных черт национального характера не означает их неизменности и неподвижности. Под влиянием новых исторических реалий, современных тенденций мирового развития и необходимости человека адаптироваться к ним происходит частичное изменение одних черт, наполнение новым содержанием других. Происходит реструктуризация иерархии основных компонентов национального характера, изменение соотношения терминальных и инструментальных ценностей. Указанные процессы требуют определенной «ревизии» содержания и структуры менталитета российского человека: определения его «несущих конструкций», разграничения центра и периферии, постоянных и переменных (конкретно-ситуативных) черт и, в конечном счете, выделения устойчивого системообразующего ядра.

Как показывает современная практика, некоторые политические стереотипы россиян, традиционно ассоциированные с ментальными константами, во многом порождены особенностями политического процесса и социально-экономического развития постсоветской Рос-

сии. Идеи произвола власти, ее тотальной коррумпированности, негативные образы государственных чиновников имеют давние исторические и психологические корни. Во многом они сформированы СМИ (72 % россиян в 2004 г. считали, что большинство чиновников воруют), паразитирующими на состоянии фрустрации значительной части населения и стремлении людей как-то объяснить свое бедственное положение.

Стереотип об исконно русской ориентации на социальную поддержку и государственную защиту детерминирован не столько политической и ментальной традицией, сколько социально-экономическими условиями существования российского населения, социальной незащищенностью граждан. По данным Левада-Центр, доля россиян, считавших, что государство должно больше заботиться о них, выросло в период 1990–2008 гг. с 57 % до 82 % [5, с. 27]. Положение дел в стране влияет и на степень распространенности в обществе великодержавного комплекса, который характеризовал значительные сегменты массового сознания на российском дореволюционном и советском пространстве. В кризисной ситуации 2008–2010 гг. уверенность россиян в великом будущем страны снизилась с 50 % до 36 % [19, с. 14].

Вызывают сомнения тезисы некоторых специалистов об обусловленности низкой правовой культуры русских людей ментальной составляющей и об их правовом нигилизме, рождающемся в глубинных слоях психики нашего народа. На самом деле причины данного феномена определяются отсутствием в России развитого гражданского общества, основанного на общественном мнении и общественном контроле, а также отсутствием опыта жизни в правовом государстве на всем протяжении отечественной истории. В этом нас убеждает два момента, обнаруженные при сравнении правовой культуры россиян и законопослушных европейцев в аспекте специфики современного российского правосознания. В первом случае неукоснительное соблюдение европейцами закона распространяется только на отношения между согражданами, а для иностранцев действуют двойные стандарты. Более того, переселившись в Россию, европейцы теряют свою законопослушность, и их правовая практика становится идентичной российской. Во-вторых, современные социологические опросы фиксируют рост устойчивой потребности массового сознания в законности и порядке, проявляющийся в реакции народа на присущие российскому правовому пространству безнаказанности, вседозволенности, произвола и беззакония.

В ряде случаев заметно, что исследователям не хватило конкретного исторического материала: выводы грешат определенной подгонкой свидетельств прошлого под современные представления, схематизмом и догматизмом. В частности, корректировки требует тезис некоторых экспертов о том, что к числу факторов, тормозящих современное экономическое развитие в России, относятся общинные ценности и идеалы россиян, которые якобы блокируют рыночные установки массового сознания. Между тем, даже значительная часть пословиц и поговорок русского народа указывает на ориентацию социальных низов на «достижительно-накопительные» ценности [8], которые наряду с «антирыночными» составляли единое противоречивое целое массового сознания сельской общины. Указывая на стремление значительной части крестьян к богатству и успеху, такой известный знаток крестьянской психологии, как А. Н. Энгельгард отмечал, что «известной долей кулачества обладает каждый крестьянин, за исключением недоумков да особенно добродушных людей и вообще “карасей”. Каждый мужик в известной степени кулак» [23, с. 47].

Не подтверждается историческим материалом и положение о том, что снижение уровня жизни и рост массового недовольства неизбежно должны вызывать усиление политической активности населения, хотя бы в виде стихийных акций протеста. В частности, в годы первой российской революции на Урале наибольшую забастовочную активность проявляли рабочие предприятий с высоким уровнем заработной платы [7, с. 203]. Об отсутствии массовых проявлений протеста в условиях резкого снижения жизненного уровня свидетельствует и современная российская действительность.

Требует определенной корректировки и верификации с помощью конкретно-исторического анализа так называемый наивный монархизм, часто выделяемый в качестве

устойчивого компонента массового сознания. Вывод об устойчивости данного явления не поддерживается наметившимся в еще пореформенной России XIX в. процессом десакрализации образа монарха. Вывод о деформации образа основывается на регулярных полицейских донесениях в вышестоящие инстанции. Такие сведения начали фиксироваться охранительными органами после отмены крепостного права и выражались в оскорблениях личности монарха («*Наш государь слаб*», «*Наш государь дурак*»), обвинениях императора в поощрении социальной несправедливости и подрыве национальных интересов страны; а также в прямых в призывах к убийству царя («*В самом-то царе нет никакой правды, его стоило бы застрелить*», «*Убили великого князя Сергея Александровича, теперь надо убить государя*», «*Нас, крестьян, правительство сажало, а виною всему – дом Романовых*», «*Государь продал Россию Японию*»¹) и ликвидации самодержавия как государственного института («*Романовы за 300 лет ничего не сделали для крестьян..., нам надеяться не на что, а брать надо все силой*», «*Нам не нужно царя, министров, никакого начальства*», «*Не надо царя, долей самодержавие*»²).

Это ставит под сомнение научную обоснованность утверждения о генетической ориентации русских людей на сильную власть как самоцель. Так, желание 90 % современных россиян иметь во главе государства дееспособного лидера может быть связано не с ностальгией по сильной руке, а с надеждой на создание такого порядка, который бы максимально способствовал реализации общенациональных, групповых и личных интересов [3, с. 49]. Это утверждение, на наш взгляд, коррелируется с тезисом о мифологизации образа монарха как способа психологической защиты народа в условиях его постоянного конфликта с государственной бюрократией [11, с. 354]. а также подтверждает вневременную ориентацию массового сознания на сильную власть как средство достижения достойной жизни.

Многие установки современного массового сознания соотносимы с представлениями социальных низов дореволюционной России и действительно сохраняют пространственно-временную устойчивость. Возможно, самой важной и стабильной из них следует считать способность народа к длительному терпению. В реальной жизни это означает, что реакцией человека на возникающие трудности и сложности являлась не депрессия, отчаяние и разочарование, не актуализация борьбы, а «*вживаемость*» в ситуацию и «*выживаемость*» в ней. Как писал И. Сикорский, «с психологической точки зрения терпение представляет собой напряжение воли, направленное к появлению физического или нравственного страдания, отсутствие сентиментальности, стоическая покорность судьбе и готовность страдать» [18, с. 12]. Терпеливость русского человека являлась своеобразной формой его адаптации к постоянным природным и общественным катаклизмам, сопровождавшим русскую историю на всем ее протяжении. Большую роль в ее формировании сыграли религиозные мотивы смирения и покорности судьбе, божественного воздаяния за страдание.

Многотерпение российского человека неоднозначно отразилось на развитии общества. С одной стороны, оно обеспечивало физиологическое и психическое выживание людей в трудных условиях, устойчивость их духовного мира, а также позитивно влияло на стабилизацию социальных отношений на Руси [1, с. 32]. С другой - оно оказывало негативное влияние на российскую государственность. Способность русских людей адаптироваться к самым различным ситуациям ослабляло импульс перемен, снижало их энергию и инициативу как в производственной, так и в общественной деятельности. Терпение становилось почвой социальной апатии, вело к стремлению довольствоваться малым, уповать на обстоятельства, удачу, внешние силы. Оно означало определенное примирение с недостатками, несправедливостью бытия и тяготами жизни, т. е. выступало в качестве своего рода компенсаторного механизма.

Оборотной стороной длительного терпения является концентрация энергии социального взрыва, которая, доходя до критической массы, приводит к мощным социальным потрясениям, нередко принимающим крайние формы экстремизма, анархии, безудержного разгула и

¹ ЦГИА РБ Ф.187. Оп. Д.128. Л.178.

² ЦГИА РБ Ф.187. Оп.1 Д.241. Л.11.

разрушения основ бытия, как это было в России начала XX в. Оно превращается в стихию тотального отрицания, примером которой и является бессмысленный и беспощадный русский бунт. В результате одна крайность порождает другую.

Данные современных социологических опросов свидетельствуют о том, что умение стойко и терпеливо переносить удары судьбы до сих пор остается одной из базовых черт национального менталитета в постсоветской России [17, с. 76], влияет во многом на отношение россиян к происходящим событиям, отражается на выборе ими способов социальной рефлексии.

С многотерпением русского человека связана и его потребность в сильной власти, твердой руке и мощном государстве в целом. Исторически данная потребность определялась особенностями социализации российского человека, сложившимися в древности отношениями личной зависимости, разветвленной системой экономического и, в основном, внеэкономического принуждения. В силу этого в основе самоутверждения человека, его отношения к другим лежали различные проявления физической и духовной силы, которые формировали межличностные связи и были основным механизмом существования российского социума. Такие проявления привели к недостаточному развитию политико-идеологических и социально-психологических приемов нахождения общественного консенсуса, взаимоприемлемых решений, что в свою очередь создавало дополнительную почву для сохранения «силового» государства.

Оборотной стороной государственного ментального начала русского человека всегда являлись эмоциональные всплески различной степени, бегство, бунт, различные формы протеста, возникающие как реакция на социальную несправедливость, постоянное давление государства и сменяющиеся успокоением и примирением с властью. Любой период «воли» заканчивался «самоконсервацией» низов или реставрацией прежних отношений. Таким образом, государственность русского человека можно считать определяющим, базовым компонентом его политической психологии. Периодические всплески недовольства властью, различные по мощности и виду социальные протесты, регулярно происходившие в российской истории, следует расценивать не только как формы массового конфликтного поведения в социально-политическом аспекте, но и как средство психологической разгрузки. Скопившийся в поколениях груз негативных эмоций выплескивался наружу и был своеобразной формой «учи» для всех уровней власти, которые должны были осознавать, что при всем долготерпении народа с ним все-таки необходимо считаться.

В свою очередь, государственность русского человека являлась вынужденным следствием его анархической природы и неорганизованности, отсутствия чувства меры и внутренних источников самоорганизации, саморазвития, а также неспособности самостоятельно обуздать свою буйную натуру. В этих условиях потребность во внешней силе, способной добиться национального единства путем введения жестких общественных норм, ритуалов, внешнего принуждения, а то и прямого насилия становится объективной необходимостью. В неспособности русского человека к самоорганизации, самоограничению и самодисциплине, возможно, кроется ответ на вопрос Н. А. Бердяева: почему «самый безгосударственный народ создал такую огромную и могущественную государственность <...>, самый анархический народ так покорен бюрократии <...>, свободный духом народ как будто бы не хочет свободной жизни» [2, с. 74].

О вневременной устойчивости данного ментального параметра и о необходимости включения его в число системообразующих черт «духовного и умственного строя» русского народа говорят данные многочисленных социологических опросов населения современной России. Отмечается тенденция к усилению «запроса к государству на рост его ответственности за положение населения и на более активную роль в экономике» [12, с. 130]. С 2004 по 2008 гг. уровень патерналистских притязаний населения России вырос с 68 % до 81 % [20, с. 56]. Эта ситуация сохраняется и в настоящее время.

Как отмечалось, другой стороной многовекового этатизма является слабость демокра-

тической традиции в политической культуре и менталитете масс. Наблюдается сходное отношение россиян к демократии на до- и постсоветском пространстве. В частности, в марте-сентябре 1917 г. в содержании резолюций митингов и собраний, проходивших на промышленных предприятиях Урала, требования демократических свобод составляли всего 4,8 % [7, с. 196]. Аналогичную ситуацию фиксируют данные постсоветских социологических опросов. В них отмечается, что такие демократические ценности, как свобода высказывания, совести и вероисповедания находятся на периферии общественного сознания и заметно уступают требованиям права на жизнь: в конце 90-х годов - праву на безопасность, труд и его справедливую оплату [10, с. 13], в 2013 г. - на безопасность, порядок, законность и мир [22, с. 65].

Потребность в сильном государстве противоречиво сочеталась с общим равнодушием к власти. Эту особенность в 1859 г. сформулировал К. С. Аксаков: «Правительству – неограниченная свобода правления, исключительно ему принадлежащая, народу – полная свобода жизни и внешней и внутренней, которую охраняет правительство»³. Отчуждение масс от политики имело как следствие эффект «двойного дна» в сознании, для которого были характерны внешняя лояльность при внутренней оппозиции или равнодушии, максимальная приспособляемость к любой, даже непопулярной и чужеродной власти, генетическое недоверие к государству и его институтам и, как это ни парадоксально, слабая укорененность идеи государственной власти вообще, от которой по большому счету требовалось только одно – не мешать жить по-своему. Характеризуя эту особенность российского диалога власти и общества, А. М. Горький отмечал многовековую мечту русских крестьян о «каком-то государстве без права влияния на волю личности <...>, о государстве без власти над человеком»⁴.

Особенность взаимоотношений власти и социума, которую С. М. Медведев охарактеризовал как сосуществование в «параллельных измерениях», присуща и современному российскому обществу. В России, указывает автор, «складываются своеобразные отношения между властью и народом: народ, оставляя за собой право критиковать людей, стоящих у власти, не вступает с ней в открытый конфликт и даже поддерживает ее. Одновременно он позволяет себе по-своему мстить, вырабатывая неполитические пути и способы игнорировать ее» [14, с. 97]. Причинами такого отношения к государству стали не только ментальные параметры сознания, но и многовековое невнимание к народным интересам со стороны власти.

Одновременно обнаруживается потребительский подход масс к государству. Российская пресса в 1917 г. отмечала, что «с первых дней революции все и рабочие, и крестьянство, и мещане требуют от правительства – дай»⁵. Квинтэссенция принципов потребительского отношения к государству емко и точно сформулирована в пословицах и поговорках: *Мы у матушки России детки, она наша matka - ее и сосем; Казна - бочка без дна; Казна шатущая корова - не доит ее ленивый; Казенное страшно: подержал, да и за пазуху; Государева казна – не убогая вдова, ее не оберешь, всем достанется*⁶.

Современные социологические опросы демонстрируют вневременную устойчивость данного ментального параметра в массовом сознании жителей России. В 2003 г., по данным В. Э. Бойкова, 36,7 % опрошенных россиян морально оправдывали такой обман государства как уклонение от уплаты налогов [3, с. 47]. Об этом же свидетельствуют высокий уровень коррупции во всех эшелонах власти, массовое воровство, расхищение национальных средств и ресурсов «государевыми слугами».

Еще одной характерной чертой российской ментальности, прямо указывающей на особенности российской государственности, является культ лидера. Эта черта выражается в представлении о особом могуществе и огромных возможностях, а также в безграничной вере в вождя. Полное доверие, убежденность в истинности или неизбежности действий лидера часто имеет полумистический, бессознательный характер персонифицированной зависимо-

³ Аксаков К.С. Записка «О внутреннем состоянии России», представленная государю императору Александру II // Очерк русской философии истории. Антология. М.: Ин-т философии РАН, 1996. С. 166.

⁴ Горький А. М. О русском крестьянстве // Русская жизнь. 2007. № 6. С. 20-23.

⁵ Пермская жизнь. 1917. 28.сентября.

⁶ Пословицы русского народа. М.: Художественная литература. В. И. Даль. 1989. Т.1- 431 с. Т. 2- 443 с

сти и подчинения. Как известно, указанный культ формировался на всех этапах социализации человека, начиная с семьи, где безоговорочным лидером выступал ее глава; затем через общинные отношения, в рамках которых единичное подчинялось целому; наконец, через личную зависимость от помещика до универсальной зависимости от царя как воплощения абсолютной власти. Не случайно, иностранцев, живших в России еще во времена Ивана IV, удивляло, как «при такой жестокости может существовать такая сильная любовь народа к нему, любовь, с трудом приобретаемая прочими государями только посредством снисходительности и ласки» [4, с. 90]. Спустя несколько веков на парадоксальность подобной ситуации в николаевской России первой половины XIX в. указывал Н. К. Михайловский. Отмечая появление незначительного слоя критиков николаевского режима, он констатировал, что именно на 30–40-е годы XIX в. приходится наиболее восторженные отзывы русских ученых и публицистов об одном из самых деспотичных русских правителей [15, с. 127].

Социальный запрос на сильного лидера всегда возрастал в критически-переломные и переходные этапы российской истории. Об этом можно судить по социологическим замерам начала 1990-х гг. [14, с. 96]. Эту же закономерность подтверждают предельно высокие рейтинги В. В. Путина в 2014–2015 гг.

На процесс массового выбора лидера влияет комплекс разнородных, рациональных и иррациональных факторов. К первым мы относим влияние черт личности, причем здесь тоже можно говорить о вневременной устойчивости набора его качеств. Повторяемость состава личностных характеристик идеального лидера просматривается и на уровне фольклора и в официальной статистике. Так, в уральских сказах и притчах XIX в., в которых упоминаются справедливые начальники, делается упор на профессионализме, трудолюбии, патриотизме, демократичности и скромности последних в общении с подчиненными, упоминается чувство юмора, находчивость и выдержка [9, с. 112–116]. Современные россияне отмечают как приоритетные те же деловые, профессиональные, морально-психологические качества Президента В. В. Путина [21, с. 50].

Большую роль в восприятии лидера играют эмоциональные мотивы, спрятанные в глубинах подсознания: обывательские страхи и стереотипы, стремление к упрощению ситуации и сокращению времени решения назревших проблем. На решающие предпочтения масс нередко влияет фактор дефицита лидеров. О парадоксальности подобной ситуации для лидерского общества в свое время писал В. И. Ленин, об этом же говорят и современные специалисты [16, с. 29].

Другой вариацией упрощения социальной реальности, тесно связанной с универсальной социально-психологической оппозицией «мы – они», является комплекс «поиска врага», который стал устойчивым компонентом и механизмом развития и функционирования массового сознания. С известной долей условности образ врага можно считать заложенной в человеческой природе, биологически обусловленной чертой социальной психологии, универсальным средством мобилизации масс в кризисных ситуациях. Возникший на ранних этапах мировой истории, он до сих пор остается одним из основных атрибутов политической мифологии – атрибутом ответственности. В России эффективность риторики врага и массовый характер тиражирования его различных образцов и образчиков были связаны с инерционно-мобилизационным типом развития в рамках догоняющей модернизации, социокультурным разрывом общества, дефицитом общепринятых ценностей, внутренних духовных скреп, которые связывают различные части социума в единое целое. Постоянно переживаемый вследствие данный комплекс национальной или социальной неполноценности компенсировался агрессивностью, демонстрацией силы, ориентацией на поиск врагов и закреплял эти установки массового сознания в качестве социально-политических стереотипов.

При этом враг становился не только фактором активизации и сплочения общества, но и фундаментальной основой его внутренней организации. В формировании комплекса врага всегда были заинтересованы и власть, и массы: вся история послепетровской России представляет собой бесконечную череду образов врагов. Изобилует примерами проявления ком-

плекса с обеих сторон советская история, однако и до 1917 г. таких примеров хватало (социалисты, бомбисты, масоны, Европа, евреи, поляки, буржуи и т. п.). Конгломерат внутренних (олигархи, чиновники, коррупционеры, либералы, коммунисты) и внешних врагов (Европа, США, террористы, бандеровцы и др.) представляет собой данный комплекс в современной России. В конечном счете, можно говорить о превращении этого социально-психологического механизма в одну из черт российской ментальности, которую специалисты определяют понятием судейского комплекса, а массовое сознание - извечным русским вопросом «Кто виноват?». Комплекс врага, как атрибут ответственности в политической мифологии, формирует «стрелочное» сознание на всех этажах социальной лестницы российского общества.

Одним из основных системообразующих ментальных факторов инерционно-мобилизационного типа развития российского государства является трудовая этика. По свидетельству многочисленных и разнопорядковых источников можно однозначно говорить об определяющей роли труда в жизни народа. Крестьяне интенсивно трудились не только в весенне-летний период, но и в течение всего года, большинство различных видов досуга сопровождалось полезным трудом на себя по принципу «Хорошо поработать – хорошо отдохнуть». Главной особенностью национальной трудовой культуры являлся ее мобилизационный характер. Прочитываем здесь известное высказывание В. О. Ключевского по этому поводу: «Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному постоянному труду, как в той же Великороссии» [6, с. 314]. Решающее влияние на формирование трудовой этики россиян оказали природно-климатический и конфессиональный факторы. Суровый климат, трудности освоения окружающего ландшафта, короткий и неустойчивый сельскохозяйственный цикл и необходимость выполнения большого объема работы в сжатые сроки объективно требовали максимальной концентрации сил и трудовых усилий и превращали аграрный труд в битву за урожай. В отличие от протестантской традиции православие проводило четкую разграничительную линию между духовным и материальным и не одобряло конвертацию делового успеха в общепринятые поведенческие практики. В результате в системе ценностей россиян труд не занимал столь высокого места, как в протестантской культуре не потому, что русский человек не хотел и не умел продуктивно работать, а потому что смыслом его существования являлись не богатство и накопление капитала, а праведная жизнь: он работал только для удовлетворения своих минималистских потребностей. «Сытно есть, жить в хорошей избе, спать вдоволь», «Быть обогретыми, сытыми, обутыми и одетыми», - так формулировали цели своей трудовой деятельности уральские рабочие в конце XIX в.⁷ Рванный трудовой ритм и «разорванная» трудовая мораль, допускавшая избирательность трудовых усилий при работе на себя и на других, определяли трудовой облик рабочих и крестьян пореформенной России. В ходе его научного анализа, как правило, внимание сосредотачивалось чаще на «этике праздности» традиционного человека, характеризующей его отношение к труду. Трудовой облик российского работника в таких исследованиях определялся как переходный от традиционного к индустриальному типу. Трудящихся Советского Союза между тем отличала инерционно-мобилизационная этика: визитной карточкой трудового ритма промышленных предприятий в рамках плановой регулярной экономики были постоянные авралы и штурмовщина. Такая же трудовая стратегия отличает и современных россиян. Все это дает основания говорить не о затянувшемся переходном характере российского работника, а о ментальной обусловленности его трудовой этики, т. е. о ее присутствии в глубинных слоях психики наших граждан.

Данные черты российской ментальности, имеющие вневременной характер, необходимо учитывать как при выработке стратегии современного государственного строительства, так и при решении актуальной для современной России проблемы активизации человеческого

⁷ РГИА Ф.37. Оп.64. Д.1597. Л.3.

фактора и подключения его к решению общественных проблем. Это особенно важно для современной российской молодежи, которая в большей степени, чем другие категории населения, ориентирована на западный путь развития и его ценности, но по мере ее социализации растет понимание особого пути России [12, с. 130] и зависимости векторов дальнейшего развития страны от базовых социокультурных и психоментальных констант нашего массового сознания.

Выявление действительных, а не мнимых особенностей национальной психологии, ее основополагающих ценностей и их смыслообразующего ядра, использование опыта мирового и отечественного модернизационного процесса дают возможность избежать соответствующих «ловушек» и конфликтов традиционных, модернистских и постмодернистских ценностей. Это знание позволяет опираться при разработке стратегии нынешних реформ на устойчивое ценностное ядро, вести целенаправленную селекционную работу в области явных и потенциальных реформаторских ценностей, минимизировать негативное воздействие на общественные процессы антиценностей (с учетом дуализма русской души). Еще в 60-х гг. XIX в. К. Д. Кавелин писал о необходимости выращивать базовые черты истинно русского сознания, опираясь на общее в психическом развитии человечества [13, с. 53], в современной социально-политической литературе это становится общим местом. Однако проблема еще далека от своего разрешения, так как требует совместных усилий всех заинтересованных сторон - и экспертного сообщества, и представителей государственной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барулин В. С. Российский человек в XX в. Потери и обретение себя. СПб.: Алетейя, 2000. 431 с.
2. Бердяев П. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 223 с.
3. Бойков В. Э. Ценности и ориентиры общественного сознания россиян // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 47–49.
4. Випер Р. Иван Грозный. М. : изд-во «Дельфин», 1922. 164 с.
5. Волобуев О., Тишков В., Игрицкий Ю. Национальные интересы России и реальные приоритеты государственной политики за полтора века. Круглый стол // Отечественная история. 1996. № 5. С. 121–134.
6. Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Постсоветский человек и гражданское общество. М.: АИТО–XX, 2008. 381 с.
7. Ключевский В.О. Лекция XVII. Соч. В 8 томах. М.: Наука, 1956. Т.1. С. 292–315.
8. Коробков Ю. Д. Политический выбор и политическое поведение уральских рабочих в 1917 г. // Проблемы российской истории. 2004. № 3. С. 196–216.
9. Коробков Ю. Д., Гневэк О.В. Богатство и материальное благополучие в системе ценностей уральских рабочих в конце XIX–начале XX в. // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XI. М., Магнитогорск. 2001. С. 403–413.
10. Лазарев А. И. Рабочий фольклор Урала: Об основных типах становления и развития нового типа художественного мышления народа. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1988. 290 с.
11. Левада Ю. Феномен власти в общественном мнении: Парадоксы и стереотипы восприятия // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1998. № 5. С. 12–19.
12. Лурье С. Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. СПб.: Тип. им. Котлякова, 1994. 288 с.
13. Мареева С. В. Динамика норм и ценностей россиян // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 120–131.
14. Марцинковская Т. Д. Русская ментальность и ее отражение в науках о человеке. М.: Блиц, 1994. 155 с.
15. Медведев С. М. Российский электорат конца 90-х годов: некоторые стереотипы сознания // Россия и современный мир. 2002. № 2. С. 91–99.
16. Пригожин А. И. Патология политического лидерства в России // Политические исследования. 1996. № 3. С. 23–29.

17. Сикевич З. В., Крокинская Д. К., Поссель Ю. А. Петербуржцы – 2004: культурный конфликт современности (социологические очерки). СПб.: Питер, 2004. 327 с.
18. Сикорский И. А. Черты из психологии славян: Речь, произнесенная проф. И. А. Сикорским, в торжественном заседании Славянского благотворительного общества 14 мая 1895 года. Киев: тип. И. И. Чоколова, 1895. 15 с
19. Урнов М. Ю., Касамара В. А., Соболев А. С., Соболева И. В., Сорокина А. А. Ценностная неоднородность общества как фактор социальной динамики – построение эмпирической модели: препринт WP/2011/01: Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 64
20. Урнов М. Ю. Роль культуры в демократическом транзите // *Общественные науки и современность*. 2011. № 6. С. 5–16.
21. Шестопап Е. Б. Политическое лидерство в новых условиях: смена парадигмы восприятия // *Политические исследования*. 2013. № 3. С. 47–57.
22. Шестопап Е. Б. Ценностные характеристики российского политического процесса и стратегия развития страны // *Политические исследования*. 2014. № 2. С. 61–71.
23. Энгельгард А. Н. Письма из деревни. 12 писем. 1872–1887. М.: Гос. соц-экон. изд-во, 1937. 491 с.

Yu. D. Korobkov (Magnitogorsk, Russia)

N. S. Korolev (Chelyabinsk, Russia)

MENTAL BASES OF SOCIAL AND POLITICAL DEVELOPMENT OF THE MODERN RUSSIAN SOCIETY

Abstract. Within the concept of the Annales School, and other social-psychological theories the concept of macro-historical stability of the national set of mind approve and its enormous influence on the course of social development has established in science. However, the stability and persistence of the national mentality does not mean that it is a timeless stillness and immutability. Under the influence of the new historical reality, there is a certain adjustment of the individual components of the mental space and a change of the relationship. It often and most clearly presents in the transitional stages of development. It updates the task of identifying the core of the national set of mind at every stage of the historical process and its constant monitoring. It's impossible to solve the problem without carrying out the tests of basic elements of the national set of mind at different stages of development of the country. It allows to sum up the fundamentals affecting the evolution of society. Carrying out this research of historical sources of the XIX century the authors could emphasize the features of the national set of mind which has been influencing the policy of the Russian authorities for several centuries. They include patience, which is the psychological basis of the centuries-old authoritarian tradition in Russia and uncivilized forms of social protest; a special relationship to the state, which is also a major source of hope for a brighter future, and the main culprit of Russian problems. Consumer attitude towards the state and the lack of democratic traditions have led to the formation of society and the leadership of the cult leader's psychology. Massive expectations of positive changes are directly linked with the figure of the head of state; judicial complex, which is in constant search for enemies that are necessary for explaining social failure and the method of consolidation of the society. The authors emphasize the particular work ethic which consists of the lack of the interest-bearing motivation, labor ragged rhythm and the selectivity of the labor force to work for themselves and others.

Keywords: Political process, the national set of mind, the state, society, political leaders, judicial complex.

REFERENCES

1. Barulin V. S. Rossiiskii chelovek v XX v. Poteri i obretenie sebya, Saint Petersburg, Aleteiya, 2000, 431 p.
2. Berdyaev P. A. Istoki i smysl russkogo kommunizma, Moscow, Nauka, 1990, 223 p.
3. Boikov V. E. Tsennosti i orientiry obshchestvennogo soznaniya rossiyan, *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2004, no. 7, pp. 47–49.
4. Viper R. Ivan Groznyi, Moscow, izd-vo «Del'fin», 1922, 164 p.
5. Volobuev O., Tishkov V., Igritskii Yu. Natsional'nye interesy Rossii i real'nye priority gosudarstvennoi politiki za poltora veka. Kruglyi stol, Otechestvennaya istoriya, 1996, no. 5, pp. 121–134.
6. Gudkov L. D., Dubin B. V., Zorkaya N. A. Postsovetskii chelovek i grazhdanskoe obshchestvo. Moscow, AITO–XX, 2008, 381 p.

7. Klyuchevskii V. O. Lektsiya XVII. Soch. V 8 tomakh. Moscow, Nauka, 1956, vol. 1, pp. 292–315.
8. Korobkov Yu. D. Politicheskii vybor i politicheskoe povedenie ural'skikh rabochikh v 1917 g., *Problemy rossiiskoi istorii*, 2004, no. 3, pp. 196–216.
9. Korobkov Yu. D., Gnevek O.V. Bogatstvo i material'noe blagopoluchie v sisteme tsennostei ural'skikh rabochikh v kontse XIX–nachale XX v., *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture], vol. XI, Moscow, Magnitogorsk. 2001, pp. 403–413.
10. Lazarev A. I. Rabochii fol'klor Urala: Ob osnovnykh tipakh stanovleniya i razvitiya novogo tipa khudozhestvennogo myshleniya naroda, Irkutsk, Izd-vo Irkutskogo un-ta, 1988, 290 p.
11. Levada Yu. Fenomen vlasti v obshchestvennom mnenii: Paradoksy i stereotipy vospriyatiya, *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: Monitoring obshchestvennogo mneniya* [The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal], 1998, no. 5, pp. 12–19.
12. Lur'e S. Metamorfozy traditsionnogo soznaniya. Opyt razrabotki teoreticheskikh osnov etnopsikhologii i ikh primeneniya k analizu istoricheskogo i etnograficheskogo materiala. Saint Petersburg, Tip. im. Kotlyakova, 1994, 288 p.
13. Mareeva S. V. Dinamika norm i tsennostei rossiyan, *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2013, no. 7, pp. 120–131.
14. Martsinkovskaya T. D. Russkaya mental'nost' i ee otrazhenie v naukakh o cheloveke. Moscow, Blits, 1994, 155 p.
15. Medvedev S. M. Rossiiskii elektorat kontsa 90-kh godov: nekotorye stereotipy soznaniya, *Rossiya i sovremennyi mir*, 2002, no. 2, pp. 91–99.
16. Prigozhin A. I. Patologiya politicheskogo liderstva v Rossii, *Politicheskie issledovaniya*, 1996, no. 3, pp. 23–29.
17. Sikevich Z. V., Krokinskaya D. K., Possel' Yu. A. Peterburzhtsy – 2004: kul'turnyi konflikt sovremennosti (sotsiologicheskie ocherki), Saint Petersburg, Piter, 2004, 327 p.
18. Sikorskii I. A. Cherty iz psikhologii slavyan: Rech', proiznesennaya prof. I. A. Sikorskim, v torzhestvennom zasedanii Slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva 14 maya 1895 goda. Kiev, tip. I. I. Chokolova, 1895, 15 p.
19. Urnov M. Yu., Kasamara V. A., Sobolev A. S., Soboleva I. V., Sorokina A. A. Tsennostnaya neodnorodnost' obshchestva kak faktor sotsial'noi dinamiki – postroenie empiricheskoi modeli: preprint WP/2011/01: Vysshaya shkola ekonomiki, Moscow, Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2011, 64 p.
20. Urnov M. Yu. Rol' kul'tury v demokratcheskom tranzite, *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 2011, no. 6, pp. 5–16.
21. Shestopal E. B. Politicheskoe liderstvo v novykh usloviyakh: smena paradigmy vospriyatiya, *Politicheskie issledovaniya*. 2013, no. 3, pp. 47–57.
22. Shestopal E. B. Tsennostnye kharakteristiki rossiiskogo politicheskogo protsessa i strategiya razvitiya strany, *Politicheskie issledovaniya*, 2014, no. 2, pp. 61–71.
23. Engel'gard A. N. Pis'ma iz derevni. 12 pisem. 1872–1887. Moscow, Gos. sots-ekon. izd-vo, 1937, 491 p.

Коробков Ю. Д., Королёв Н. С. Ментальные основы социально-политического развития современного российского общества // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2. № 3. С. 43-52.

Korobkov Yu. D., Korolev N. S. Mental Bases of social and political Development of the modern Russian Society, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2018, vol. 2, no 3, pp. 43-52.

Сведения об авторах

Коробков Юрий Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск, Россия; n.kyakkinen-56@yandex.ru

Никита Сергеевич Королёв – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Челябинского государственного института культуры, Челябинск, Россия; korolev_ns_@mail.ru

Authors:

Yuriy D. Korobkov - Doctor of Sciences in History, Professor at the Department of World History, Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia; n.kyakkinen-56@yandex.ru

Nikita S. Korolev - Ph.D. in History, Associate Professor of the Department of History of the Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russia; korolev_ns_@mail.ru

УДК 821.161.1: 82-1

*С. В. Рудакова (Магнитогорск, Россия)
В. В. Цуркан (Магнитогорск, Россия)*

КОНЦЕПТ «ВОЙНА» В ПРОЗЕ А. БИТОВА

Аннотация. Концепт «Война», относимый рядом исследователей к периферийным в прозе А. Битова, не получил должного освещения в работах современных литературоведов. Авторы статьи пытаются восполнить данный пробел, анализируя особенности репрезентации концепта в эссе, повестях и рассказах А. Битова 1960–2000-х гг. В статье рассматриваются подходы писателя к осмыслению темы войны, проводится анализ семантики концепта, позволяющий раскрыть представление о войне как о беде, катастрофе, геноциде, зле, насилии. Авторы статьи исследуют два аспекта осмысления войны в творчестве А. Битова: как личной боли писателя, так и ведущей к необратимым последствиям трагедии всего народа. В ходе анализа обнаруживается корреляция концептов «Война», «Детство», «Память», «Семья», которая служит созданию образа эпохи через коллективный портрет людей военного и послевоенного поколения. Особое внимание уделяется тому, как, обращаясь к теме Великой Отечественной войны и геноцида народа, писатель активизирует комплекс эсхатологических и апокалипсических мотивов и образов, расширяющих возможности философской интерпретации концепта. Проведенный анализ доказывает, что мирообраз войны, акцентированный в спектре аксиологических, культурно-исторических, нравственно-философских, мифологических и символических толкований, является для А. Битова одним из наиболее эстетически и идейно значимых. Использование метода концептуального анализа помогает продемонстрировать особенности мировосприятия писателя и соотнести художественный мир его произведений и русскую национальную картину мира.

Ключевые слова: А. Битов, концептуальный анализ, память, война, блокада, эвакуация, геноцид, судьба.

Одним из приоритетных направлений современной филологии является изучение концептосферы творчества писателей или рассмотрение отдельных художественных концептов того или иного автора. Категория концепта притягательна как для лингвокультурологов, так и для литературоведов, но если первые основное внимание обращают на историко-культурные смысловые подтексты концепта [5; 8], то для последних более притягательным оказывается выявление через анализ концептов индивидуального мировидения авторов. Литературоведы, как правило, привлекают системные отношения [4; 6; 13], в которые вступают концепты в художественном мире того или иного автора, либо взаимодействия отдельных концептов [2; 9; 10; 11].

Концепт «Война», не нашедший прямого воплощения в прозе А. Битова и потому, возможно, недооцененный рядом исследователей [3; 6; 12], присутствует в текстах писателя подспудно – на уровне мотива, темы или микросюжета, внезапно проступая в картинах бомбежек, блокады, в упоминаниях о «хлебной норме». Война представлена в битовской прозе двумя полюсами изображения: сужением до ракурса личной трагедии индивидуального бытия [2, с. 42] или расширением – противопоставлением ужасов войны общечеловеческим ценностям.

Изображение «самой наигорчайшей правды» [14, с. 28] военного времени уже в раннем творчестве А. Битова связывает концепты «Война», «Память» и «Детство», служащие «для передачи как имперсонального, так и самого сокровенного, личного» [11, с. 734]. С зимы 1941–1942 гг., по словам А. Битова, собственно, «начинается его память»¹. Война застала семью писателя в Ленинграде. После первой блокадной зимы по «Дороге жизни» мать перевезла его вместе с братом в уральский поселок Ревда, а потом – в Ташкент. В рассказах «Ба-

¹ Битов А. Г. Пятое измерение: На границе времени и пространства М.: Независимая газета, 2002. С. 519.

бушкина пиала» (1958), «Большой шар» (1961), «Нога» (1962), насыщенных автобиографическими деталями, с войной связаны мотивы бегства, одиночества, голода, смерти. Основными вербализаторами концепта «Война» являются лексемы *бомбежка, страх, голод, беда, эвакуация, кровь, боль*.

В рассказе «Бабушкина пиала», открывающем тему войны в прозе А. Битова, повествование включает в себя два временных измерения – «тогда» и «теперь». Необычная чашка без ручки, найденная в старом шкафу, пробуждает в сознании героя рассказа воспоминания о тяжелой дороге в Ташкент: *«В теплушке на меня свалилась стремянка с грузным пассажиром. Это было больно. Выбежав выменять хлеб, от поезда отстала мама. Это было страшно. Я завишел. Это было противно. Нечего было есть. Это был голод...»*².

Военным лишениям писатель противопоставляет живую, теплую, почти сказочную атмосферу бабушкиного дома, в котором есть высокая чистая кровать, прочно наступающий на пол дубовый стол и даже выглядывающий из золотого стаканчика настоящий белый сахар. Однако в ташкентскую идиллию то и дело вклиниваются образы, напоминающие о войне и насилии. В концепте «Война» на первый план выступают оппозиции «жизнь / смерть», «свой / чужой», «верность / предательство». Сплетая слои памяти, включая воспоминания о близком человеке в рассказ о настоящем Алеше, писатель проясняет логику сцепления разрозненных, на первый взгляд, эпизодов в эпиграфе, взятом из поэмы Исикава Такубоку «Не-разрешимое разногласие». Благодаря этим строкам становится понятно, почему пожилые родители героя оказываются в одном ряду с ушедшей из жизни бабушкой, а труба, которую перед приступом болезни красил отец – таким же напоминанием о нем после его смерти, как о бабушке – ее пиала. Память о событиях военного времени, таким образом, выступает в роли обстоятельства, заставляющего героя пересмотреть свои жизненные принципы, определить истинные ценности.

Исповедальная интонация неизменно сопутствует битовским воспоминаниям о войне, далеким от привычных представлений о детстве. Соединение ретроспективного и проспективного планов повествования позволяет подчеркнуть в концепте «Война» значение памяти – своеобразного «пятого измерения», позволяющего герою встретиться с истинным своим «Я». При этом внутреннее, субъективное время, характеризующее глубинные, подсознательные движения души, постоянно пересекается в прозе А. Битова со временем историческим, как это происходит, например, в эссе «Восьмой немец» (1993): *«Вон я там сижу, в сорок первом, на маленькой скамеечке, около печурки под названием “буржуйка”; вокруг этой единственной отапливаемой комнатки в квартире метровый лед, вокруг дома – бомбежка; вокруг города – океан войны с фашистом, вон я там сижу, раскачиваясь, как китайский болванчик, и заунывно и бесстрастно часами пою на одной ноте: “Я голонный, я голонный, я голонный...”*. Мне – ничего, представляю, каково это матери»³.

О чувстве голода, перед которым отступает страх смерти, писатель вспомнит и в эссе, посвященном публикации «Записок блокадного человека» Л. Я. Гинзбург. Книга известного литературоведа, философа, учителя и друга станет для А. Битова *«дерущим душу»*⁴ документом о мельчайших движениях блокадника, *«пещерно добывающего огонь и воду, стоящего в очереди, приготовляющего пищу, отходящего ко сну»*; повествованием о мизерной *«блокадной пайке»*, о *«технологии умирания, практике выживания»*⁵. В своих размышлениях о противоестественности войны писатель восемь раз использует эпитет *жуткий*, несколько раз признается: *«мне страшно»*⁶. Изучая военный быт из *«незаполненного»*, *«ненасыщенного жизненного пространства»*⁷, в который раз пытаюсь *«добежать до реальности»*, А. Битов как бы «перетекает» из индивидуальной памяти в память коллективную, ибо выживание в

² Битов А. Г. Собрание сочинений: в 3 т. М. : Молодая гвардия, 1991. Т. 1. С. 9.

³ Битов А. Г. Неизбежность ненаписанного: Годовые кольца 1956–1998–1937. М. : Вагриус, 1999. С. 415–416.

⁴ Битов А. Г. Пятое измерение: На границе времени и пространства. М. : Независимая газета, 2002. С. 171.

⁵ Там же. С. 174.

⁶ Там же. С. 170.

⁷ Там же. С. 176.

блокаду, как пишет Л. Гинзбург, было общим, несмотря на то, что каждый житель обескровленного города выполнял свою личную историческую миссию – был ленинградцем.

Все глубже уходя в сферу непреодолимой, запредельной, влекущей в бездну прошлого памяти, военное время изображается в прозе А. Битова в виде единичных, предметных, подчас «телесных» ассоциаций. «Как в воронку, – отмечает Л. Аннинский, – падает душа в эту память, а там, в невесомости, кружатся обломки предметов и вещей, сорванных со своих орбит. Скрипит бамбуковая этажерка, не сожженная в блокаду» [1, с. 706]. Писатель напряженно вслушивается в «голоса», звучащие в подсознании, стремится к поискам экзистенции, к «окликанию» бытия. В рассказе «Глухая улица» (1979) автобиографический герой, оказавшийся в пороговой ситуации, критически осмысливает пройденный путь: *«Ничто не казалось мне. Из всех тридцати трех, исключив разве младенчество, – время просыпалось у меня между пальцев, и вот что осталось на ладони <...> Песчинки эти молчали»*⁸.

Накануне судьбоносной даты рассказчика мучает гамлетовский вопрос: забыть или помнить? При этом возвращение к «подлинности», к себе связано у него с возможностью взглянуть на собственную улицу, собственное жилье, на себя самого. Концепты «Война» и «Память» в рассказе «Глухая улица» (другой вариант названия рассказа «Судьба») организуют вокруг себя многомерное пространство. Странный дом в конце улицы оказывается последним прибежищем для людей, уже умерших, неизвестных, но дорогих кому-то. Несмотря на то, что душу героя разъедает скептицизм, преследует сомнение в реальности окружающего мира, на поставленный в рассказе вопрос он дает однозначный, единственно возможный для себя ответ: необходимо помнить, ведь прошлое человека – это часть его судьбы. Разорвать кольцо, блокаду, круг можно, только написав об этом.

Как правило, «сущностные начала» своих героев А. Битов обнажает посредством символично-мифологического психологизма и хронотопических его форм. На пересечении концептов «Судьба», «Память» и «Война» актуализируются мотивы смерти и бессмертия, метафизической вины и односторонности человеческого опыта. Так, пытаясь связать прошлое, настоящее и будущее в рассказе «Похороны доктора» (1978), писатель мифологизирует неродную тетку. Пережитая вместе с ней зима 1941 года позволяет рассказчику включить героиню в круг самых близких людей: *«Ибо с тех пор, как их не стало: сначала моей бабушки, которая была еще лучше, еще чище моей тетки, а затем тетки, эстафетно занявшей место моей бабушки, а теперь это место пусто для моей мамы, – признается А. Битов, – я им этого не прощу. Ибо с тех пор, как не стало этих последних людей, мир лучше не стал, а я стал хуже»*⁹.

Процесс апологизации в «Похороны доктора» направлен на создание идеального образа. Образу тетки постоянно сопутствует мотив света. Золотой ложкой героиня помешивает варенье в начищенном, как солнце, медном тазу. Солнечный день напоминает о ее смерти. Солярная символика вносит в текст смыслы жизнестроения, всеведения. Художественному приращению смыслов способствуют и чудесные способности героини, которая, как указывает автор, в войну *«спасла от смерти меня, брата и трижды дядьку (своего мужа)»*¹⁰. Боготворя близкого человека, писатель совершает своеобразный акт преодоления уходящего времени. В воспоминаниях выкристаллизовывается образ эпохи, складывается собирательный портрет людей военного и послевоенного поколения. Повествование о тетке дает мучительный и просветляющий эффект, сообщая художественным проекциям А. Битова захватывающую убедительность.

Концепт «Война» в творчестве А. Битова многогранен, имеет разнообразные ценностные характеристики. Осознавая, что вся история человечества связана с ужасами войны, в ряде произведений, созданных на рубеже 1960–1970-х гг., писатель актуализирует комплекс эсхатологических мотивов. В «Уроках Армении» (1969) аксиологическая составляющая

8 Битов А. Г. Империя в четырех измерениях. М. : Фортуна лимитед, 2002. С. 523.

9 Там же. С. 556.

10 Там же. С. 554.

концепта выражена в спектре нравственно-философских толкований, репрезентируемых в понятиях «скорбь», «судьба», «конец света», «кровопролитие», «оскорбление святых». Несмотря на то, что речь идет о локальной войне, ее образ перемещается в область надчеловеческого. Опираясь на труды историков, автор травелога рассказывает о геноциде армян в Османской империи, о «резне», равной которой по свирепости и по количеству жертв мир до этого не знал. Автора «Уроков», читающего академическую книгу, ужасают катастрофические масштабы бойни: *«большинство деревень разграблено и подвергнуто избиению», «жители перебиты», «изнасилованы девицы и женщины», «церкви ограблены», «святые осквернены», «настоятели монастырей умерли в ужасных пытках»*¹¹. Экспрессивная лексика в полной мере передает кошмар происходящего, определяемого как «жуткие мерзости», «оргии», «зловещие забавы садистов»: *«Им недостаточно убивать. Они калечат, они мучают»*¹². С этим апокалипсисом контрастирует дикое веселье *«толп людей»,* которые *«развлекаются при виде этого зрелища и рукоплещут при каждом движении пытаемого»*¹³. *«Я раскрывал эту книгу в четырех местах, – признается автор «Уроков», – и я больше не могу. Я кажусь себе убийцей, лишь переписывая эти слова <...> В этой книге осталось еще 500 страниц, мною не прочитанных <...> Страницы мои красны»*¹⁴.

Войны, уже ставшие частью мировой истории, соотносятся в сознании писателя с угрозой новой войны, представляющей в образе противостояния враждебных идеологий и систем. *«Чудовищно тяжелые танки и бронетранспортеры», «системы подавления и уничтожения»*¹⁵, увиденные писателем во время ночной репетиции парада Победы на улицах столицы, приводят его к мысли о том, что война – это *«дыра, в которую свищет и уходит деятельность человечества»*¹⁶.

В повести «Жизнь в ветреную погоду» (1963) война явлена в виде кошмара безлично-апокалиптического атомного взрыва – *«невиданного и такого знакомого, бесшумного клубящегося кольца на тоненьком стебельке, которое раскрывается, как бутон, и медленно ворожится в нем густой, как каша огонь»*¹⁷. Вместе с тем концепт «Война» связан в повести и с категориями, затрагивающими мир личности и взаимоотношения между людьми. Битовский герой, живущий в мирное время, ведет войну с собственным отцом. Сосредоточившись на этом частном, казалось бы, аспекте проблемы, А. Битов вводит в повесть образы *«страшного одиночества», «необязательных разговоров», «раздражения»*¹⁸, вызванных нежеланием родных людей услышать друг друга. И только благодаря тоненькой нити, образовавшейся между Сергеем и его несмышленным сыном, он, отец маленького ребенка, начинает испытывать щемящее чувство неизбежного сходства с человеком, которого впервые за долгое время решает назвать словом *papa*. Духовная составляющая концепта «Война» в данном контексте оказывается доминирующей.

Таким образом, концепт «Война» в творчестве А. Битова приобретает и лирическое, и масштабное эпическое наполнение. Постигание мира и самопознание в нем происходят одновременно, исповедальность преломляется в калейдоскопе эпизодов из собственной жизни и жизни современников, обнаруживая в себе возможность широких обобщений, сопрягая частную жизнь с историческим временем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аннинский Л. А. Странный странник // А. Г. Битов. Книга путешествий по империи. М.: АСТ, Олимп, 2000. С. 699–712.

11 Там же. С. 438–439.

12 Там же. С. 440.

13 Там же. С. 440.

14 Там же. С. 440–441.

15 Там же. С. 775.

16 Там же. С. 775.

17 Там же. С. 64.

18 Там же. С. 63.

2. Антология художественных концептов русской литературы XX века / ред. и авт.-сост. Т. И. Васильева, Н. Л. Карпичева, В. В. Цуркан. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 356 с.
3. Иванова Н. Б. Точка зрения: О прозе последних лет. М. : Советский писатель, 1988. 424 с.
4. Каган М. С. Системный подход и гуманитарное знание. Избранные статьи. Л. : Издательство Ленинградского университета, 1991. 384 с.
5. Карасик В. И. Концепт как единица лингвокультурного кода // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 10. С. 4–11.
6. Клех И. Ю. Непрочитанный Битов // Новый мир. 2006. № 5. С. 160–167. - [New World].
7. Лейдерман Н. Л. Судьбы системных идей в русском литературоведении XX века // Русская литература XX–XIX веков: направления и течения. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2004. Вып. 7. С. 3–28.
8. Сергеева Е. В. Концепт-универсалия и художественный концепт: проблема классификации // Сибирский филологический журнал. 2006. № 1–2. С. 63–69.
9. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М. : Языки русской культуры, 1997. 824 с.
10. Цуркан В. В. Концепт «игра» в творчестве А. Битова 1960–70-х гг. // Libri Magistri. 2015. Вып. I. С. 168–173.
11. Цуркан В. В. Концепт «детство» в раннем творчестве Андрея Битова (к антологии художественных концептов) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 3. С. 731–734.
12. Чансес Э. Андрей Битов: Экология вдохновения. СПб. : Академический проект, 2006. 320 с.
13. Abramzon T. E., Rudakova S. V., Zaitseva T. B., Koz'ko N. A., Tulina E. V. The consistency of lyric artistic thinking // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Т. 11. № 17. P. 10185–10196.
14. Bedrikova M. L., Savelyev K. N., Soldatchenko A. L., Tsaran A. A., Tsurkan V. V. Depiction of war in the prose written by V. Astafyev: affirmation of the phenomenon of life as the case for humanism // Ponte. 2017. Vol. 73. Is. 9. P. 24–32.

S. V. Rudakova (Magnitogorsk, Russia)
V. V. Tsurkan (Magnitogorsk, Russia)

CONCEPT OF "WAR" IN A. BITOV PROSE

Abstract. The concept of "war" in A. Bitov's prose is attributed as a peripheral one by a number of researchers, besides it did not receive an adequate coverage in the works of contemporary literary critics. The authors try to fill this gap analyzing the features of the concept representation in Bitov's essays, stories and stories of the 1960-2000s. There also considered Bitov's approaches to understanding the war, the analysis of the nuclear and peripheral zones of the concept is carried out, as well as its semantics, which makes it possible to disclose the idea of war as a disaster, tragedy, genocide, evil, violence. The authors of the article examine two aspects of representing the image of war in A. Bitov's works: as a writer's personal pain, and as well as irreversible consequences leading to the tragedy of the whole people. The analysis reveals the correlation of the concepts "war", "childhood", "memory", "family", which helps to create the image of the era through a collective portrait of the military and post-war generation. Particular attention is paid to the theme of the Great Patriotic War and the genocide of the people, the writer activates a set of eschatological and apocalyptic motives and images that expand the possibilities of philosophical interpretation of the concept. The analysis shows that the world of the war, accented in the spectrum of axiological, cultural, historical, moral, philosophical, mythological and symbolic interpretations, is one of the most aesthetically and ideologically significant to A. Bitov. A method of the concept analysis helps to demonstrate the writer's worldview and correlate the artistic world of his works and the Russian national world.

Key words: A. Bitov, concept analysis, memory, war, blockade, evacuation, genocide, fate.

REFERENCES

1. Anninskii L. A. Strannyi strannik, A. G. Bitov. Kniga puteshestvii po imperii, Moscow, AST, Olimp, 2000, pp. 699–712.
2. Antologiya khudozhestvennykh kontseptov russkoi literatury KhKh veka / red. i avt.-sost. T. I. Vasil'eva, N. L. Karpicheva, V. V. Tsurkan, Moscow, FLINTA: Nauka, 2013, 356 p.
3. Ivanova N. B. Tochka zreniya: O proze poslednikh let, Moscow, Sovetskii pisatel', 1988, 424 p.

4. Kagan M. S. Sistemnyi podkhod i gumanitarnoe znanie. Izbrannye stat'i, Leningrad.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1991, 384 p.
5. Karasik V. I. Kontsept kak edinitsa lingvokul'turnogo koda, *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2009, no. 10, pp. 4–11.
6. Klekh I. Yu. Neprochitannyi Bitov, *Novyi mir* [New World], 2006, n. 5, pp. 160–167.
7. Leiderman N. L. Sud'by sistemnykh idei v russkom literaturovedenii KhKh veka, *Russkaya literatura XX–XIX vekov: napravleniya i techeniya*, Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2004, vol. 7, pp. 3–28.
8. Sergeeva E. V. Kontsept-universal'naia i khudozhestvennyi kontsept: problema klassifikatsii, *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2006, no. 1–2, pp. 63–69.
9. Stepanov Yu. S. Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury, Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, 1997, 824 p.
10. Tsurkan V. V. Kontsept «igra» v tvorchestve A. Bitova 1960–70-kh gg., *Libri Magistri*, 2015, vol. I, pp. 168–173.
11. Tsurkan V. V. Kontsept «detstvo» v rannem tvorchestve Andrey A. Bitova (k antologii khudozhestvennykh kontseptov), *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2011, no. 3, pp. 731–734.
12. Chances E. Andrei Bitov: Ekologiya vdokhnoveniya. SPb. : Akademicheskii proekt, 2006. 320 s.
13. Abramzon T. E., Rudakova S. V., Zaitseva T. B., Koz'ko N. A., Tulina E. V. The consistency of lyric artistic thinking, *International Journal of Environmental and Science Education*, 2016, vol. 11, no. 17, pp. 10185–10196.
14. Bedrikova M. L., Savelyev K. N., Soldatchenko A. L., Tsaran A. A., Tsurkan V. V. Depiction of war in the prose written by V. Astafyev: affirmation of the phenomenon of life as the case for humanism, *Ponte*, 2017, vol. 73, Is. 9, pp. 24–32.

Рудакова С. В., Цуркан В. В. Концепт «Война» в прозе А. Битова // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2. № 3. С. 53-58.

Rudakova S. V., Tsurkan V. V. Concept of "War" in A. Bitov prose, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2018, vol. 2, no 3, pp. 53-58.

Сведения об авторах

Рудакова Светлана Викторовна – доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова; Магнитогорск, Россия; rudakovamasu@mail.ru.

Цуркан Вероника Валентиновна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова; Магнитогорск, Россия; veravts2013@yandex.ru.

Authors:

Svetlana V. Rudakova - Doctor of Science in Philology, Professor of Department of Linguistics and Literary Studies, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia; rudakovamasu@mail.ru.

Veronika V. Tsurkan - Ph.D. in Philology, associate professor at the Department of Linguistics and Literary Studies, Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University; veravts2013@yandex.ru.

ОБРАЗ ПРОРОКА МУХАММАДА В ПОЭЗИИ И. А. БУНИНА

Аннотация. Тема Востока занимает важное место в творчестве И. А. Бунина. В данной статье на материале поэтических произведений писателя исследуется образ пророка Мухаммада, рассматриваемый в контексте религиозной эстетики Востока. Образ пророка, характерный для восточной поэзии, изучается на основе структурно-семантического анализа. Бунинские стихотворения, выбранные автором статьи для анализа, написаны с опорой на аяты из Корана. В них толкуется история ислама и кораническая литература. Новизна исследования заключается в анализе религиозной символики и религиозной терминологии, в частности коранической, в восточной лирике И. Бунина. Методология работы определяется теорией системно-комплексного подхода к изучаемому материалу, позволяющего рассматривать восточные стихотворения И. А. Бунина не просто как образцы ориентальной поэзии, но как явление формирующегося нового подхода к восточной тематике. Поэт в своем обращении к Востоку проникает в него настолько, что создается впечатление, что Бунин работает не с чужим, а родным, личностно близким материалом. Образ Мухаммада в реминисценциях поэта амбивалентен: он - Пророк, святой в религиозном учении Востока, с другой стороны, он описывается вполне земным человеком («Белые крылья», «Зеленый стяг», «Тайна», «Завеса», «Магомет в изгнании»). В ряде стихотворений изображаются некоторые этапы жизни Мухаммада, где он представлен обычным человеком, страдающим от непонимания окружающих, одиноким путником в пустыне («Магомет в изгнании»), Пророком, любимым рабом Господа, говорящим с Ним («Завеса»).

Ключевые слова: И. А. Бунин, Пророк Мухаммад, Восток, Коран, религия, ориентальная поэзия.

Значительная часть жизни И. А. Бунина связана с Востоком. Он много путешествовал по мусульманским странам. Формирование концепции мусульманского Востока в творчестве поэта происходило постепенно. В начале XX века, когда писатель начал путешествовать, ему было 33 года. Бунин побывал в Стамбуле тринадцать раз, при этом каждое новое путешествие дополняло и изменяло его ранние впечатления, вело к глубинному новому пониманию пути общемировой цивилизации и культуры.

Есть ряд стихов, в которых И. Бунин описывает образ пророка Мухаммада согласно Корану. Начнем реконструкцию авторского образа Пророка со стихотворения «Белые крылья» (1903-1906), в котором в определенной мере представлена биография пророка Мухаммада. Так, первая строфа стихотворения начинается с описания одного из важных эпизодов его жизни:

*В пустыне красной над пророком
Летел архангел Гавриил,
И жгучий зной в пути далеком
Смягчал сияньем белых крыл¹.*

Мы считаем, что И. А. Бунин заимствовал образ белых крыльев из книги «Коран Магомета»² в переводе А. Николаева, которая была ему известна. В ней сообщается, что раб Хадиджи, сопровождавший Пророка в Сирию, рассказал о том, что он будто бы видел в пути, как два ангела своими крыльями защищали Магомета от солнечного зноя [11, с. 11].

Можно толковать первую строфу стихотворения, опираясь на отдельные описания жизни Мухаммада в других источниках, например, на содержание книги «Жизнь Пророка Мухаммада»: в первой строфе видим историю его детства. На тот момент будущий Пророк

¹ Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. Т. 2 / Вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Т. М. Двинятиной. СПб. : Пушкинский Дом, Вита Нова, 2014. С. 10.

² Коран Магомета / Новый пер., сделанный с арабского текста М. Казимирским, переводчиком при французском посольстве в Персии. Новое издание пересмотренное, исправленное и дополненное новыми примеч. Пер. с фр. А. Николаева. М. : М. В. Клюкин, [1901]. 588, [20], XVI с.

находился в пустыне, он был защищен от палящего зноя облаком: над его головой по приказу Бога появлялось облако, дабы защитить его от солнца и жары. «Белые крылья» у И. А. Бунина – это то облако, которым по велению Всевышнего архангел Гавриил спасает Пророка от «жгучего зноя в пути далеком». В книге «Жизнь Пророка Мухаммада» также находим толкование данной ситуации, которая начинается со встречи монаха Бахиры с Мухаммадом: «В день, когда курайшитский караван приближался к городу Бусра (Небольшой город в Сирии), некий монах по имени Бахира» пригласил их [весь караван – Э. К.] в гости. И далее: «Пришли все, кроме Мухаммада, оставшегося стеречь вещи. Увидев, что облако осталось над верблюдами, монах попросил, чтобы привели мальчика, и когда тот пришёл, облако тоже последовало за ним. Тогда Бахира сказал, что этого мальчика ожидает большое будущее. Он будет Пророком. Ангел Откровения снизойдёт к нему»³.

В основе второго четверостишия И. А. Бунина лежит описание другого события из жизни Пророка, а именно - его переселение (хиджра). 30-й аят восьмой суры Корана посвящен этому случаю: «Когда неверные тайно составили против тебя заговор, о Мохаммаде! Когда они хотели схватить тебя, убить или изгнать, то Бог, в свою очередь, устроил заговор против них и оказался, конечно, искуснее их»⁴.

Лирический герой И. А. Бунина, путешествуя по пустыне в Медину (город в Саудовской Аравии), сравнивает себя с Мухаммадом:

*И я в пути, и я в пустыне.
И я, не смея отдохнуть,
Как Магомет к святой Медине,
Держу к заветной цели путь*⁵.

В тексте стихотворения упоминается эпизод изгнания Пророка из Мекки в Медину: «Как Магомет к святой Медине». Интересно, что поэт, как и мусульмане, называет город «святой Мединой». О переселении Пророка в книге «Жизнь Пророка Мухаммада» читаем: «Мекканская знать, видя, что никакие угрозы, и даже смерть, не страшат истинных последователей Ислама, приняла новое решение: прекращение всяких отношений с мусульманами. Прекращение торговли с мусульманами привело верующих и, в особенности, семейство Хашимитов в очень затруднительное положение»⁶. Необходимо подчеркнуть, что И. А. Бунин обращает внимание на этот факт истории ислама потому, что переселение Пророка из Мекки имеет огромное значение в культуре Востока: этот год считается началом исламского календаря. В Коране есть ряд аятов, посвященных переселению пророка Мухаммада, где город Медина назывался Ясрибом. Город получил новое название только после переселения туда самого Пророка. Полное же название звучит как *Мединату-Наби*, что значит «город Пророка».

Слова лирического героя в последней строфе выражают спокойствие:

*Но зной не жжет – твоим приветом.
Я и донныне осенен:
Мир серебристым, нежным светом
Передо мною напоен*⁷.

Стихотворение «Зеленый стяг» (1903-1906) наполнено исламской и коранической тематикой настолько органично, что трудно поверить, что поэт не мусульманин. В этом стихотворении И. А. Бунин призывает человека к духовному джихаду, фактически призывая его стать Человеком. Здесь же упоминается первая ночь после смерти – ночь в могиле. Поэт обращается к вопросу вознесения Пророка. Следует отметить, что, по мусульманскому вероучению, «исра (мирадж) – ночное путешествие Пророка из Мекки в Иерусалим (Кудс) и вознесение его оттуда на небеса. Согласно одним данным, это событие произошло за пол-

³ Жизнь Пророка Мухаммада / группа редколлегии организации «Дар Рахи Хакк» М. : Исток, 2009. С. 9

⁴ Коран Магомета. Пер. А. Николаева. С. 180.

⁵ Бунин. Указ. соч. 2014 . Т. 2 . С.10.

⁶ Жизнь Пророка Мухаммада. 2009. С. 23

⁷ Бунин. Указ. соч. 2014 . Т. 2 .С. 10

тора года до хиджры, а по другим – за три. В одну из ночей к пророку Мухаммаду явился ангел Джibraил. Таким образом, Пророк оказался вне времени и пространства» [1, с. 319].

«Магомет в изгнании» (1906) – одно из важных стихотворений И. А. Бунина, в котором изображается один эпизод из жизни Пророка и проникновенно демонстрируется не только отчаяние и скорбь пророка Мухаммада, но и религиозно-бытовые реалии арабского мира. Пророк пытался обратить жителей Мекки и Таифа в новую веру, но безуспешно. Он был изгнан из родной Мекки:

*Духи над пустыней пролетали
В сумерки, над каменистым логом.
Скорбные слова его звучали,
Как источник, позабытый богом⁸.*

И. А. Бунин описывает горе и тоску Пророка. В книге «Русские поэты и Восток» о форме изображения такой тоски читаем: «и тоска эта раскрыта изнутри, в той, кажется, единственно возможной форме, которую избирает И. А. Бунин: “Скорбные слова его звучали / Как источник, позабытый богом”» [12, с. 113]. По мнению П. И. Тартаковского, «колодец или родник, занесенный песками в палящей пустыне, может острее и глубже передать черную скорбь изгнанного героя» [16, с. 27].

В следующем фрагменте стихотворения изображается путешествие Пророка, полное страдания и горя:

*На песке, босой, с раскрытой грудью,
Он сидел и говорил, тоскуя:
«Предан я пустыне и безлюдью,
Отрешен от всех, кого люблю я!»⁹.*

Бунин показывает трудности путешествия Пророка: с одной стороны, удаленность от близких и родных, чувство одиночества, а с другой – слабость и усталость заставляют Мухаммада жаловаться скалам.

*И сказали Духи: «Недостойно
Быть пророку слабым и усталым».
И пророк печально и спокойно
Отвечал: «Я жаловался скалам»¹⁰.*

Т. М. Двинятина отмечает, что «из-за преследований курайшитов в Мекке Мухаммад отправился с проповедью ислама в город Таиф. Однако жившие там сакифы не приняли его учения, а его самого побили камнями. Когда на обратном пути в Мекку Мухаммад ночью совершал намаз, мимо проходили джинны. Услышав чтение Корана Пророком, они уверовали и стали распространять ислам среди своих соплеменников» [4, с. 379]. В Коране следующие аяты посвящены этому факту в жизни Пророка:

46: 27. Однажды мы привели толпу гениев (джиннов – Э. К.) для того, чтобы заставить их выслушать Коран; они явились и говорили друг другу: слушайте, а когда окончилось чтение, они возвратились в качестве апостолов к своему народу¹¹.

Без сомнения, здесь намек на один из эпизодов в истории Магомета, именно - на его беседу с известным числом гениев при Тайефе. Могамет, видя, какие препятствия встречает его миссия в Мекке, удалился в Тайеф, город Геджаса (Хиджаз – Э. К.); но и там его встретили недружелюбно, зато толпа гениев из Низибиса, находившаяся там, ознакомилась с учением Корана и приняла его.

46: 28. О народ наш! Говорили они: мы слышали книгу, ниспосланную с неба уже после Моисея и обнимающую все прежние книги; она ведет к истине по пути правому.

⁸ Бунин. Указ. соч. 2014. Т. 2. С. 9

⁹ Там же. С. 9.

¹⁰ Там же.

¹¹ Коран Магомета. Пер. А. Николаева. С. 474

46: 29. *О народ наш! Послушайте проповедника Божия и поверьте ему; он загладит грехи ваши, он спасет вас от наказания жестокого.*

46: 30. *Тот же, кто ответит на призыв проповедника божия, тот все же не будет на земле выше его и не найдет помимо Бога другого покровителя. Такие люди находятся в явном заблуждении.*

46: 31. *Разве не видят они, что такое Господь, создавший небеса и землю? И не утомился Он от творчества своего. Он может воскрешать мертвых. Да Он все может¹².*

72: 1. *Скажи: Он указал мне в откровении, что несколько гениев было послано послушать чтение Корана, и воскликнули они: мы слышали чтение необыкновенное¹³.*

Стихотворение «Завеса» (1912) – это другое произведение И. А. Бунина, в котором поэт снова обращается к Пророку. Тема и название стихотворения касаются суры «Корова» (Аль-Бакара):

2: 7. *Бог наложил печать на их сердце и уши; на глаза их надета повязка, и они будут жестоко наказаны¹⁴.*

В комментарии к данному стихотворению Т. М. Двинятина пишет, что оно основано на аятах 2:6, 17:47, 48. Стоит отметить, что нумерация аятов Корана в оригинале, то есть на арабском языке, не совпадает с нумерацией аятов у А. Николаева, и вслед за ним у Т. М. Двинятиной: шестой аят второй суры Корана соответствует седьмому аяту данной суры. Известный переводчик Корана на русский язык И. Ю. Крачковский соблюдает арабский вариант второй суры Корана.

И. А. Бунин использует коранический образ, взятый из второй суры (аят 7), – образ пелены (завесы). Бог говорит своему Пророку:

*Так говорит Господь: «Когда, Мой раб любимый,
Читаешь ты Коран среди врагов Моих,
Я разделяю вас завесою незримой.
Зане смешон врагам Мой сладкозвучный стих»¹⁵.*

Во второй строфе семантика образа завесы обращает нас к внутреннему миру лирического героя. Думается, И. А. Бунин сравнивает то священное знание, которое открывается только тем, кто имел религиозный опыт и уверовал в Аллаха, и те чувства и мысли, которые он сам испытывает. Но добраться до тайников души поэта возможно только для Бога. Для другого человека внутренний мир огражден завесой. Смысл образа завесы во второй части стихотворения определяют следующие строки:

*И сокровенных чувств, и тайных мыслей много
От вас я утаил. Никто моих путей,
Никто моей души не знает, кроме Бога:
Он Сам нас разделил завесою Своей¹⁶.*

Есть разногласие между исследователями относительно источника образа завесы. Так, М. Яхьяпур пишет, что Бунин написал стихотворение на основе семнадцатой суры (45, 46) [13, с. 37]. Приведем текст:

17: 45. *Когда ты читаешь Коран, мы опускаем завесу между тобой и теми, которые не веруют в будущую жизнь.*

17: 46. *Мы обертываем их сердца покрывалами, чтобы лишить их рассудительности. Мы сделали их глухими¹⁷.*

¹² Коран Магомета. Пер. А. Николаева. С. 474

¹³ Там же. С. 553

¹⁴ Там же. С. 41

¹⁵ Бунин. Указ. соч. 2014. Т. 2. С. 91

¹⁶ Там же. С. 91.

¹⁷ Коран Магомета. Пер. А. Николаева. С. 269.

У С. Маркуса другое мнение. В своей статье «И восстанет ислам!» он пишет, что произведение И. А. Бунина связано со второй сурой (5, 6): «Этот священный аят (17:46) был ниспослан в связи с тем, что группа язычников досаждала Пророку, когда он в уголке храма Каабы по ночам читал Коран, бросала в него камни и перегораживала ему дорогу, когда он шел к людям с призывом принять ислам. Господь по Своей милости не позволил им причинить ему вред. Да кроме того, и сам Пророк, несмотря ни на что, внушал им страх и благоговение» [8, с. 346-347].

В восточном мистицизме считается, что завеса – это те человеческие качества, которые не дают человеку принять слова Корана: эгоизм, упрямство, высокомерие, невежество. Они не позволяют прочувствовать и понять такие очевидные, с точки зрения священной книги, вещи, как единобожие, воскресение из мёртвых, подлинность призыва Пророка. И для того чтобы пойти по прямому пути истины, человеку следует начать с воспитания и изменения себя самого. Необходимо отметить, что «путем познания у суфиев и мистиков выступают созерцание (шухуд) и раскрытие (завесы) (кашф), которые вместе считаются единственным способом достижения истины» [6, с. 26]. Другими словами, целью суфия в действиях и в области познания является мистический путь (сулук) к истине, и этот путь фактически состоит как из самоотречения, так и из раскрытия завесы и созерцания [9, с. 29]. Мистическое понятие «истина» все еще остается предметом гносеологического поиска, и интуитивно-созерцательное познание, как и рациональное, есть бесконечный переход от менее истинных представлений к более истинным представлениям о первопричине всего сущего. Процесс познания истины есть бесконечное снятие «завесы», движение от менее совершенных степеней познания к более высоким, от менее совершенных «стоянок» на Пути к Богу к более совершенным «стоянкам» [7, с. 411]. В исламе слово *истина* (*ал-хакк*) – один из эпитетов Бога (Аллаха). Этим словом в суфизме принято обозначать Бога как абсолютное бытие, этим же словом определяется не только трансцендентная, но и имманентная сущность человека и мира [11, с. 177].

Стихотворение «Тайна» (1905) начинается с коранического эпитафа: «Элиф. Лам. Мим». Надо отметить, что шесть сур Корана начинаются с этих букв: «Корова» (Аль-Бакара), «Семейство Имрана» (Аль-Имран), «Паук» (Ал-Анкабут), «Румы» (Ар-Рум), «Лукман», «Челобитие» (Ас-Саджда). Существуют разные мнения по поводу этих букв (мукатта‘а). В комментарии к данному стихотворению А. Бабореко пишет: «“Элиф. Лам. Мим” – название букв алфавита в арабском языке, которым придавалось мистическое значение. Возможно также, что они обозначают инициалы писцов, записавших суры Корана» [2, с. 463]. Т. М. Двинятина указывает, что это «буквы арабского алфавита, которыми открываются многие суры Корана», и ссылается, в свою очередь, на примечания М.-Н. О. Османова к «Элиф. Лам. Мим»: «Существует целый ряд теологических толкований значения, стоящего за буквами, однако все они неубедительны. Известный немецкий ориенталист Т. Нельдке, с именем которого связано начало подлинно научного исследования Корана, предположил, что эти буквы служат инициалами тех сподвижников Мухаммада, со слов или записей которых была зафиксирована данная сура» [4, с. 532]. По мнению Т. М. Двинятиной, «для Бунина было важно, прежде всего, то, что эти буквы обладают скрытым мистическим смыслом» [4, с. 532]. Однако предположение немецкого ориенталиста, на наш взгляд, вызывает сомнение.

Мусульманские ученые, глубоко рассмотревшие эту тему, писали следующее: «Текст двадцати девяти сур Корана начинается с похожих на сокращения отдельных букв, так называемых “мукатта‘а”, которые внешне не связаны друг с другом, то есть не образуют никаких значимых словоформ, однако повсюду, где есть такие буквы, сразу за ними следуют высказывания Корана и их интерпретация. Уже сам этот факт указывает на наличие какой-то связи между этими буквами и происхождением Корана. Так, например, в суре «Муравьи» (Ан-Намль) говорится: “Та, син. Это – аяты Корана, ясного Писания” (27:1). И таких примеров в Коране – множество» [10, с. 71].

Встречающиеся в Коране отдельно стоящие буквы всегда были загадкой. Согласно ряду толкователей Корана и богословов, буквы «элиф», «лам», «мим», которые встречаются в начальных строках ряда сур, могут быть иносказательными выражениями Корана. Они содержат тайну, которая открывается только Пророку и его последователям. Так, Имам Садик (потомок пророка Мухаммада) как-то сказал: «“Алиф, лам, мим” – это часть букв одного из “прекрасных имен” Аллаха. Эти буквы разбросаны в беспорядке по всему тексту Корана, и каждый раз, когда Пророк и имамы называют Аллаха этим именем, их молитва принимается Всевышним». По преданию, Ибн Аббас и Акрама утверждали, что эти буквы есть буквы клятвы так же, как и имя Аллаха, которым он поклялся. Причина того, что Аллах поклялся этими буквами, кроется, вероятно, в том, что им придается особое значение и величие, поскольку в них выражены несравненное великолепие и недостижимая высота Аллаха, а также все тайны сотворенного мира» [10, с. 71]. Бунин тоже считает, что эти буквы – тайна между Богом и Его Пророком, Посланником:

*«Во имя Бога и Пророка,
Прочти, слуга небес и рока,
Свой бранный клич: скажи, каким
Девизом твой клинок украшен?»
И он сказал: «Девиз мой страшен.
Он – тайна тайн: Элиф. Лам. Мим».
«Элиф. Лам. Мим? Но эти знаки
Темны, как путь в загробном мраке:
Сокрыл их тайну Мухаммед...»
«Молчи, молчи! – сказал он строго, –
Нет в мире Бога, кроме Бога,
Сильнее тайны – силы нет»¹⁸.*

В рецензии на сборник И. А. Бунина 1903-1906 гг. А. А. Блок привел стихотворение «Тайна» как пример «восточных» стихов И. А. Бунина, в которых главенствует «экзотика красок, сонное упоение гортанными звуками чужих имен и слов» [12, с. 532]. Поэт выбирает сильные слова: «Он – тайна тайн». А «тайна» – мистическое понятие, занимающее значительное место в восточной философии.

В статье иранского философа и историка А. Зарринкуба «Ценность суфийского наследия» дается определение ирфана: «Мистицизм – это познание людей тайны. Ирфан (мистицизм) – это способ (путь) познания у тех ученых, которые, в отличие от сторонников аргументаций, при открытии истины в большей степени доверяют своему внутреннему голосу и интуитивному озарению (ишрак), нежели разуму и рациональным доводам. Другими словами, *ирфан* (от араб., букв.: «знание») – достижение истины преимущественно посредством интуиции, а не путем дискурсивного мышления. Обладающий подобным знаниями – ариф, гностик, мистик. Сторонниками данного способа (тарик) познания среди мусульман до известной степени являются суфии» [9, с. 5].

Человек отрывается от всего, что принадлежит ему, для достижения связи с Богом, мирится с бедностью, голодом, унижением и одиночеством, будто отречение от мирских наслаждений, воспринимается им в качестве коридора для достижения истины: «... Для суфия путь любви (ишк), в противоположность разуму, является единственным путём для достижения единения с Великолепным» [6, с. 28]. Таким образом, не логика и разум, а любовь и страсть лежат в основе метода суфийского познания.

И. Р. Насыров подчеркивает, что «несмотря на ограниченность рационального познания, нельзя отрицать правомерность его использования в своей области. Рациональное познание играет большую роль в жизни человека, является для него важным средством ориентирования в мире. Орудием рационального познания является разум (акл), а способом реализации – различные логические конструкции, например, силлогизмы и т. п.

¹⁸ Бунин. Указ. соч. 2014. Т. 2. С. 314.

Рациональное познание путем рассуждений и доказательств осуществляет приращение знания и, таким образом, служит познанию окружающего мира. Согласно Ибн Араби, истинное познание включает в себя и разум, для которого есть соответствующее место. <...> «рациональное познание не гарантирует от ошибок. Недостаток разума, согласно Ибн Араби, – отягощенность дихотомией «истинное / ложное», из-за чего разум принципиально не в состоянии постичь Абсолют, который несовместим с подобной дихотомией» [7, с. 404].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что история ислама и кораническая литература сыграли важную роль в творчестве И. А. Бунина. Поэт изображает некоторые этапы из жизни Пророка Мухаммада, представляя его не только Пророком, но и обычным человеком, одиноким путником в пустыне, страдающим от непонимания окружающих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. М. : Ансар, 2007. 400 с.
2. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1 / Сост., коммент., подгот. текста и подбор ил. А. К. Бабореко. М. : Московский рабочий, 1993. 540 с.
3. Двнятина Т. М. Комментарии // Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. Т. 1 / Вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Т. М. Двнятиной. СПб. : Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. С. 439–533.
4. Двнятина Т. М. Комментарии // Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. Т. 2 / Вступ. Статья, сост., подг. Текст, примеч. Т. М. Двнятиной. СПб. : Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. С. 343–492.
5. Джаннат С. М. «И восстанет Ислам!» Бунин и Ислам // Издательский дом «Медина» [Сайт]. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/mavlid/2/bunin.htm (дата обращения 17.09.2014).
6. Зарринкуб А. Ценность суфийского наследия // Иран–наме. 2012. № 4 (24). С. 5–51.
7. Насыров И. Р. Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция). М. : Языки славянских культур, 2009. 552 с.
8. Свет В. Е. Вещный мир как элемент восточной среды в ориентальной поэзии Бунина // Взаимовлияние и преемственность литература: Сб. науч. тр. / Ташк. гос. пед. ин-т им. Низами; [Отв. ред. Е. А. Фомина]. Ташкент : Ташк. ГПИ, 1988.. С. 104–114.
9. Свет Священного Корана (разъяснения и толкования) Т. 1. / Под ред. Н. Зейналова. Исфahan: Центр исламоведческих исследований Имам Амир аль-му'минин Али (ДБМ), 2001. 692 с.
10. Свет Священного Корана: Разъяснения и толкования. Т. V. Санкт–Петербург : Фонд исследований исламской культуры. 2008. 448 с.
11. Смирнов А. Путь к истине: Ибн Араби и Николай Бердяев (о двух типах мистического философствования // Камень веры. Духовное наследие Христианства и Ислама. М. : Фонд исследований исламской культуры, Волшебная Гора, 2011. С. 175–203.
12. Тартаковский П. И. Русские поэты и Восток (Бунин, Хлебников, Есенин). Ташкент : Издательство «литература и искусство им. Гафура Гуляма», 1986. 252 с.
13. Яхьяпур М. Иван Бунин и мир Востока. Тегеран : Тегеранский университет, 2007. 205 с. (На перс. яз.).

E. Karimi Riabi (Iran, Tehran)

THE IMAGE OF PROPHET MUHAMMAD IN IVAN BUNIN POEMS

Abstract: The theme of the East holds an important place in Ivan Bunin poems. There are a number of poems on the theme of the East in his work. The article focuses on Bunin's poems where he provides the image of Prophet Muhammad, describing it in the context of Eastern religious esthetics. The article presents structural-semantic analysis of Ivan Bunin's poems using the image of Prophet, which is archetypical for Eastern poetry. The poems have been written basing on the Koran's Ayats (Verses) which are commonly used to interpret the history of Islam and the Koranic literature.

Keywords: Ivan Bunin, Prophet Muhammad, East, Quran, religion.

REFERENCES

1. Ali-zade A. *Islamskii entsiklopedicheski slovar'*, Moscow, Ansar, 2007, 400 p.
2. Bunin I. A. *Sobranie sochinenii: v 8 t. T. 1 / Sost., komment., podgot. teksta i podbor il. A. K. Baboreko*, Moscow, Moskovskii rabochii, 1993, 540 p.
3. Dvinyatina T. M. *Kommentarii, Bunin I. A. Stikhotvoreniya: V 2 t. T. 1 / Vstup. stat'ya, sost., podg. teksta, primech. T. M. Dvinyatinoi. St. Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, Vita Nova, 2014, pp. 439–533.*
4. Dvinyatina T. M. *Kommentarii, Bunin I. A. Stikhotvoreniya: V 2 t. T. 2 / Vstup. Stat'ya, sost., podg. Teksta, primech. T. M. Dvinyatinoi. St. Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, Vita Nova, 2014, pp. 343–492.*
5. Dzhannat S. M. «I VOSSTANET ISLAM!» Bunin i Islam, *Izdatel'skii dom «Medina»*. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/mavlid/2/bunin.htm (data obrashcheniya 17.09.2014).
6. Zarrinkub A. *Tsennost' sufiiskogo naslediya, Iran–name. 2012, no 4 (24), pp. 5–51.*
7. Nasyrov I. R. *Osnovaniya islamskogo mistitsizma (genezis i evolyutsiya). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009, 552 p.*
8. Svet V. E. *Veshchnyi mir kak element vostochnoi sredy v oriental'noi poezii Bunina, Vzaimovliyanie i preemstvennost' literatura: Sb. nauch. tr. / Tashk. gos. ped. in-t im. Nizami; [Otv. red. E. A. Fomina], Tashkent, Tashk. GPI, 1988, pp. 104–114.*
9. Svet Svyashchennogo Korana (raz"yasneniya i tolkovaniya), vol. 1. / Pod red. N. Zeinalova. *Isfakhan: Tsentr islamovedcheskikh issledovaniy Imam Amir al'-mu'minin Ali (DBM), 2001, 692 p.*
10. Svet Cvyashchennogo Korana: Raz"yasneniya i tolkovaniya, vol. V, St. Petersburg, *Fond issledovaniy islamskoi kul'tury, 2008, 448 p.*
11. Smirnov A. *Put' k istine: Ibn Arabi i Nikolai Berdyaev (o dvukh tipakh misticheskogo filosofstvovaniya, Kamen' very. Dukhovnoe nasledie Khristianstva i Islama. Moscow, Fond issledovaniy islamskoi kul'tury, Volshebnyaya Gora, 2011, pp. 175–203.*
12. Tartakovskii P. I. *Russkie poety i Vostok (Bunin, Khlebnikov, Esenin). Tashkent, Izdatel'stvo «literatura i iskusstvo im. Gafura Gulyama», 1986, 252 p.*
13. Yakh'yapur. M. *Ivan Bunin i mir Vostoka. [Ivan Bunin and the world of the East], Tehran, Tehran University, 205 p. (In Persian).*

Карими Р. Э. Образ Пророка Мухаммада в поэзии И. А. Бунин // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2. № 3. С. 59-66.

Karimi R. E. The image of Prophet Muhammad in Ivan Bunin poems, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2018, vol. 2, no 3, pp. 59-66.

Сведения об авторе

Карими Риabi Элахех – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры Руссиеведения Тегеранского государственного университета, Тегеран, Иран; ekarimi@ut.ac.ir

Author: Karimi Riabi Elaheh - Ph.D. in Philology, Assistant Professor, Department of Russian studies, University of Tehran, Tehran, Iran; ekarimi@ut.ac.ir

АЛЛЮЗИЯ КАК СПОСОБ СОГЛАСОВАНИЯ ТОПОНИМОВ ПРИ ПЕРЕИМЕНОВАНИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье освещается значимый в междисциплинарном отношении аспект становления калининградской региональной идентичности – процесс согласования исходных и новых названий населенных пунктов и природных объектов области при переименованиях 40-50-х гг. XX века. Целью исследования является рассмотрение такого малоизученного способа топонимических согласований, как аллюзия, предполагающего выбор в качестве новых названий неких номинаций, обладающих с исходным названием только формальным сходством. В ходе сравнительного анализа русскоязычного и германско-балтийского языкового материала с элементами количественных подсчетов делается вывод о невлинии на предпочтение аллюзий идеологического фактора, семантики и звучания исходного топонима, и, напротив, о влиянии языкового происхождения топонимики, вида природного объекта и района его локализации. В итоге аллюзия трактуется, с одной стороны, как своеобразное проявление народной этимологии в топонимической сфере и, с другой стороны, как один из инструментов бессистемной политики инициаторов региональных переименований, направленных на русификацию новых территорий советского государства.

Ключевые слова: топоним, переименование, аллюзия, народная этимология, Восточная Пруссия.

Общеизвестно, что за послевоенным присоединением территорий бывшей Северо-Восточной Пруссии к Советскому Союзу в 1946-1950 гг. XX века последовала крупномасштабная кампания по переименованию иноязычных географических объектов¹. Целью этого массового переименования, мотивированного полной сменой населения региона и его языкового состава, стала русификация местности, идеологически значимое закрепление ее новой государственной принадлежности.

В ходе переименования форма и семантика исходного топонимического материала, как правило, не учитывались. Отсюда наблюдается преобладание в современной топонимике региона несогласованных новых топонимов, которые составляют 84,9 % от всех исследованных нами названий населенных пунктов (принадлежащих шести районам Калининградской области) и 63 % от общего массива переименованных природных объектов (нами рассматривались номинации форм рельефа, урочищ, водоемов и лесов в тех же шести районах региона, а также абсолютно все остальные оронимы (названия форм рельефа) и дримонимы (названия лесных массивов)).

Для согласования новых топонимов с исходными инициаторы советской кампании по переименованию использовали пять способов, среди которых лидируют два. Первый – одинаковая тематическая соотнесенность применительно к ойконимам, то есть предпочтение при выборе новой номинации семантического признака, сходного с признаком, положенным в основу предыдущего наименования, как в паре ойконимов *Eichenberg* → *Лесное*, где таким признаком является флора местности. То же можно сказать и еще о 22 парах из 46 изученных. Второй наиболее частотный способ – перевод, например, *Schnecke* → *река Улитка*. Он применялся к названиям природных объектов почти в половине случаев: из 258 согласованных топонимических пар такого рода перевод был выбран для согласования 113 пар номинаций. Выбранная нами для настоящего анализа аллюзия как способ согласования исходных и новых топонимических единиц является следующим по значимости способом в сфере ойконимики (насчитывается 14 пар, или 30 %), и только пятым в сфере названий природных объ-

¹ Решение Облсполкома № 560 от 31.12.1947. Государственный архив Калининградской области. Ф. 297. Оп. 1. Д. 23; Указы Президиума Верховного Совета СССР. Государственный архив Калининградской области. Ф. 297. Оп. 1. Д. 102а.

ектов, затрагивающим лишь 12 % выборки (или 32 пар, переименованных согласованно). М. Лангенфельд, использующий термин «аллюзия» в контексте описания региональных топонимических переименований, считает, что суть аллюзии заключается в наличии между исходными и новыми номинациями чисто фонетического сходства при отсутствии между ними каких-либо семантических связей [2, с. 161], а значит, этот термин очень близок термину «народная этимология», активно функционирующему в современной лингвистике и подразумевающему осмысление значения слова на основе его случайного сходства с другими словами, правда, в рамках одного национального языка [4, с. 68], а не пары, как в случае с аллюзией.

Нельзя сказать, что все рассмотренные нами аллюзии характеризуются равной степенью фонетической близости двух топонимов. К материалу нашего исследования относятся как «классические аллюзии» типа: *Augstos* (название отсылает к внешнему виду горы - в переводе с древнего литовского языка *augst* означает «высокий») → *гора Августовская*, или *Kudras-Hügel* (от прусского «торф» или «мох») → *гора Кудрявая*; так и «отдаленные аллюзии», где сходство в звучании минимально, но вместе с тем однозначно прослеживается, к примеру: *Delinga* (от балтийского *delu* – «исчезать») → *река Удельная*; *Schillupischken* (название образовано от гидронима балтийского происхождения) → *пос. Шилово*.

В плане языкового происхождения топонимов, переименованных на основе аллюзии, напротив, наблюдается определенное единство. Лишь один из исходных топонимов интерпретируется как немецкоязычный - *Buchhof*, или «книжный двор». Он был преобразован в ойконим *Бухово*, типичный для Белоруссии. Еще один топоним имеет неясную основу: речь идет об орониме «*Лагенер хакен*», переданном в архивных документах кириллицей и не обнаруженном нами на карте местности. Сегодня ему соответствует единица *мыс Лагунный*. Все остальные аллюзии применяются при согласовании новых топонимов с исходными наименованиями прусского или древнелитовского происхождения, что предсказуемо снижает их переводимость и наводит на аллюзивную трактовку при переименовании.

При попытке несколько систематизировать семантические признаки топонимов, согласованных способом аллюзии, мы наталкиваемся на широкий разброс чуть ли не единичных мотиваций для географических названий. К их числу относятся признаки «фауна», «форма» и «флора» среди исходных номинаций (*Bredaune* – «посиняя река», *Bombull* – «гора в форме мячика», *Schillen* – «поселок около вересковой пустоши»), а также признаки «функция», «цвет» или «населенный пункт в Ирландии» (*пос. Броды*, *гора Красный Овраг*, *пос. Дублинно*).

Проверка на предмет идеологической ориентации одного из топонимов в парах, затронутых аллюзией, продемонстрировала ее косвенное наличие лишь для одной пары: *Kaschelen* (от прусского *kaschis* – мех) → *пос. Кошелево* (предположительно назван в честь штурмана Балтийского флота П. Л. Кошелева, участника Второй мировой войны). Советский дримоним «лес Майский», ставший результатом аллюзии на немецкий дримоним *Meykenner Wald*, вопреки первому впечатлению не несет намеренной идеологической окраски, поскольку оба леса в паре получили свое имя по названию близлежащих поселков.

Предпочтительный выбор аллюзии в качестве способа топонимического согласования оказался в некоторой степени связанным с видом переименованного природного объекта. При анализе становится очевидным, что чаще всего аллюзии используются для номинации новых рек: в нашем материале это касается 12 потамонимов, учитывая, что в исследовании мы ограничились шестью районами области. А среди изученных в полном объеме оронимов и дримонимов аллюзий насчитывается только 10 и 2 соответственно.

Наконец, согласование топонимов через аллюзию определенно коррелирует с районом калининградского региона. Особенно много аллюзий такого рода нами зафиксировано в Неманском районе (40 % от числа согласованных переименований), наименьшее же их чис-

ло – в Нестеровском районе (12 %, или 1 случай в абсолютных показателях). Подобные расхождения однозначно связаны с индивидуальными предпочтениями организаторов переименований в каждом из рассмотренных районов. Так, доподлинно известно, что исходные предложения по поводу возможных соответствий исходных и новых топонимов формулировались именно на районном уровне, после чего они систематизировались на уровне аппарата Областного исполнительного комитета и утверждались Верховным Советом РСФСР [1, с. 277].

В целом ситуации выбора аллюзии для согласования топонимов не представляются нам логичными. Самым ярким доказательством, позволяющим делать такой вывод, является отсутствие аллюзий при переименовании множества географических объектов, хотя их балтийские и немецкие названия напоминают лексемы русского языка. Так, населенные пункты *Alt Lappienen* и *Bogdahnen* превратились в поселки *Большие Бережки* и *Верхний Бисер*, а леса *Astrawischken* и *Lugower Wald* – в *Большаковский* и *Советский* лесные массивы соответственно. Эти переименования принадлежат к числу независимых.

Таким образом, инициаторы переименований действовали непоследовательно, что, предположительно, можно объяснить одной из двух возможных причин: либо недостатком знаний, либо сознательной языковой игрой, ради шутки [4, с. 71]. Однако в любом случае новые топонимы согласовывались с исходными способом аллюзии. Поскольку уже доказано, что переименования в Калининградской области (за исключением реноминации крупнейших городов региона) осуществлялись без привлечения экспертов-лингвистов [3, с. 106], то вряд ли выбор неграмотных колхозников, выдвигавших новые названия, основывался на семантическом анализе исходных единиц (к примеру, маловероятно, что интерпретация первого компонента ойконима *Seikwethen*, преобразованного в *Зайцево*, устанавливала что-то общее с русскими «зайками»). Более вероятна все-таки версия, что отдельные названия присваивались географическим объектам не без определенной доли юмора.

Более серьезно оперировали аллюзиями организаторы двух других кампаний по переименованию на бывших прусских территориях. В частности, по утверждению Ю. В. Костяшова, аллюзии стали инструментом массовой полонизации карт в новых регионах Польши [1, с. 276] и, по нашим собственным наблюдениям, одним из инструментов германизации, реализованной нацистскими пуристами в 1938 году, в том числе, в Северо-Восточной Пруссии. В последнем случае на шесть анализируемых районов приходится 32 согласования через аллюзии (23 из них затрагивают названия местных населенных пунктов), причем почти все исходные названия состоят из двух компонентов: одного балтийского и одного немецкого. Пуристы последовательно заменили балтийские компоненты на созвучные немецкие и тем самым добились искомой германизации прусской топонимики. Яркой иллюстрацией данного положения служит пара ойконимов *Grünweitschen* (нем. «зеленый» + балт. «место») → *Grünweiden* (нем. «зеленый» + нем. «выгоны»).

В заключение отметим, что выявленная нами относительная бессистемность действий организаторов переименований в сфере использования аллюзий, к сожалению, распространяется и на многие другие исследованные нами сферы проведения топонимических реноминаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Костяшов Ю.В. Секретная история Калининградской области. Калининград: Терра Балтика, 2009. 352 с.
2. Лангенфельд М. Процесс переименований в Калининградской области // Калининградские архивы: материалы и исследования : сб. науч. ст. / отв. ред. В.Н. Маслов. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. Вып. 9. С. 158-171.
3. Маслов В. Н. Советская академическая наука и формирование исторической памяти при пе-

реименовании населенных пунктов Калининградской области // Историческая экспертиза. 2016. № 3. С. 100-107.

4. Никитченкова А. Ю. Народная этимология в современном культурном контексте // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: сб. науч. тр./ ред. Е. Г. Милюгина. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2016. Вып.6 (12). С. 68-72.

O.V. Peteshova (Kaliningrad, Russia)

ALLUSION AS ADJUSTMENT METHOD OF TOPONYMS IN RENAMING REGIONAL GEOGRAPHIC AREAS

Abstract. The article addresses the issue of post-war formation of regional identity inherent to inhabitants of Kaliningrad region. This significant in crosscultural perspective subject is explored drawing on the process of aligning new Russian toponyms and names of natural objects with their preceding original German counterparts during the renaming process of the 1940-1950s. The author aims at examining one of the least studied means of toponymic alignment, namely allusion. The latter presupposes choosing as a new name such a lexeme that resembles the original toponym only on some formal aspects. Contrastive analysis coupled with quantitative methods draws on multiple comparative data stemming from Germanic-Baltic and Russian toponymic word stocks. The author argues that the choice of allusion is not influenced by semantics, sound form or ideology of original toponym, though its etymology as well as the type of natural object and its location do play a vital role in opting for the new name. These findings allow the author to interpret allusion both as a specific example of folk etymology in the sphere of toponymy and as a tool of asystemic governing policy of those officials that initiated the renaming process aimed at russification of new Soviet territories.

Keywords: toponym, renaming, allusion, folk etymology, East Prussia.

REFERENCES

1. Kostyashov Yu. V. *Sekret'naya istoriya Kaliningradskoi oblasti*, Kaliningrad, Terra Baltika, 2009, 352 p.
2. Langenfel'd M. *Protsess pereimenovaniy v Kaliningradskoi oblasti*, Kaliningradskie arkhivy: materialy i issledovaniya : sb. nauch. st. , otv. red. V. N. Maslov, Kaliningrad, Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2011, vol. 9, pp. 158-171.
3. Maslov V. N. *Sovetskaya akademicheskaya nauka i formirovaniye istoricheskoi pamyati pri pereimenovanii naseleennykh punktov Kaliningradskoi oblasti*, *Istoricheskaya ekspertiza*, 2016, no. 3, pp. 100-107.
4. Nikitchenkova A. Yu. *Narodnaya etimologiya v sovremennoy kul'turnom kontekste*, *Rodnaya slovesnost' v sovremennoy kul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve*: sb. nauch. tr., red. E. G. Milyugina, Tver', Tver. gos. un-t, 2016, vol. 6 (12), pp. 68-72.

Петешова О. В. Аллюзия как способ согласования топонимов при переименовании географических объектов Калининградской области // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2. № 3. С. 67-70.

Peteshova O.V. Allusion as Adjustment Method of Toponyms in Renaming regional geographic Areas, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2018, vol. 2, no 3, pp. 67-70..

Сведения об авторе

Петешова Ольга Викторовна - кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия; peteshova_olga@rambler.ru

Author: Olga V. Peteshova - Ph.D. in Philology, Associate Professor, Institute of Pedagogics, Immanuel Kant Baltic Federal University; peteshova_olga@rambler.ru.

ЦЕННОСТНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «WEG» В НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

*Wege
 Verschiedene Wege
 Verschiedene Geschwindigkeiten
 Der Weg von einem Berg
 Der Weg über einen gefrorenen See
 Der Weg zum Herzen eines Menschen
 Der Weg zum Begreifen
 Jeder Weg hat seine ganz eigene
 Geschwindigkeit*

© Torsten Marold

Аннотация. В статье рассматриваются особенности концептуализации понятия *Weg* в немецком языке на национально-культурном уровне. Актуальность данного исследования обусловлена антропоцентрическим подходом к языку, в рамках которого изучение ценностных характеристик в языковой картине мира имеет большое значение. Концепт «Weg» как единица картины мира рассматривается на стыке когнитивной лингвистики и лингвокультурологии в аксиологическом аспекте. Исследование проведено на материале лексико-фразеологической системы и паремиологического фонда немецкого языка с использованием концептуального анализа, метода этимологической реконструкции, компонентного анализа слов, аксиологического анализа фразеологизмов и паремий. Концепт «Weg» в немецком языке в своем интерпретационном поле предоставляет большое количество материала, который до сих пор не подвергался детальному концептуальному анализу. Рассматриваемый концепт является репрезентантом как универсального знания, так и национально-специфической информации, закодированной в языке. Понятийная характеристика концепта «Weg» в немецком языке включает ряд существенных признаков, отраженных в толкованиях словарей. Образно-перцептивные характеристики обусловлены составом понятийных характеристик концепта и находят различные проявления: от качественных характеристик дороги до обозначения препятствий на пути к цели. Ценностная характеристика концепта «Weg» раскрывается в ориентирах поведения с помощью оценок: *хороший – плохой, правильный – неправильный, законный – незаконный* и др. Анализируемый концепт может иметь реальные качественные, оценочные, а также особые политические характеристики. Лексико-фразеологический и паремиологический фонды немецкого языка позволили выделить такие концептуальные признаки, как: жизнь человека, сопряженная с трудностями и препятствиями; жизненные принципы, правила; направление; процесс; духовный рост человека; цели; методы и способы достижения цели; моральный выбор и др.

Ключевые слова: концепт «Weg», ценности, языковая картина мира, лингвокультурология, немецкий язык.

В последние десятилетия значительное место в лингвистических исследованиях занимает когнитивный подход, связанный с изучением взаимосвязи мышления и языка, роли языка в концептуализации и категоризации окружающего нас мира. Целью когнитивной лингвистики является «описание и моделирование содержания исследуемого концепта как глобальной ментальной (мыслительной) единицы групповой (национальной) концептосферы путем выявления максимально полного состава языковых средств, объективирующих этот концепт, и описания их семантики» [4, с. 323].

В данном исследовании под концептом мы, вслед за В. А. Масловой, понимаем «семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры» [7, с. 36]. Также мы разделяем точку зрения на природу, назначение и связь данного ментального образования с языком, в частности то, что «концепт, отражая этническое мировидение, маркирует этническую языко-

вую картину мира и является кирпичиком для строительства “дома бытия” (по М. Хайдеггеру). Но в то же время это некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности. Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека (по Лихачеву). Он окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом» [Там же].

Для лингвокультурного концепта, помимо понятийной и образно-перцептивной, в качестве релевантной выступает ценностная характеристика: «Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип» [4, с. 11].

Ценностные ориентации определяют человеческую деятельность, поведение, поступки, образ жизни, отношение к окружающему миру. Они представляют собой довольно устойчивый элемент в общей системе регуляторов, складываются под влиянием множества факторов (социальных, политических, семейных, экономических, религиозных и др.) и имеют как общие признаки внутри определенных общественных групп, так и индивидуальные черты. В рамках процесса глобализации иногда приходится сталкиваться с несовпадением систем ценностей и приоритетов в разных культурах, оптимальный сценарий при этом может усматриваться в мирном сосуществовании аксиологических мировоззрений, формирующихся в процессе обучения иностранному языку [16, с. 5150]. Однако помимо знания лексических единиц языка важно понимание глубинной ценностной информации, заключенной в языковых структурах, концептуального мировоззрения нации.

Ценностные ориентации строятся на дифференциации объектов действительности в зависимости от их положительной или отрицательной значимости, то есть в основе их детерминации лежит оценка. И, по убеждению многих лингвистов-когнитологов, о существовании концепта можно говорить лишь при возможности его аксиологического осмысления. Ценным для человека представляется то, что играет существенную роль в его жизни и, следовательно, находит многостороннее отражение в национальном языке. Несомненный интерес для изучения представляет репрезентация в немецкой лингвокультуре базового универсального концепта «Weg» с характерной акцентуацией ценностного элемента.

В последние десятилетия лингвоконцептология стремительно развивается. Множество теоретических работ посвящено вопросам определения концепта, его структуры и классификаций, методам исследования концептов и изучению языковой картины мира. Интерес к изучению концепта «Weg» обусловлен тем, что это универсальный концепт, однако он обладает и национально-культурной спецификой. Исследование концепта «Путь» проводилось на материале различных языков: русского [1; 2; 3], русского и английского в сопоставительном плане [12; 15] и других; также в разных языках подробно рассматривались концепт «Путешествие» [5; 14], интегрированный в концепт «Путь», и концепт «Пространство», включающий в свою структуру концепт «Путь» [9; 11]. Но в немецкой лингвокультуре данный концепт до сих пор не подвергался всестороннему анализу.

Цель данного исследования заключается в извлечении национально-культурной информации, кодируемой в естественном языке. Основным методом выступает метод концептуального анализа. Кроме того, используются методы этимологической реконструкции, описания семантической структуры слова, анализа словарных дефиниций и аксиологического анализа фразеологизмов и паремий. Исследование фразеологического и паремиологического фонда при изучении особенностей концептуализации культурно маркированного феномена представляет особую значимость, так как позволяет выявить наиболее важные ценностные ориентиры, которые сложились в коллективном сознании носителей культуры и языка и закреплены в менталитете нации. Для верификации постулируемых положений в исследовании при необходимости использованы примеры индивидуально-авторских контекстов, содержащих упоминаемые фразеологизмы и паремии.

Национально-культурная специфика концепта «Weg» отражена в лексико-фразеологической системе языка и базируется в основном на философско-религиозных и фольклорно-мифологических представлениях. Концепт «Weg» лежит в основе многих концептуальных метафор и находит языковую репрезентацию в различных типах текста. В первую очередь исследуемый концепт реализуется в ключевой номинации – лексеме *Weg*.

Существительное *Weg* происходит от глагола *bewegen* со значением «побуждать», древневерхненемецкое *biwegan* 'обдумывать, взвешивать', средневерхненемецкое *sich bewegen* 'решиться на что-то'. От индоевропейского корня *u^oeg^h- 'двигаться, качаться, ехать' берут начало латинские слова *vehere* 'ехать' и *vehiculum* 'автомобиль' и такие немецкие слова, как *Weg*, *Woge* 'волна', *Wagen* 'автомобиль', *Wiege* 'колыбель', *wackeln* 'шататься', *watscheln* 'ходить вперевалку', *aufwiegen* 'балансировать'¹.

Словообразовательные возможности также составляют основу национально-культурной специфики представления концепта «Weg». Деривационное поле ключевой номинации достаточно велико: *Wegweiser*, *Wegbegleiter*, *Wegkreuzung*, *Atemweg*, *Ausweg*, *Irrweg*, *allerwege*, *Mehrwegflasche*, *Mehrwegverpackung*, *geradewegs*, *keineswegs*, *unterwegs* и мн. др.

Словарь современного немецкого языка «Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache» (WDG) определяет лексему *Weg* так:

- 1) natürliche, durch Festtreten entstandene oder künstlich angelegte, nicht oder nur wenig dauerhaft befestigte, relativ schmale Bahn, bes. für Fußgänger;
- 2) Strecke, die zurückgelegt werden muß, um an ein bestimmtes Ziel zu gelangen;
- 3) Gang oder Fahrt in einer bestimmten Richtung;
- 4) /nur mit Attr./;
- 5) (grundlegende) Richtung auf ein Ziel hin, die jmd. in seinem Handeln und Denken verfolgt, und die Entwicklung auf dieses Ziel hin;
- 6) Lebensweg, Verlauf eines Lebens².

В словаре «Duden» *Weg* определяется как:

- 1) etwas, was wie eine Art Streifen – im Unterschied zur Straße oft nicht befestigt – durch ein Gebiet, Gelände führt und zum Begehen [und Befahren] dient;
- 2) a/Richtung, die einzuschlagen ist, um an ein bestimmtes Ziel zu kommen; b/ Strecke, die zurückzulegen ist, um an ein bestimmtes Ziel zu kommen;
- 3) a/ Gang, Fahrt mit einem bestimmten Ziel; b/ (umgangssprachlich) Gang irgendwohin, um etwas zu besorgen, zu erledigen;
- 4) Art und Weise, in der jemand vorgeht, um ein bestimmtes Ziel zu erreichen; Möglichkeit, Methode zur Lösung von etwas³.

Следующие дефиниции содержатся в «WAHRIG Deutsches Wörterbuch»:

- 1) festgetretene od. leichtbefestigte Bahn zum Gehen;
  - 2) Verkehrsbahn, Verkehrsstrecke;
  - 3) Strecke, auf der man geht, zurückzulegende od. zurückgelegte Strecke;
  - 4) Entfernung;
  - 5) (a. fig.) Zugang;
  - 6) (fig.) 6.1. (umg.) Gang, um etwas zu erledigen; Besorgungsgang, Besorgung;
- 6.2. Laufbahn, Bahn zum Ziel⁴.

Не обозначенные в академических словарях значения, связанные с терминологическим употреблением лексемы *Weg* в физике и математике, выделены в многофункциональном сетевом словаре и тезаурусе «Wiktionary»:

1. Physik: Verlauf des Ortes eines bewegten Objektes bei fortschreitender Zeit;
2. Physik: Länge eines zurückgelegten Weges von einem Ort A zu einem Ort B (einschließlich der Abweichungen von der kürzesten Verbindung) ;
3. Mathematik: eine bestimmte Art stetiger Abbildungen⁵.

¹Duden. Etymologie. Herkunftswörterbuch der Sprache. Mannheim : Bibliographisches Institut AG, 1963. 816 S.; Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / Friedrich Kluge. 25th ed. Berlin : De Gruyter, 2011. 1021 S.; Etymologisches Wörterbuch des Deutschen Text. / erarb. im Zentralinstitut für Sprachwissenschaft, Berlin unter Leitung von Wolfgang Pfeifer. Berlin Akademie-Verl.: 1993. 356 S

² Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache (WDG) [Электронный ресурс] // Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. URL: <https://www.dwds.de/wb/wdg/Weg> (дата обращения: 20.11.2017).

³ Duden [Электронный ресурс] // Bibliographisches Institut GmbH, 2018. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Weg> (дата обращения: 20.11.2017).

⁴ WAHRIG Deutsches Wörterbuch. 9. Auflage. Gütersloh/München: wissenmedia in der inmedia ONE. GmbH, 2011. S. 1636.

⁵ Weg [Электронный ресурс] // Wiktionary, das freie Wörterbuch. URL: <https://de.wiktionary.org/wiki/Weg> (дата обращения: 20.11.2017).

Таким образом, в приведенных дефинициях можно выделить следующие признаки концепта «Weg»: 1. Дорога. 2. Узкий. 3. Обычно для пешеходов. 4. Расстояние. 5. Нужно преодолеть. 6. Ведет к цели. 7. Движение. 8. Направление. 9. Образ действия или мысли. 10. Жизнь. 11. Процесс. 12. Физическая и математическая величина. 13. Нечто связующее. 14. Карьера.

Анализируя сгенерированные компьютером коллокации с лексемой *Weg* из цифровой словарной системы немецкого языка DWDS⁶ (см. рис. 1), можно выделить следующие компоненты значений: виды, выбор и возможности пути (*anderen, dritten, eigenen, einzige, gewählt, neue*), начало (*einschlagen, eingeschlagenen, beschreiten*), длина (*kurzen, langen, weiten*), процесс прохождения (*Schritt, gehen, ebnen*), местоположение (*befindet*), поиск и нахождение (*suchen, finden, gebracht*), направление пути (*führt, vorbeiführt, leiten, weisen*), препятствия (*Hindernisse, versperrt*) и их преодоление (*freigemacht, räumen*), оценка правильности пути (*falsche, guten, richtigen*).

Typische Verbindungen

computergeneriert

DWDS-Wortprofil

Hindernisse	Schritt	anderen	befindet
beschreiten	dritten	ebnen	eigenen
eingeschlagen	eingeschlagenen	einzige	falsche
finden	freigemacht	führt	gebracht
gehen	gewählt	guten	kurzen
leiten	neue	richtigen	langen
suchen	versperrt	vorbeiführt	räumen
		weisen	
		weiten	

Detailliertere Informationen bietet das [DWDS-Wortprofil zu ‚Weg‘](#).

Рис. 1. Коллокация лексики *Weg* в «DWDS»

Рассмотрение оценочной составляющей концепта представляется целесообразным через сочетаемость с различными оценочными прилагательными: *guten, richtigen, falschen, direkten, rechten, gefährlichen, vernünftigen, normalen, legalen, schlechten, unkonventionellen, schwarzen*. Путь оказывается оценочно амбивалентным. С одной стороны, он может оцениваться положительно, что соотносится с принятыми в обществе этическими, правовыми, религиозными, культурными и другими нормами, с другой стороны, отрицательно, что связывается с нарушением этих норм: *Und die Kette der Rastlosen aus dem Sudetenland und aus Oesterreich, teils auf **legalem**, teils auf dem "schwarzen Weg" in Passau eintreffend, scheint nicht abreißen zu wollen* (Süddeutsche Zeitung, 1995)⁷.

В структуре концепта «Weg» интегрированы такие семы, как ‘разновидность дороги’ - *Straße, Pfad, Autobahn, Allee, Chaussee, Autostraße, Verkehrsader, Strecke, Fahrweg, Magistrale, Wanderweg, Feldweg, Stieg, Steig, Laufbahn*; ‘элемент дороги’ - *Kreuzung, Kreuzweg, Scheideweg, Straßenknotenpunkt, Einmündung, Biegung, Drehung, Sackgasse, Wendeschleife, Randstreifen, Fahrbahnkante*; ‘движение’ - *gehen, laufen, schreiten, folgen, zurücklegen, kommen*.

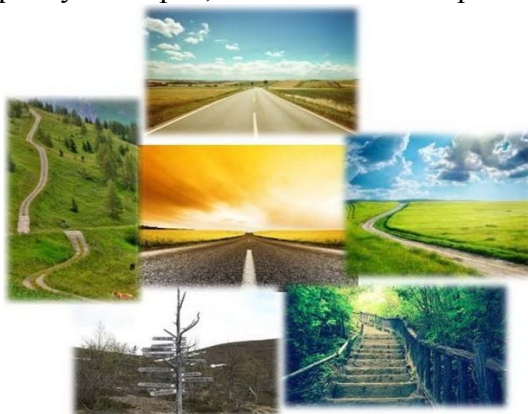
Фактуальная составляющая концепта присутствует в сознании в вербальной форме, а образная – невербальна, она поддается лишь описанию и интерпретации. Проанализировав изображения, выданные поисковой системой Google на ключевое слово *Weg*⁸ (рис. 2), можно

⁶ Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart (DWDS): [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/wb/Weg> (дата обращения: 20.11.2017).

⁷ Там же.

⁸ *Weg*. [Электронный ресурс] // Google. Иллюстрации. URL: <https://www.google.ru/search?q=Weg&newwindow> (дата обращения: 17.01.2018).

сделать вывод, что образ, лежащий в основе концепта «Weg», представляется чаще в виде дороги, уходящей к горизонту, в конце которой свет как символ достижения к цели. Иногда путь изображается извилистым, поднимающимся вверх – символ преодоления трудностей, роста, движения, либо в виде распутия дорог, отсылающего к проблеме выбора.

Рис. 2. Примеры визуализации концепта «Weg» в поисковой системе Google.

Описание концептов, реализующихся во фразеологии и паремиологическом фонде языка, раскрывает важные особенности национальных ментальных представлений об анализируемом фрагменте действительности, а также специфику когнитивной структуры концепта. В немецкой национально-культурной языковой картине мира «Weg» содержит ряд концептуальных признаков.

Некоторые фразеологические единицы могут соотноситься с прямым пониманием пути как дороги, а также с переносом на жизненные принципы, правила, направление или процесс. Например: *einen Weg einschlagen* – ‘выбрать дорогу, взять направление’.

*Sie schlugen ihren Weg durch den Wald ein*⁹.

Die US-Regierung hoffe trotzdem weiterhin, dass Russland im Ukraine-Konflikt einen Weg einschlage, der internationalen Gesetzen entspreche (Die Zeit, 15.03.2014 online)¹⁰.

Или: *vom Weg abkommen* – ‘сбиться с дороги, пойти по ложному пути, ошибиться’.

Da es dank Smartphones und Internet ja kaum noch möglich ist, sich zu verlaufen, kann es ein sehr schönes Gefühl sein, mal vom Weg abzukommen (Die Zeit, 14.04.2015, Nr. 15)¹¹.

In der Vergangenheit hat in der Türkei mehrmals die Armee eingegriffen, wenn die Türkei ihrer Meinung nach vom Wege abkam (Die Zeit, 18.05.2016 online)¹².

В следующем афоризме неизвестного автора данное выражение приобретает положительную коннотацию: *Nur wer vom Weg abkommt, lernt die Welt kennen*¹³. – *Только свернув с пути, узнаешь мир* (перевод наш).

При употреблении в переносном значении часто используются уточняющие определения: *den neuen / anderen / richtigen / falschen Weg einschlagen; vom rechten / geraden Weg abkommen / abweichen; vom Weg der Pflicht / des Gesetzes / der Moral abkommen / abweichen; auf dem guten / richtigen / rechten / falschen / verkehrten Weg sein; heimliche / geheime / dunkle / finstere / krumme / verbotene Wege gehen*.

Путь олицетворяет в немецком языке жизнь, отрезок между рождением и смертью человека. Начало пути символизирует начало жизни, протяженность пути – жизнь, смерть – путь в иной мир: *Lebensweg / Lebensbahn / Lebensreise – жизненный путь; den Weg alles Zeit-*

⁹ Бинович Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь. М.: Аквариум, 1995. с.708

¹⁰ Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart (DWDS). URL: <https://www.dwds.de/wb/Weg> (дата обращения: 20.11.2017).

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Aphorismen.de [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aphorismen.de/suche?text=Weg&seite=41> (дата обращения: 27.01.2018).

lichen / alles Irdischen / alles Fleisches gehen – отдать долг природе (умереть); *bei ihr ist ein Kind unterwegs* – она в положении; *hinübergehen* – перейти в иной мир; *j-n ins Jenseits befördern* – отправить на тот свет; *abfahren* – отправиться на тот свет; *auf dem Rücken zur Messe gehen* – отправиться на тот свет; *den Lauf vollenden / beschließen* – завершить жизненный путь.

В религиозно-философских учениях понятие пути является нравственной категорией. По словам Ю. М. Лотмана, «всякое перемещение в пространстве является отмеченным в религиозно-нравственном отношении» [6, с. 298]. Так, к примеру, китайская философия даосизма представляет собой учение о дао (кит. 道 букв. «путь»), что обозначает путь природы и ее закономерностей, а также жизненный путь человека (его этическую норму) [10]. Конфуций и ранние конфуцианцы придали ему этическое значение, истолковав как «путь человека», то есть нравственное поведение и основанный на морали общественный порядок. Кроме того, ценность пути в религии заключается даже не в достижении какой-либо цели, а в нем самом, во вступлении на этот путь, нравственном и духовном совершенствовании, так как «путь к богу – это путь правды, мудрости, разума, праведности, милости, добра, света; но ему постоянно противопоставляется другой путь, которого нужно сторониться, избегать вступать на него – это путь греха, зла, лжи, беззакония, несправедливости» [13, с. 136]. В религиях речь идет о пути души как опыте, который она изначально себе выбирает. Но это не только путь от начальной до конечной точки жизни, но и переходы в другой мир или на новый уровень. Согласно некоторым теориям, «физическая смерть не является антиподом жизни, а становится лишь многократным переходом к ее воспроизведениям» [8, с. 98].

Фразеологические единицы немецкого языка из сферы религии свидетельствуют о понимании пути как жизненных законов и имеют положительную (*der Pfad der Gerechten* – путь праведных; *Mittlerer Pfad* – Срединный путь) или отрицательную коннотацию (*krumme Pfade wandeln* – заниматься тёмными делами). Религиозный путь является перемещением по «вертикальной шкале религиозно-нравственных ценностей» [6]. Вертикальный путь может быть пройден только фигурально. Движение вверх (небеса, рай) маркируется положительно, вниз (ад) – отрицательно.

Фразеологизм *der Weg zur Hölle ist mit guten Vorsätzen gepflastert* (дорога в ад вымощена благими намерениями) подразумевает, что человек иногда строит много планов по совершению благих дел, но не осуществляет их, следовательно, имея лишь добрые намерения, в рай не попадешь. Данное изречение приписывается английскому богослову XVII века Джорджу Герберту, а позднее вошло во многие языки и отражает христианскую этику. Близка к этому по смыслу и немецкая пословица: *Von Worten zu Werken ein weiter Weg*. – От слов к делу – долгий путь.

Неотъемлемой характеристикой пути является его целесообразность, то есть это движение к определенной цели: *der Freiheit eine Gasse bahnen* – проложить путь к свободе; *viele Wege führen nach Rom* – Все дороги ведут в Рим; *Der Weg zum wahren Glück liegt im Augenblick*. – Путь к истинному счастью в настоящем; *Selbsterkenntnis ist der erste Weg zur Besserung*. – Самопознание – первый путь к совершенствованию (в переделанной шуточной версии поговорки: *Selbsterkenntnis ist der schnellste Weg zur Depression*. – Самопознание – скорейший путь к депрессии).

Как правило, в горизонтальном измерении движение вперед имеет положительную коннотацию: *vorwärts gehen* ‘продвигаться вперед’, *Fortschritte machen* ‘иметь прогресс’; а назад – отрицательную: *rückwärts gehen* ‘пятиться назад, деградировать’, *zurück sein* ‘отставать’ (например, об успеваемости). В вертикальном измерении путь наверх, в гору, оценивается положительно: *bergauf gehen* ‘налаживаться’; путь вниз – отрицательно: *bergab gehen* ‘ухудшаться, идти под гору, пошатнуться’. *Nach oben sind keine Grenzen gesetzt*. – Нет предела совершенству (букв.: *Наверх нет никаких границ*). Данная пословица провозглашает идею постоянного развития, совершенствования, достижения новых целей и высот.

Путь должен быть пройден до конца, до достижения намеченной цели. Отказ от своей цели, остановка на полпути осуждаются: *etw. unterwegs lassen* ‘бросить что-л. на полпути / не доделать’. Однако в следующей пословице данная мысль подвергается ироничному переосмыслению: *Der auf halbem Weg umkehrt, irrt nur um die Hälfte*. – Развернувшийся на поло-

вине пути, ошибается только наполовину (перевод наш).

Путь – это также и метод достижения цели: *auch krumme Wege führen zum Ziel* ‘окольные пути тоже ведут к цели’; *auf ausgetretenen Pfaden gehen* ‘идти проторёнными путями’; *der Pfad der Tugend* ‘стезя добродетели’. Данное значение отражено в немецких поговорках: *Wo ein Wille ist, da ist auch ein Weg* – *Кто хочет, тот добьётся* (букв.: *Где есть воля, там есть и путь*); *Wer den Weg ans Meer nicht weiß, gehe nur dem Flusse nach* – *Не зная броду, не суйся в воду* (букв.: *Кто не знает дороги к морю, пусть идет по реке*); *Der gerade Weg ist der kürzeste / der beste.* – *Дело право – гляди прямо. / Прямой путь самый короткий (лучший). Alle Wege führen nach Rom. Alle Flüsse / Wasser laufen / fließen ins Meer.* – *Все дороги ведут в Рим. Все реки текут в море.*

В исследуемом концепте ярко отражается необходимость морального выбора, поиска верного решения в соответствии с ценностными ориентациями: *Alle Dinge stehen in einer Wegscheide* – *Все вещи находятся на развилке дорог* (перевод наш); *Der auf üblem Weg ist, hat Not davon zu kommen* – *Трудно сойти с дурного пути* (перевод наш); *Wer aus dem Weg ist, wär' gern wieder drein.* – *Сбившийся с пути хотел бы вновь на него вернуться* (перевод наш).

Не любой путь, даже если он правильный, может восприниматься положительно. В смысловой структуре пути актуализируется оппозиция «общий – индивидуальный». Каждый человек должен выбрать свой путь, в соответствии со своими талантами, склонностями, предназначением: *seinen eigenen Weg gehen* ‘идти своим путем’. Эта идея содержится в немецкой поговорке: *Auf dem Weg, den viele gehn, wächst kein Gras.* – *Заросшая тропа и есть самая верная.*

С другой стороны, существуют общепринятые нормы, пути, на которые человек в основном ориентируется, что также не может подвергаться осуждению: *Gemeine Wege kann niemand verbieten.* – *Общие пути никто не может запретить* (перевод наш).

Ценность пути повышают препятствия, трудности, которые необходимо преодолеть для достижения цели: *der Weg zum Ruhm geht über Kreuzdörner* – *путь к славе лежит через тернии*; *im Weg stehen* – *препятствовать*; *ein dorniger Pfad* – *тернистый путь*; *einen Leidensweg gehen* – *идти дорогой страданий*; *dort gibt es weder Weg noch Steg* – *там бездорожье, глухомань*; *es war weder Weg noch Steg zu sehen* – *не было видно ни зги*; *der Weg des geringeren Widerstands* – *путь наименьшего сопротивления*; *Auf rauhen Pfaden zu den Sternen.* – *Через тернии – к звёздам*; *Der Weg zum Himmel geht durch Kreuzdorn.* – *Через тернии – к звёздам* (букв.: *Путь к небу идет через боярышник*).

В картине мира немецкого социума концепт «Weg» входит в парадигму категорий не только пространства, но и времени, что репрезентируется в следующем сочетании: *damit hat es (noch) gute Wege* – *это не к спеху, время терпим*.

Таким образом, анализ лексико-фразеологического и паремиологического фонда немецкого языка показал, что концепт «Weg» включает ряд признаков: это жизнь, изобилующая опасностями и трудностями; выбранная дорога – судьба человека; тяжелое испытание, требующее напряжения внутренних сил, умственных способностей; направление, цель, жизненные ценности, установки, нечто правильное, хорошее, благое и т. д.

Будучи одним из ключевых компонентов национальной культуры, концепт «Weg» является мерилем ценностей немецкого народа, отражает важнейшие категории, ориентиры и установки жизненной философии носителя немецкого языка. Проведенное исследование предоставляет материал для дальнейшего изучения концепта и предполагает перспективу выявления сходств и различий культурных коннотаций русского концепта «Путь» и его немецкого эквивалента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беспалова О. Е. Содержание концепта ПУТЬ / ДОРОГА по данным лексикографического исследования // Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований : материалы III международной научно-практической конференции 25–26 марта 2013 г. / Под ред. Л. К. Салиевой, А. К. Голандам. Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. С. 30-32.

2. Дрыга С. Г. Концепт «Путь» в русской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2010. 241 с.

3. Ипполитов О. О. Объективация концепта «дорога» в лексико-фразеологической системе языка : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003. 275 с.
4. Карасик В. И., Стернин И. А. Антология концептов. М. : Гнозис, 2007. 512 с.
5. Кошенкова А. А. Лингвокультурологические аспекты концепта «путешествие» в татарской и немецкой языковых культурах // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 3. С. 47–49.
6. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство – СПб, 2000. 704 с.
7. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск : ТетраСистемс, 2004. 266 с.
8. Морозов Е. А. Проблема «символа» в художественном бытии Н. С. Гумилева (1908–1921 гг.) : дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2002. 157 с.
9. Мухачева А. М. Концепт «пространство» в русской языковой картине мира // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 4. С. 180–185.
10. Некрасова Н. А., Некрасов С. И., Садикова О. Г. Тематический философский словарь : учеб. пособие. М. : МГУ ПС (МИИТ), 2008. 164 с.
11. Осыка М. В. Способы вербализации концепта «пространство» // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Иркутск: Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске – филиал ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет», 2009. № 3. С. 129–134.
12. Рябкова И. П. Особенности вербализации концепта ПУТЬ / WAY в политической речи (на материале речей президентов России и США конца XX – начала XXI в.) // Вестник Удмуртского университета. 2012. Вып. 2. С. 26–35.
13. Уразаева Н. Р. Пространство текстов молитв (на материале немецкоязычных протестантских молитв) // Изучение дискурса как когнитивно-прагматического феномена. Сургут : Сургутский государственный университет, 2004. С. 81–87.
14. Цзюань Л. Концепт 'путешествие' в китайской и русской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 192 с.
15. Шаяхметова Л.Х. Репрезентация концепта «WAY» в художественной картине мира Ю. Уэлти (на примере ее произведения) «A warn path» («Хоженной тропой») // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. № 12. С. 219–226.
16. Zerkina N. N., Kostina N. N., Urazayeva N. R. et al. Axiological role of English adjectives in English language teaching. International Journal of Environmental and Science Education, 2016. № 11, 12, PP. 5146-5154.

N. R. Urazayeva (Magnitogorsk, Russia)

VALUE AS ELEMENT OF LINGUOCULTURAL CONCEPT “WEG” IN GERMAN VIEW OF THE WORLD

Abstract. The article deals with the peculiarities of the conceptualization of the *Weg* concept in the German language at the national-cultural level. The relevance of this study is due to the anthropocentric approach to language, in which the study of values is of great importance in connection with their regulatory function in all spheres of human life. Language, reflecting the process of cognition and defining the way of membership of the world in a certain culture, allows to penetrate into the sphere of mentality. The concept *Weg* as a unit of the world view is considered at the junction of cognitive linguistics and linguoculturology in the axiological aspect. The study was carried out on the basis of the lexical-phraseological system and the paremiological foundation of the German language. The research methodology includes conceptual analysis, the method of etymological reconstruction, a description of the semantic structure of the word, the analysis of dictionary definitions and the axiological analysis of phraseological units and pemia. The concept *Weg* in the German language in its interpretation field provides a large amount of material that has not yet been subjected to detailed conceptual analysis. The concept under consideration is a representative of both universal knowledge and national-specific information encoded in the language. Conceptual characteristics of the concept *Weg* in German include a number of significant features reflected in the interpretation of dictionaries. Figurative and perceptual characteristics are determined by the composition of the conceptual characteristics of the concept and find various manifestations: from the qualitative characteristics of the road to the designation of obstacles on the way to the goal. The value characteristic of the concept *Weg* is revealed in the guidelines of behavior, based on the estimates of "good – bad", "right – wrong", "legal – illegal", etc. *Weg* can have real qualitative, estimated, and also special political characteristics. The lexico-phraseological and paremiological foundation of the German language made it possible to identify such conceptual features as human life, coupled with difficulties and obstacles, life principles, rules, direction, process, spiritual growth of a person, goals, methods of achieving the goal, moral choice, etc.

Keywords: Concept, values, linguistic view of the world, linguistic culture, the German language.

REFERENCES

1. Bepalova O. E. Soderzhanie kontsepta PUT" / DOROGA po dannym leksikograficheskogo issledovaniya, Aktual'nye voprosy teorii i praktiki filologicheskikh issledovaniy : materialy III mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 25–26 marta 2013 g. / Pod red. L. K. Salievoi, A. K. Golandam, Praga, Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013, pp. 30-32.
2. Dryga S. G. Kontsept «Put'» v russkoi yazykovoï kartine mira : dis. ... kand. filol. nauk, Krasnodar, 2010. 241 p.
3. Ippolitov O. O. Ob"ektivatsiya kontsepta «doroga» v leksiko-frazeologicheskoi sisteme yazyka , dis. ... kand. filol. nauk, Voronezh, 2003, 275 p.
4. Karasik V. I., Sternin I. A. Antologiya kontseptov, Moscow, Gnozis, 2007, 512 p.
5. Koshenkova A. A. Lingvokul'turologicheskie aspekty kontsepta «puteshestvie» v tatarskoi i nemetskoi yazykovykh kul'turakh, *Znanie. Ponimanie. Umenie. Knowledge*. [Understanding. Scill], 2008, no 3, pp. 47–49.
6. Lotman Yu. M. Semiosfera, St. Petersburg, Iskusstvo-SPB, 2000, 704 p.
7. Maslova V. A. Kognitivnaya lingvistika, Minsk, TetraSistems, 2004, 266 p.
8. Morozov E. A. Problema «simvola» v khudozhestvennom bytii N. S. Gumileva (1908–1921 gg.) : dis. ... kand. filol. nauk, Magnitogorsk, 2002, 157 p.
9. Mukhacheva A. M. Kontsept «prostranstvo» v russkoi yazykovoï kartine mira, Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk, 2011, no 4, pp. 180–185.
10. Nekrasova N. A., Nekrasov S. I., Sadikova O. G. Tematicheskii filosofskii slovar' : ucheb. posobie Moscow, MGU PS (MIIT), 2008, 164 p.
11. Osyka M. V. Sposoby verbalizatsii kontsepta «prostranstvo», Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Irkutsk: Evraziiskii lingvisticheskii institut v g. Irkutске – filial FGBOU VPO «Moskovskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet», 2009, no 3, pp. 129–134.
12. Ryabkova I. P. Osobennosti verbalizatsii kontsepta PUT" / WAY v politicheskoi rechi (na materiale rechi prezidentov Rossii i SShA kontsa XX – nachala XXI v.), *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Vestnik Udmurtskogo Universiteta], 2012, vol. 2, pp. 26–35.
13. Urazaeva N. R. Prostranstvo tekstov molitv (na materiale nemetskoyazychnykh protestantskikh molitv), Izuchenie diskursa kak kognitivno-pragmaticheskogo fenomena, Surgut, Surgutskii gosudarstvennyi universitet, 2004, pp. 81–87.
14. Tszyuan' L. Kontsept 'puteshestvie' v kitaiskoi i russkoi lingvokul'turakh : dis. ...kand. filol. nauk, Volgograd, 2004, 192 p.
15. Shayakhmetova L. Kh. Reprezentatsiya kontsepta «WAY» v khudozhestvennoi kartine mira Yu. Uelti (na primere ee proizvedeniya) «A warn path» («Khozhenoï tropoi») // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Scientific journal “Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University”], 2012, no 12, pp. 219–226.
16. Zerkina N. N., Kostina N. N., Urazayeva N. R. et al. Axiological role of English adjectives in English language teaching. *International Journal of Environmental and Science Education*, 2016, no 11-12, pp. 5146-5154.

Уразаева Н. Р. Ценностный элемент лингвокультурного концепта «Weg» в немецкой языковой картине мира // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2. № 3. С. 71-79.

Urazayeva N. R. Value as an Element of the linguocultural Concept “Weg” in the german View of the World, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2018, vol. 2, no 3, pp. 71-79.

Сведения об авторе

Уразаева Наиля Радифовна - доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода, ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», Магнитогорск, Россия, nailja-urasaewa@yandex.ru

Author:

Nailya R. Urazayeva - Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of Romano-Germanic Philology and Translation Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk); nailja-urasaewa@yandex.ru

РОЛЬ МЕДИЙНО-РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматривается феномен медийно-религиозного дискурса в диахроническом аспекте, выявляются сущностные характеристики явления, его жанровые доминанты и динамика развития в течение последнего столетия. Составлен обзор наиболее значимых для общественно-го сознания публикаций медиаперсон и изданий, выявляющий тенденции разных периодов, обнаруживая причинно-следственные связи и закономерности. Особое внимание уделено духовно-просветительской функциональной значимости православной журналистики, выступившей к началу XX столетия в качестве катализатора общественных процессов. Сравнительно-сопоставительный анализ дискурсивных практик в медиаполе современной России и оценка их роли в духовной жизни общества предыдущих лет позволяет автору охарактеризовать деструктивные динамические процессы в русле активно развивающихся в последнее время медийно-православных форм массовой коммуникации. Среди факторов угрозы информационной безопасности россиян XXI в. рассматривается ряд негативных особенностей православно-медийного дискурса: сегментация, секуляризация, радикализация, глянцевость и светскость, преобладание рекреационной функции, отсутствие синтеза духовной и светской подсистем современной журналистики, отсутствие миссионерства в православной кolumнистике и блогерстве. Актуальность исследования предопределяется, с одной стороны, широтой обозреваемого исторического периода, с другой – активным ростом православного контента в современных российских СМИ. Неоднозначность воздействия указанного контента на массовую аудиторию и отсутствие системного научного осмысления этой сферы массовой коммуникации вводит проблематику данной статьи в область наиболее актуальных вопросов современной журналистики и массовой коммуникации.

Ключевые слова: православие, дискурс, функции СМИ, медиакритика, история журналистики.

В современной массовой коммуникации сформировалась зона взаимодействия медийного и религиозного дискурсов, результатом этого синтеза стал коммуникативный феномен, обладающий принципиальными характеристиками обоих дискурсов. В его структуре мы предлагаем выделять медийно-религиозные дискурсы (МРД) всех мировых религий, более того – дискурсы различных конфессий, поскольку структура когнитивной, как и коммуникативной составляющей каждого МРД неизбежно характеризуется некоторыми отличиями [7]. Из всего спектра МРД мы выбрали для анализа православный медийный дискурс (ПМД), имеющий большее значение для современного российского общества, активно развивающийся и синтезирующий функции медийного и религиозного дискурсов в новом качестве.

К сегодняшнему дню в печатной, аудиовизуальной, интернет-коммуникации для массовой аудитории сложилась весьма многоуровневая система жанров ПМД: от телевизионной проповеди Патриарха до личных блогов известных миссионеров, от телевизионных очерков о подвижниках до диспутов на «круглых столах» различных телеканалов и интернет-форумах, от иллюстрированных журналов до мультфильмов [5]. Это разнообразие достойно быть объектом пристального изучения, поскольку именно ПМД характеризуется важнейшей, хотя и ослабленной сегодня функцией массовой коммуникации - духовно-просветительской (термин Г. В. Жиркова [6]).

Социальные преобразования 1917 г. стали основой для колоссальных изменений в направлениях и формах существования ПМД в нашей стране. Сегодня, спустя столетие, представляется вполне обоснованным попытаться определить динамику духовно-просветительского воздействия ПМД на российское общество. Основы влияния православной журналистики были заложены еще в эпоху литературы Древней Руси, формировавшей

духовное начало в мировосприятии русского народа. Затем в течение многих столетий печать Русской Православной Церкви (РПЦ), в особенности – духовная публицистика, служила главным средством укрепления духовности. Лишь к началу XVIII столетия реформы Петра I разделили информационную среду России (как и институты власти и управления) на две отчетливо обособленные составляющие: духовную и светскую печать. Их взаимодействие на протяжении последних двухсот лет (до 1917 г.) характеризовалось периодами как антагонизма, так и взаимообогащения [6].

К началу XX столетия в российском обществе сложилось наиболее кризисный период противостояния светской и духовной печати. Представители обеих систем массовой коммуникации активно искали истоки духовного обновления и пути преодоления кризиса. Было очевидно, что задачи новой эпохи не могли быть решены традиционными консервативными средствами, которые практиковались обер-прокурором К. П. Победоносцевым и сторонниками его подхода. Действенный новый вид духовного издания, способный удовлетворить запросы аудитории, к тому времени не сформировался. Однако в этот период духовно-просветительское влияние светской журналистики чрезвычайно возросло. Этому способствовали усилия великих мыслителей: светских писателей, например, Л. Н. Толстого, и религиозных философов - С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского и др. Острые дискуссии представителей разных лагерей периодической печати стали катализатором важнейших общественных процессов и создали предпосылки для международного признания отечественной философской и политической мысли [6].

В годы советской власти духовно-просветительская функция ПМД существенно ослабла, поскольку духовная подсистема СМИ была не только изолирована от светской, но и сужена практически до уничтожения. М. А. Белов отмечает: «На протяжении второй половины XX в. был сформирован некий канон, по которому версталось, по сути, единственное периодическое издание РПЦ – «Журнал Московской Патриархии». Так как издание жестко контролировалось, количество рубрик в нем было незначительным. Появившиеся после 1990 г. церковные периодические издания первоначально следовали традициям «Журнала Московской Патриархии» [1, с. 304]. А неизбежно менявшийся адресат СМИ в этот период запрашивал обновлений формата ПМД и не получал их. Миссия нравственного просвещения была возложена на партийную публицистику, однако продуктивной эта подмена не была, во всяком случае, если системно рассматривать ее следствия за период почти в 70 лет. Влияние СМИ в целом на духовную жизнь общества стремительно сокращалось.

Бурные общественно-политические преобразования 80-ых гг. XX в. спровоцировали новую точку роста духовной журналистики, обусловили появление в СМИ новейшего времени коммуникативного поля ПМД. Адресной аудиторией первых постсоветских православных изданий были служители церкви и воцерковленные миряне, но при этом тематическая сетка изданий динамично расширялась, открывая для широкой общественности сокровища православной цивилизации.

Действительно значимую роль в духовной жизни страны ПМД стал играть в конце прошлого столетия, выйдя на новый уровень качественно и количественно. Именно на рубеже XX-XXI вв. представительство РПЦ в массовой коммуникации стало столь существенным, что сделало все общество своим адресатом, пусть и непостоянным, бессистемным, даже оппонированным. Функция православных СМИ в этот период стала объектом обсуждения и дискуссии в светском мире и одновременно – сферой системных усилий РПЦ, которая, как справедливо замечает М. А. Белов, «...оправившись от десятилетий гонений, осознала необходимость активной миссии, и то, что большая часть этой деятельности должна быть возложена на СМИ» [1, с. 304].

Сегодня ПМД представляет собой весьма неоднородное во всех отношениях явление. Активно прирастающая жанровая палитра, стремительное вхождение в новейшие формы массовой коммуникации и освоение ее передовых технологий, реанимация и развитие кле-

рикально-публицистического стиля речи не отменяют наличия деструктивных динамических процессов, среди которых медиакритики отмечают, прежде всего:

- разделение на сегменты по различным признакам;
- следование за светскими изданиями;
- радикализацию некоторых изданий;
- секуляризацию и глянцевость [1, с. 304].

Следствием этих явлений стало разночтение в понимании общественной миссии ПМД, способов влияния его на духовную жизнь общества, в частности – адресации к его конкретным слоям, выбора формата, жанра и подачи информации. Наряду с одобренными Патриархатом СМИ сегодня в ПМД России существует широчайший спектр изданий, интернет-ресурсов, радио и телеканалов, которые декларируют свою принадлежность к миру православия. Однако среди реализуемых ими функций СМИ наиболее очевидной представляется рекреационная, вполне соответствующая мейнстриму светской журналистики, давно признавшей развлечение своей приоритетной задачей [3, с. 17].

Другим вектором развития не одобренной Патриархатом православной журналистики, перенимающей технологии коммерчески успешной, но некачественной светской периодики, становится разжигание ксенофобии, дискредитация идей толерантности. Такое заигрывание с экстремистской частью аудитории девальвирует традиционную для ПМД общественную роль воспитателя и лекаря российской духовности.

Можно констатировать, что в последние десятилетия был запущен процесс формирования ПМД в отечественной журналистике, блогосфере и средствах массового общения, который активно нарастает, обеспечивая воссоздание духовной подсистемы информационного поля России. Но подлинного синтеза духовной и светской подсистем журналистики пока ПМД не дает даже при формальном сосуществовании их в сетке вещания одного канала. Уместно сказать, что отрицательные уроки прошедшего столетия пока не выучены и работа над допущенными ошибками еще предстоит [6]. Влияние на формирование системы ценностей современного российского общества у ПМД еще относительно условное. Так и не получило реализации предложение РПЦ 2008 г. по созданию на российском телевидении Общественного совета по нравственности, поддержанное представителями других религий. Данную инициативу исследователи оценивают «как один из индикаторов растущего влияния религиозного фактора в медиасфере и стремления различных исповеданий (прежде всего Русской Православной Церкви) приобрести большее влияние на массовое сознание» [10, с. 189].

Возможно, стагнация в реализации продуктивных предложений обусловлена отсутствием полноценного обсуждения проблем формирования единой нормативной и ценностной системы координат, которая бы позволила представителям различных конфессий вести конструктивный диалог, оценивая телевизионный контент и формируя МРД. Последний должен быть способен нести духовно-просветительскую роль без конфликтогенной составляющей. С точки зрения экспертов, именно религиозные организации, репрезентующие свою позицию в массовой коммуникации, могут и должны быть ведущими в общественном диалоге по вопросам морали и духовной жизни [1; 6; 7; 8; 9; 10].

Особенное место в указанном процессе следовало бы занять публицистике – традиционному для России контенту ПМД. Исторически на духовную жизнь общества наибольшее влияние оказывали политическая, философская и религиозная публицистика. И наибольшую востребованность общественным сознанием эти области литературы и журналистики получали в кризисные моменты жизни страны, «предлагая максимально глубокий и обобщенный подход к существующим проблемам общественной жизни» [8, с. 122]. Однако имен православных, как и вообще религиозных публицистов россияне XXI в. в общей массе не знают и влияния их на себе не испытывают. Парадоксально, но даже православная колумнистика и блогерство сферой миссионерства практически не являются, духовно-просветительскую функцию выполняют опосредованно и влияние на духовную жизнь оказывают лишь для воцерковленного меньшинства. В абсолютном большинстве сообщества православных бло-

геров представляют три типа объединений: полемическая площадка по узкоспециальным вопросам, сообщество по интересам, политизированный канал информирования.

Совершенно оправданно, на наш взгляд, исследователи роли массовой коммуникации в духовной жизни российского общества подчеркивают, что на сегодняшний день «свет нравственных “маяков” почти не виден, они малозаметны на горизонте общественного сознания. В таком контексте нравственная навигация гражданина по-прежнему затруднительна» [10, с. 189]. Невнимание общества в целом к базовым ценностям является, с нашей точки зрения, вопросом национальной информационной безопасности [2; 4].

Именно система ценностей обеспечивает возможность существования нации, с точки зрения О. В. Устимовой [9], а отсутствие такого базиса обрекает общество на разрыв внутренних связей, раскол и распад.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов, М. А. Проблемы развития православных СМИ // Журналистика в 2009 году: Трансформация систем СМИ в современном мире: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Москва, 9 февр. 2010 г. М. : Фак. журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. С. 304.
2. Бужинская Д. С. Давлетшина С. Р. Отражение Великой Отечественной войны в СМИ – фактор национальной безопасности России // СМИ и общество: Роль журналистики, рекламы и PR в формировании образа России в современных социально-экономических условиях: материалы междунар. науч.-практ. конф., Магнитогорск, 2–4 апр. 2015 г. Магнитогорск : Изд-во Магнитогор. гос. технич. ун-та им. Г.И. Носова, 2015. С. 26-32.
3. Бужинская Д. С. Деструктивное отражение Великой отечественной войны в развлекательном теледискурсе // СМИ и общество : коллективная монография. Магнитогорск: МаГУ, 2013. С. 17-30.
4. Бужинская Д. С. Деструктивное отражение отечественной истории в развлекательном теледискурсе как информационная война // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации: материалы междунар. науч.-практ. конф., Ростов-на-Дону, 18–19 сент. 2014 г. Ростов-на-Дону: ФГБОУ ВПО РГУПС, 2014. С. 160-167.
5. Бужинская Д. С., Репьева, Н. С. Православная журналистика в России // СМИ и общество: Роль журналистики, рекламы и PR в формировании образа России в современных социально-экономических условиях: материалы междунар. науч.-практ. конф., Магнитогорск, 2–4 апр. 2015 г. Магнитогорск: Изд-во Магнитогор. гос. технич. ун-та им. Г. И. Носова, 2015. С. 129-136.
6. Жирков Г. В. Духовно-просветительская функция журналистики // Журналистика в 2009 году: Трансформация систем СМИ в современном мире: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Москва, 9 февр. 2010 г. М. : Фак. журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. С. 106.
7. Миронова Н. М. Трансформация религиозной коммуникации в медийном дискурсе // Журналистика в 2009 году: Трансформация систем СМИ в современном мире : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Москва, 9 февр. 2010 г. М. : Фак. журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. С. 115.
8. Семенова А. Л. Философская публицистика в духовном потенциале общества // Журналистика в 2009 году: Трансформация систем СМИ в современном мире: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Москва, 9 февр. 2010 г. М: Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. С. 122.
9. Устимова О. В. Векторы ценностных ориентиров в СМИ // Журналистика в 2009 году: Трансформация систем СМИ в современном мире : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Москва, 9 февр. 2010 г. М. : Фак. журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. С. 47.
10. Хруль В. М. Ценностный диалог в российских СМИ // Журналистика в 2009 году: Трансформация систем СМИ в современном мире : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Москва, 9 февр. 2010 г. М.: Фак. журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. С. 189.

D. S. Buzhinskaya (Magnitogorsk, Russia)

THE ROLE OF MEDIA AND RELIGIOUS DISCOURSE IN SPIRITUAL LIFE OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

Abstract. This article is about the phenomenon of media and religious discourse in the diachronic aspect, essential characteristics, genre dominants of this phenomenon and the dynamics of its development over the course of the past century. The analysis, carried out about the most significant media people and

editions in society, shows tendencies of various periods, cause-and-effect relations and regularity. Much attention is paid to spiritually-educational functional importance of Orthodoxy journalism which was the accelerator of social processes by the beginning of the 20th century. The contrastive-comparative analysis of discourse practice in the media sphere of modern Russia and the assessment of its roles in spiritual social life of previous periods allows the author find out destructive dynamic processes in developing media orthodoxy communication during last decades. The negative features of media orthodoxy discourse, such as segmentation, secularization, radicalism, glossiness and secularism, the lack of missionary work in orthodoxy column writing and blogging, the dominance of recreational functions, the lack of spiritual and secular synthesis in modern journalism, are among aggressive factors of Russians' information security in the 21st century. The relevance of this research is proved by, on the one hand, the width of studied historical period, on the other hand, due to the active development of orthodoxy content in modern Russian mass media with the indeterminacy of its influence on public and the lack of systematic scientific analysis of this mass communication sphere.

Keywords: Orthodoxy, discourse, functions of mass media, media criticism, history of journalism.

REFERENCES

1. Belov, M. A. Problemy razvitiya pravoslavnykh SM, Zhurnalistika v 2009 godu: Transformatsiya sistem SMI v sovremennom mire: sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Moscow, 9 fevr. 2010 g., Moscow, Fak. zhurnalistiki MGU im. M.V. Lomonosova, 2010, p. 304.
2. Buzhinskaya D. S. Davletshina S. R. Otrazhenie Velikoi Otechestvennoi voiny v SMI – faktor natsional'noi bezopasnosti Rossii, SMI i obshchestvo: Rol' zhurnalistiki, reklamy i PR v formirovanii obraza Rossii v sovremennykh sotsial'no-ekonomicheskikh usloviyakh: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Magnitogorsk, 2–4 apr. 2015 g., Magnitogorsk, Izd-vo Magnitogor. gos. tekhnich. un-ta im. G.I. Nosova, 2015, p. 26-32.
3. Buzhinskaya D. S. Destruktivnoe otrazhenie Velikoi otechestvennoi voiny v razvlekatel'nom telediskurse, SMI i obshchestvo : kollektivnaya monografiya, Magnitogorsk, MaGU, 2013, pp. 17-30.
4. Buzhinskaya D. S. Destruktivnoe otrazhenie otechestvennoi istorii v razvlekatel'nom telediskurse kak informatsionnaya voyna, Reklama i svyazi s obshchestvennost'yu: traditsii i innovatsii: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Rostov-na-Donu, 18–19 sent. 2014 g., Rostov-na-Donu, FGBOU VPO RGUPS, 2014, p. 160-167.
5. Buzhinskaya D. S., Rep'eva N. S. Pravoslavnaya zhurnalistika v Rossii, SMI i obshchestvo: Rol' zhurnalistiki, reklamy i PR v formirovanii obraza Rossii v sovremennykh sotsial'no-ekonomicheskikh usloviyakh: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Magnitogorsk, 2–4 apr. 2015 g., Magnitogorsk, Izd-vo Magnitogor. gos. tekhnich. un-ta im. G.I. Nosova, 2015, pp. 129-136.
6. Zhirkov G. V. Dukhovno-prosvetitel'skaya funktsiya zhurnalistiki, Zhurnalistika v 2009 godu: Transformatsiya sistem SMI v sovremennom mire: sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Moscow, 9 fevr. 2010 g., Moscow, Fak. zhurnalistiki MGU im. M.V. Lomonosova, 2010, p. 106.
7. Mironova N. M. Transformatsiya religioznoi kommunikatsii v mediinom diskurse, Zhurnalistika v 2009 godu: Transformatsiya sistem SMI v sovremennom mire : sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Moscow, 9 fevr. 2010 g., Moscow, Fak. zhurnalistiki MGU im. M.V. Lomonosova, 2010, p. 115.
8. Semenova A. L. Filosofskaya publitsistika v dukhovnom potentsiale obshchestva, Zhurnalistika v 2009 godu: Transformatsiya sistem SMI v sovremennom mire: sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Moscow, 9 fevr. 2010 g., Moscow, Fakul'tet zhurnalistiki MGU im. M.V. Lomonosova, 2010, p. 122.
9. Ustimova O. V. Vektory tsennostnykh orientirov v SMI, Zhurnalistika v 2009 godu: Transformatsiya sistem SMI v sovremennom mire : sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Moscow, 9 fevr. 2010 g., Moscow, Fak. zhurnalistiki MGU im. M.V. Lomonosova, 2010, p. 47.
10. Khurul' V. M. Tsennostnyi dialog v rossiiskikh SMI, Zhurnalistika v 2009 godu: Transformatsiya sistem SMI v sovremennom mire : sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Moscow, 9 fevr. 2010 g., Moscow, Fak. zhurnalistiki MGU im. M.V. Lomonosova, 2010, p. 189.

Бужинская Д. С. Роль медийно-религиозного дискурса в духовной жизни современного российского общества // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2. № 3. С. 80-85.

Buzhinskaya D. S. The Role of Media and Religious Discourse in Spiritual Life of Modern Russian Society, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2018, vol. 2, no 3, pp. 80-85.

Сведения об авторах

Бужинская Дарья Сергеевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск, Россия ; buzhinskaya_d@mail.ru.

Authors:

Darya S. Buzhinskaya - Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Department of the Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia; buzhinskaya_d@mail.ru

---

УДК 94(430)''1933/1945'':061.3(100)

М. Н. Потемкина (Магнитогорск, Россия)

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРОЕКТА «ПАМЯТЬ О ХОЛОКОСТЕ – ПУТЬ К ТОЛЕРАНТНОСТИ» В МГТУ ИМ. Г.И. НОСОВА

Аннотация. Важность исследовательской и просветительской деятельности по изучению истории Холокоста и сохранению памяти о величайшей трагедии XX век продиктована необходимостью воспитания современного поколения в духе толерантности к представителям других народов, культур, религий и нетерпимости к любым проявлениям дискриминации и геноцида. В статье проанализировано участие студентов-историков в международных и региональных конкурсах, Школе молодых ученых, научно-практических конференциях по изучению проблематики Холокоста, а также результативность обучающих семинаров и зарубежных стажировок преподавателей. Констатировано в апреле 2018 г. открытие в Магнитогорском государственном техническом университете им. Г.И. Носова на кафедре всеобщей истории международного проекта «Память о Холокосте – путь к толерантности». Автор статьи с позиции руководителя проекта определяет перспективы работы по изучению истории Холокоста, сохранению исторической памяти о нем в исследовательском, просветительском и воспитательном аспектах не только для магнитогорского университета, но и для сферы среднего и высшего образования Челябинской области. Важнейшим направлением такой работы, по мнению автора, является международное сотрудничество, в частности, с университетами Израиля.

Ключевые слова: Россия, Израиль, Холокост, евреи, антисемитизм, социокультурные угрозы, МГТУ им. Г.И. Носова.

Первого ноября 2005 года Генеральной Ассамблеей ООН был установлен Международный день памяти жертв Холокоста, который начал отмечаться 27 января, в день освобождения советскими солдатами узников Освенцим-Биркенау в 1945 году. Термин «Холокост» впервые был использован американскими журналистами в 1960-х гг. и получил широкое распространение после выхода в свет 1978 г. одноименного американского художественного сериала. Данное понятие можно определить как «систематичное преследование и уничтожение европейских евреев нацистской Германией и коллаборационистами в период 1933–1945 гг.» [4]. В последнее время термину придают все более широкое значение, обозначая им различные геноциды в истории человечества. Целенаправленное уничтожение нескольких миллионов людей по национальным и религиозным признакам до сих пор считается одной из самых печальных страниц истории человечества. В этой связи представляется необходимым сохранять память о преступлениях, совершенных в прошлом, чтобы они не смогли повториться в будущем. Мы никогда не должны позволять, чтобы унижали наше достоинство по расовому или национальному признаку. Как сказал первый президент российского Центра «Холокост» Михаил Яковлевич Гефтер: «Никогда не бывает геноцида против одного народа. Геноцид всегда против всех». Сегодня унижают один народ, завтра унижат другой! Вот почему именно сейчас, в конце XX века, когда мир гудит от потрясений - революции, национальные взрывы, религиозная, обгаренная кровью нетерпимость, мы обязаны говорить о Холокосте - самом страшном проявлении античеловечности, уничтожившем 6 000 000 людей» [1, с. 78].

Научным центром, концентрирующим вокруг себя деятельность по изучению трагедии Холокоста, является Научно-просветительский центр «Холокост» (НПЦ), созданный в июне 1992 г. Это первая на постсоветском пространстве организация, поставившая цель увековечить память о жертвах; создать музеи и документальные экспозиции; а также включить тему Холокоста в образовательные программы и стандарты школ и вузов; собрать документы, свидетельства и воспоминания; создать мемориалы погибших; проводить другие мемориаль-

ные мероприятия. В 1997 г. был организован Межрегиональный фонд по созданию Музея Холокоста. Руководят НПЦ и фондом «Холокост»¹. Алла Ефремовна Гербер - писатель, журналист, общественный деятель и Илья Александрович Альтман - ученый историк-архивист [2].

В образовательную и просветительскую деятельность НПЦ «Холокост» входит проведение ежегодных курсов для преподавателей средней и высшей школы. В июне 2017 г. автор статьи была приглашена на такой отборочный семинар – летнюю сессию для слушателей Международных курсов по подготовке преподавателей темы Холокоста. Организаторами выступил Центр и Фонд «Холокост» (Москва). Участник прослушали лекции известных историков и методистов из России и Израиля, обсудили проблемы методики преподавания темы Холокоста, рассмотрели возможности использования учебных пособий; обменялись опытом работы по данной исторической теме.

В МГТУ им. Г.И. Носова с начала сентября 2017 г. студентами-историками начато исследование темы Холокоста. Следует отметить, что при всем обилии научной и публицистической литературы об уничтожении евреев в годы Второй мировой войны, обнаруживается множество дискуссионных вопросов и неизученных аспектов в данной проблематике. Определенную сложность для начинающих исследователей, живущих в нашем южноуральском регионе, представляет поиск исторических источников по теме. Причиной является отдаленность или закрытость архивов, в которых хранятся документы о Холокосте; отсутствие живых свидетелей оккупационного режима массового уничтожения мирного населения; отсутствие памятных мест (поскольку Урал в годы Великой отечественной войны был регионом глубокого тыла). Тем не менее, первым успехом исследовательской работы студентов нашего вуза стало участие студентки 5-го курса бакалавриата Екатерины Шестиалтыновой в Школе молодого ученого «Преодоление социокультурных угроз в исторической динамике: опыт изучения антисемитизма, Холокоста и геноцидов», проходившей 23-26 октября 2017 г. в Российском государственном гуманитарном университете в Москве. Е. Шестиалтынова выступила с докладом на тему «60-я годовщина освобождения узников Аушвица в освещении англоязычной периодической печати». Молодая исследовательница получила ключевые ориентиры для дальнейшего изучения данной темы благодаря насыщенной программе Школы, лекциям и мастер-классам известных ученых: академика РАО А. Г. Асмолова, профессора РГГУ, редактора журнала «Новая и новейшая история» Б. Л. Хавкина, профессора Санкт-Петербургского института истории РАН Б. Н. Ковалев, почетного научного сотрудника Центра изучения Холокоста и геноцидов им. Стенли Бертена университета Лестера (Великобритания) доктора Кристины Винклер.

Первым серьезным погружением в проблему истории Холокоста стало участие студентов магнитогорского университета в ежегодном Международном конкурсе «Память о Холокосте – путь к толерантности», собравшем более двух тысяч участников со всех уголков России. Организаторами международного конкурса выступили Межрегиональная общественная организация «НПЦ «Холокост» и Международный научно-образовательный центр истории Холокоста и геноцидов РГГУ. Конкурс ставил задачу активизировать интерес молодежи к малоизученным страницам истории Второй мировой и Великой Отечественной войн, а также способствовать развитию толерантного сознания, исторического мышления и культуры памяти на примере уроков Холокоста. МГТУ им. Г.И. Носова представил на конкурс семь научно-исследовательских работ студентов кафедры всеобщей истории. Тематика была очень разнообразной: личности «праведников народов мира», психологическое восприятие трагедии Холокоста глазами жертв и свидетелей, образы Холокоста в прессе, художественной литературе и кинематографе и т. п. Конкурс проводился с 16 ноября 2016 г. по 15 ноября 2017 г., его итоги были объявлены в январе 2018 г. Все участники конкурса получили «Грамоты участника Международного конкурса».

¹ Центр и фонд «Холокост». Память и предупреждение // Научно-просветительный центр «Холокост», Lores IT [Сайт]. URL: <http://www.holocf.ru/pages/2>

Уже 12 февраля 2018 г. в формате видеоконференции прошел финал межрегионального конкурса студенческих исследовательских работ: «Тема Холокоста в исторической памяти и публичном пространстве». Конкурс проходил под эгидой Южного центра РАН, в нем приняли участие студенты нескольких вузов: МГТУ им. Г.И. Носова, Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ). Спектр тем докладов и исследовательская активность студентов позволяют утверждать, что проблематика Холокоста может изучаться, несмотря на наличие указных выше объективных трудностей. Представим тематику магнитогорских выступлений: «Пропагандистские механизмы формирования образа врага-еврея» (К. Рыжков), «Дети-жертвы Холокоста: память и предупреждение (нарративы жителей г. Таганрога)» (А. Иваньшина), «Мемориализация личности Тиунэ Сугихара» (Н. Свистова), «Тема Холокоста в освещении англоязычной периодической печати с 2005 по 2010 годы» (Е. Шестиалтынова) [3, с. 206-211], «Откуда у нас больше прав на жизнь, потому что мы не евреи? (на примере дневника Ирины Хорошуновой)» (К. Репьева), «Проблемы мемориализации Холокоста в Ростове-на-Дону» (В. Смирнов), «Памятники жертвам Холокоста в России: история создания и анализ» (А. Лехмус), «Тема Холокоста в системе современного школьного исторического образования» (К. Москальченко), «Тема Холокоста в советской художественной литературе в контексте разрыва советско-израильских отношений второй половины 1960-х-1991-х гг. (на примере романа А. Н. Рыбакова «Тяжелый песок»)» (И. Брагин), «Образ трагедии Холокоста в современном западном кинематографе 2000-х годов» (Д. Блинова), «Подвиг узников смерти лагеря Собибор: орден Мужества (посмертно)» (А. Чаленко). Доклады сопровождалась яркими информативными презентациями и дискуссионными обсуждениями. Как показала конференция, доминирующей темой, вызвавшей исследовательский интерес студентов, стала проблема сохранения исторической памяти о Холокосте.

В апреле 2018 г. руководство МГТУ им. Г.И. Носова подтвердило значимость исследовательского и воспитательного потенциала темы Холокоста для студенческой аудитории не только магнитогорского вуза, присвоив работе ученых кафедры всеобщей истории приказом ректора статус международного проекта МГТУ «Память о Холокосте – путь к толерантности».

Следующим этапом освоения и продвижения темы стала стажировка руководителя проекта в Израиле, которая проходила с 22 по 30 апреля 2018 г. Организация стажировки была продуманной и выстроенной, благодаря грамотному сочетанию учебной и экскурсионной программы. Участники прослушали целый комплекс лекций по истории еврейства, религиозной традиции евреев, национальной политике Российской империи и СССР, истории Холокоста на оккупированных нацистами территориях, отражению темы Холокоста в художественной литературе и киноискусстве; получили представление о векторах дискуссий в вокруг сохранения исторической памяти о Холокосте. Глубокий анализ проблемы, тонкое и внимательное прочтение исторического материала отличали лекции Даниэля Романовского «Контраверсия об исторической уникальности Холокоста» и доктора Кирилла Фефермана «Праведники народов мира». Незаурядная эрудиция и эмоциональная подача материала на лекциях Аллы Гербер и Ильи Альтмана воспринимались слушателями как образцы представления истории Холокоста молодежной аудитории. Интересные статистические данные, дающие почву для размышлений и дискуссий, были основой выступления Аркадия Зельцера «Советское еврейство в межвоенный период». Не менее интересной и информационно насыщенной была практическая часть программы: Ноа Сигал, Ольга Дюк, Маша Поллак-Розенберг познакомили слушателей с инновационными методиками обучения школьников и студентов проблематике Холокоста. Присутствовавших поразили мемориальные места и экспозиции Яд Вашем, не только рассказавшие о трагедии еврейского народа, но и вселившие решимость и убежденность в том, что подобное никогда не должно повториться в будущем.

Составной частью программы стажировки стали экскурсии, посвященные истории и

достопримечательностям Израиля. Гид группы Роза Златопольская, увлеченный человек и обладательница энциклопедических знаний, помогла участникам стажировки увидеть разный и неповторимый Израиль: святой Иерусалим, древний Иерихон, высокотехнологичный Тель-Авив, знойную пустыню, Мертвое море и многое другое. Наблюдения, сделанные на экскурсиях и экспозициях, тщательно подготовленных организаторами, еще раз указали на ту роль, которую играет личная заинтересованность человека, транслирующего знания, для решения исследовательских и воспитательных задач.

Российские преподаватели высшей школы и учителя средних общеобразовательных учреждений уезжали с новыми знаниями, идеями, полные энергией для выполнения святой миссии передачи грядущим поколениям памяти о прошлом во имя мирного и общего будущего.

В июне 2018 г. в МГТУ им. Г.И. Носова блестяще прошла защита бакалаврских выпускных квалификационных работ по тематике Холокоста. Государственная аттестационная комиссия рассматривала два исследования: работу Е. Шестиалтыновой на тему «Репрезентация образа Холокоста в англоязычном медиа дискурсе в год учреждения “Международного дня памяти жертв Холокоста”» и Д. Блиновой «Отражение трагедии Холокоста в художественном кинематографе (1945-2017 гг.)». Обе студентки получили высшие оценки, хвалебные отзывы и напутствия к дальнейшему продолжению исследований важнейшей исторической темы.

Международный проект МГТУ им. Г.И. Носова еще не закончен, и пока рано подводить окончательные итоги, однако опыт даже одного года продемонстрировал активизацию поисковой, научной и творческой деятельности студентов и магистрантов кафедры всеобщей истории в изучении темы Холокоста. Важно, что в ходе такой работы у молодых исследователей начали формироваться навыки независимого мышления, критического осмысления истории и современности, появились собственные мировоззренческие суждения.

Другим важным итогом прошедшего года стало налаженное сотрудничество кафедры с Международным Центром и Фондом «Холокост» (Москва), РГГУ (Москва), Международным научно-исследовательским институтом Катастрофы и Мемориальным центром «Яд Вашем» (Иерусалим, Израиль), а также начавшиеся переговоры с Ариэльским университетом (Израиль). Дальнейшая реализация проекта нацелена на проведение научных исследований в области исторического опыта Холокоста, продвижение международной научной и студенческой мобильности. Главной целью всей работы участников проекта является формирование толерантного сознания, исторического мышления и культуры памяти в студенческой среде МГТУ им. Г.И. Носова, реализация воспитательной работы среди молодежи, координация в рамках выбранной проблематики действий учреждений среднего и высшего образования всей Челябинской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альтман И. А., Гербер А. Е., Полторак Д. И. История Холокоста на территории СССР. М. : Фонд «Холокост», 2001. 80 с.
2. «Сохрани мои письма...»//Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 4-й / под ред. и с предисловием И. А. Альтмана. М. : Центр «Холокост», 2016. 288 с.
3. Шестиалтынова Е. В. 60-я годовщина освобождения узников Аушвица в освещении англоязычной периодической печати // Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2018 : материалы международной студенческой научно-практической конференции / под. ред. А. С. Гаана. Магнитогорск : МГТУ им. Г.И. Носова 2018. С. 206-210.
4. Charny I. W. (Editor) Encyclopedia of genocide. Santa Barbara, California: ABC-CLIO, 1999. 718 p.

M. N. Potemkina (Magnitogorsk, Russia)

IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL PROJECT «MEMORY OF THE HOLOCAUST – THE WAY TO TOLERANCE» IN NMSTU

Abstract: Importance of the research and some activities is aimed at raising the awareness about history of Holocaust in order to examine and preserve the memory of the XX's greatest tragedy, as far as there is a kind of a strong need in modern society to raise the modern generation in tolerance to representatives of different peoples, cultures, religions and intolerance to any discrimination and genocide. This article is dedicated to the analysis of the students-historians' participation in international and regional competitions, School of young scientists, scientific conferences on the study of the Holocaust, as well as the effectiveness of training seminars and international teachers training. It was stated that the international project «Memory of the Holocaust – the way to tolerance» is opened in the Nosov Magnitogorsk State Technical University at the Department of General history in April 2018. The author of the article as the project manager determines prospects to study the Holocaust's history, the preservation of historical memory about this historical event in the research, as well as indicates raising of awareness and some educational aspects not only in Magnitogorsk University, but also in the field of secondary and higher education of Chelyabinsk region. The most important area of such work, according to the author, is the international cooperation, in particular, with the universities of Israel.

Key words: Russia, Israel, Holocaust, Jews, antisemitism, sociocultural threats, Nosov Magnitogorsk State Technical University.

REFERENCES

1. Al'tman I. A., Gerber A. E., Poltorak D. I. *Istoriya Kholokosta na territorii SSSR*, Moscow, Fond «Kholokost», 2001, 80 p.
2. «Sokhrani moi pis'ma...», *Sbornik pisem i dnevnikov evreev perioda Velikoi Otechestvennoi voiny*. vol. 4 / pod red. i s predisloviem I. A. Al'tmana, Moscow, Tsentr «Kholokost», 2016, 288 p.
3. Shestialynova E. V. 60-ya godovshchina osvobozhdeniya uznikov Aushvitsa v osveshchenii angloyazychnoi periodicheskoi pechati, *Student i nauka (gumanitarnyi tsikl) – 2018 : materialy mezhdunarodnoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* / pod. red. A. S. Gaana. Magnitogorsk, MGTU im. G.I. Nosova 2018, pp. 206-210.
4. Charny I. W. (Editor) *Encyclopedia of genocide*. Santa Barbara, California, ABC-CLIO, 1999. 718 p.

Потемкина М. Н. Реализация международного проекта «Память о холокосте – путь к толерантности» в МГТУ им. Г.И. Носова // *Гуманитарно-педагогические исследования*. 2018. Т. 2. № 3. С.86-90.

Potemkina M. N. Implementation of International Project «Memory of the Holocaust – the Way to Tolerance» in NMSTU, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2018, vol. 2, no 3, pp. 86-90.

Сведения об авторе

Потемкина Марина Николаевна - профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия; mpotemkina@mail.ru

Author:

Marina N. Potemkina - Professor, Doctor of Science in History, Professor at the Department of World history, Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU), Magnitogorsk, Russia; mpotemkina@mail.ru

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Журнал «Гуманитарно-педагогические исследования» публикует:

– статьи *ученых*, а также рецензии на опубликованные научные издания последних 2-х лет;

– статьи *аспирантов, магистрантов* при условии предоставления рецензии кандидата или доктора наук соответствующей научной специальности либо в соавторстве с научным руководителем;

– *сообщения* к юбилеям ученых, научных школ или научно-практических изданий.

Принимаются статьи по результатам научных исследований в **области педагогики и образования**, также по **общественным и филологическим наукам**.

Материалы, поступившие в редакцию, проходят проверку в системе «Антиплагиат.ВУЗ» и подлежат обязательному двойному слепому рецензированию. Редакция имеет право отклонить рукопись или предложить автору ее доработать в соответствии с требованиями.

К рассмотрению принимаются материалы, соответствующие *следующим критериям*:

– статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы;

– уровень оригинальности материалов должен быть не менее 70 %;

– максимальное количество авторов – не более 3-х, за исключением статей по результатам экспериментальных исследований;

– представляемые в редакцию материалы не должны быть ранее опубликованы в других изданиях или в данный момент находиться на рассмотрении в других журналах;

– представленные статьи, рецензии, сообщения должны соответствовать принятым правилам оформления (см. Требования к оформлению).

Публикация статей бесплатная.

ГРАФИК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В 2019 г.

Выпуск № 1 – до 15 января 2019 г.,

Выпуск № 2 – до 15 марта 2019 г.,

Выпуск № 3 – до 15 мая 2019 г.,

Выпуск № 4 – до 15 сентября 2019 г.

ТРЕБОВАНИЯ

**к материалам, направляемым в журнал
«Гуманитарно-педагогические исследования»**

Порядок представления материалов

Материалы представляются в электронном виде на адрес электронной почты <igo@magtu.ru> **в одном письме** с темой «**В журнал “Гуманитарно-педагогические исследования”**» в нескольких файлах:

1. Текст статьи (рецензии/сообщения) с аннотацией и ключевыми словами, сведения об авторах на русском языке.

2. Информация на английском языке (аннотация, ключевые слова, транслитерация библиографического списка, сведения об авторах).

3. Скан-копия заверенного бланка согласия (см. Бланк согласия),

4. *Скан-копия рецензии для аспирантов и магистрантов, заверенная печатью (в документе отражается актуальность раскрываемой проблемы, оценивается научный уровень и дается рекомендация об опубликовании статьи в журнале).

Файлы должны быть поименованы по фамилии автора (например, **Иванов1, Иванов2, Иванов3, *Иванов4**).

Требования к оформлению

1. Текст статьи (файл 1) предоставляется в электронном виде и создается в текстовом редакторе Microsoft Word с расширением **docx**.

Расположение и структура текста внутри статьи:

УДК – в левом верхнем углу 1-ой страницы статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации

И.О. Фамилия автора (Город, Страна) – в правом верхнем, полужирным курсивом указываются инициалы и фамилия автора, затем обычным курсивом город и страна (на русском языке).

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ – по центру заглавными буквами, полужирным (на русском языке). Название статьи должно полноценно отражать предмет и тему статьи, а также основную цель (вопрос), поставленную автором для раскрытия темы.

Название статьи не должно превышать 13 слов (=100 знаков). Не следует употреблять в названии аббревиатуры (кроме общеизвестных), а также допускать скопления знаков препинания (: () /), а также оборотов (*на примере...*). Не рекомендуется начинать формулировку названия со слов: «*О...*»; «*К ВОПРОСУ/ОБСУЖДЕНИЮ...*»; «*ИСПОЛЬЗОВАНИЕ...*».

Аннотация – объемом **200-250 слов** на русском языке, отделяется от текста статьи пропуском строки. Рекомендуется отражать: предмет исследования, цель работы, метод или методологию проведения исследования, основные результаты работы и область применения результатов исследования *актуальность, методы, результаты, новизну и значимость исследования*. Не следует повторять название статьи.

Ключевые слова – на русском языке 5–8 слов (терминов), способствующих индексированию статьи в поисковых системах.

Текст набирается шрифтами Times New Roman, размер шрифта – 14 кеглей, межстрочный интервал – полуторный, все поля – 2 см, абзацный отступ – 1 см.; ориентация – книжная, перенос автоматический (без заголовков). Между словами текста делается один пробел (два и более не допускается). При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи такие шрифты должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке.

Текст рекомендуется структурировать

Введение – постановка рассматриваемого вопроса, актуальность, краткий обзор научной литературы по теме, четкая постановка цели работы.

Основная часть статьи должна быть разбита на пронумерованные разделы, имеющие содержательные названия. Возможны подразделы. Она должна содержать описание *материала и методов* исследования, описание проведенного анализа и полученные результаты.

Заключение – основные выводы исследования.

Языковые примеры выделяются в тексте курсивом, примеры из художественных текстов должны иметь ссылки на источники в подстрочных постраничных ссылках (не в список литературы). Допускается цитирование любых первоисточников, однако в список ссылок НЕ следует включать ссылки на такие материалы, как: неопубликованные работы; государственные документы (постановления правительства, законы и т.д.), исторические документы, газетные статьи, словари, художественные произведения.

Дефис должен отличаться от *тире*, например: *историко-культурное* и *конец XIX – начало XX вв.* Тире должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления числовых периодов и дат: с. 39–41, 1920–1935, Т. 1–3.

Рисунки, таблицы и графики должны иметь названия, а в случае если их в статье несколько, то нумерацию. Таблицы размещаются непосредственно в тексте статьи, нумеруются по порядку. Следует придерживаться принципа единообразия: все таблицы должны иметь тематические заголовки либо все без исключения не иметь названий. Вся информация в графах набирается кеглем 12 основного шрифта.

Кавычки должны быть одного начертания по всему тексту. Внешние кавычки – «елочки» («»), внутренние – «лапки» (“”).

При наборе римских цифр используется латинская клавиатура: VIII, XV, II, III. *Не допускается:* У111, ХУ, П, Ш.

При наборе *не допускается использование стилей, не задаются колонки.*

Не допускается применение автоматических списков (перечней).

Ссылки и литература. Библиографические ссылки на русском языке, оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Для ссылок на научную литературу используются *затекстовые* ссылки, а на цитируемые литературные произведения, газеты, полевой материал и архивные документы, нормативные акты *подстрочных сносок* со сквозной нумерацией по тексту статьи.

Подстрочная сноска (первичная) представляет собой полную ссылку на источник.

¹Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки. М. : Проспект, 2006. С. 305-412.

Подстрочная сноска (повторная) при последовательном расположении первичной и повторной ссылок:

¹Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки. М. : Проспект, 2006. С. 305-412.

²Там же. С. 306.

Подстрочная повторная сноска среди прочих ссылок:

¹²Языков Н. М. Указ. соч. С. 631.

¹³ГАРФ. Ф. 1234. Оп. 1. Д. 345. Л. 56.

¹⁴Тарасова В. И. Указ. соч. С. 387.

¹⁵Там же. С. 388...

³² О жилищных правах научных работников [Электронный ресурс]: постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 авг. 1933 г. (с изм. и доп., внесенными постановлениями ВЦИК, СНК РСФСР от 1 ноябр. 1934 г., от 24 июня 1938 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³³Лэтчфорд Е. У. С Белой армией в Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт армии адмирала А. В. Колчака: [сайт]. [2004]. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Число авторов. В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены **ВСЕ АВТОРЫ**. В случае, если у публикации более 6 авторов, то после 6-го автора необходимо поставить сокращение "..., и др." или "..., et al."

Гурьянова И. В., Испулова С. Н., Клещева Е. А., Кузьменко Н. И., Слепухина Г. В., Халикова Д. А. Комплексное сопровождение субъектов инклюзивного образовательного пространства : монография с международным участием / отв. ред. Н. И. Кузьменко. Новосибирск : Изд. АНС «СибАК», 2017. 132 с.

Затекстовые библиографические ссылки на пристатейный список должны быть оформлены в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц для опубликованных печатных изданий - [1, т. 2, с. 25].

В тексте:

[10, с. 81] или [10, с. 106]

В затекстовой ссылке:

10. Бердяев, Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

Если текст цитируется не по первоисточнику, то в начале отсылки приводят слова «Цит. по:», например, [Цит. по: 13, с. 16].

Затекстовые ссылки располагаются в разделе **ЛИТЕРАТУРА** с 1-м отступом от текста. Порядок расположения источников в списке – алфавитный. Автоматическая нумерация не применяется. Источники на иностранных языках подаются в оригинале и не подвергаются затем транслитерации в разделе **REFERENCES**.

Общий объем статьи (с аннотацией, ключевыми словами, библиографическим списком, на русском и английском языках) от 10 000 до 40 000 знаков с пробелами (не должен превышать 1 авторский лист.) (См. Образцы оформления статьи на русском и английском языках).

Сведения об авторе на русском и английском языках. Оформляются в конце статьи в таблице.

Таблица

Фамилия / Surname	
Имя, отчество / Name, middle name	
Ученая степень /Academic degree, звание / rank	
Организация (с указанием страны и города) / The organization (with the indication of the country and city)	
Должность / Position	
Почтовый адрес и телефон места работы / Postal address and phone of a place of work	
E-mail	
Контактный телефон / Contact phone	
Адрес для почтовой рассылки / The address for a mailing group	

Для аспирантов и магистрантов – кафедра, факультет /институт, учебное заведение, город, страна.

Внимание! Телефон (не публикуется, используется только для связи с автором в период подготовки статьи к печати; e-mail (публикуется); почтовый адрес (не публикуется).

2. Информация на английском языке (аннотация, ключевые слова, транслитерация библиографического списка) (файл 2).

Тема статьи / рецензии / сообщения на английском языке.

Раздел **Abstract** содержит качественный (не машинный) английский перевод русского версии аннотации.

Раздел **Keywords** включает международные аналоги употребляемых терминов.

REFERENCES содержит транслитерацию списка из раздела «ЛИТЕРАТУРА». При автоматической транслитерации нужно выбирать версию BSI. Источники на иностранных языках не транслитерируются и приводятся в оригинале. Транслитерацию наименований журналов следует сопровождать официальным наименованием (соответствующим названию издания в наукометрических системах РИНЦ и др.) на английском или другом иностранном языке, например: ... *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical Education in Russia], 2016, no 6, pp. 12-17.

Названия городов указываются полностью: М. : - в «References»: Moscow.

3. Скан-копия заверенного бланка согласия (файл 3). Согласие оформляется по образцу (см. прикрепленный файл *Blank soglasiya*). Бланк высылается после прохождения нормоконтроля, перед направлением на рецензирование. Подписывается всеми авторами (и соавторами в одном документе), заверяется по месту работы или учебы (аспирантов/магистрантов), заверяется печатью данных организаций. Сканируется.

5. *Скан-копия рецензии для аспирантов и магистрантов (файл 4), заверенная печатью (в документе отражается актуальность раскрываемой проблемы, оценивается научный уровень и дается рекомендация об опубликовании статьи в журнале). Оформляется, если статья присылается не в соавторстве с научным руководителем. Сканируется.

КОНТАКТЫ РЕДАКЦИИ

Главный редактор – доктор пед. наук, профессор, профессор **Ольга Владимировна Гневэк**. – рабочий тел. – 8 (3519) 229961, e-mail: igo@magtu.ru

